

В.П. Липеровский

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

В.П. Липеровский

**СИНТАКСИС
СОВРЕМЕННОГО
ХИНДИ**

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Ответственный редактор
А.С.БАРХУДАРОВ

Книга посвящена решению важнейших проблем синтаксиса хинди. Так, интересен вопрос об основах структурной организации глагольных предложений, дано подробное описание конструкций, различающихся модальным или аспектуальным значением, представлена формальная и содержательная интерпретация выявленных элементарных структур реализации синтаксической связи, освещена проблема взаимоотношения средств и способов выражения синтаксических связей слов. Исследование, проведенное на богатом языковом материале, теоретически обобщает многие языковые данные, касающиеся строения и механизма образования синтаксических единиц.

Л 4602010000-208 86-87
013(02)-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1987.

ВВЕДЕНИЕ

В книге предпринята попытка отразить основные закономерности формирования такой синтаксической единицы современного хинди, как глагольное предложение, и показать механизм соединения слов и словоформ, ведущий к возникновению элементарных структур.

В первой главе разрабатываются проблемы теории моделей предложения. Основное внимание при этом уделяется рассмотрению определенных структурных схем, реализуемых в языке конкретными предложениями. Нам представлялось целесообразным при интерпретации языковых фактов обращаться к терминам уровня семантической структуры предложения, т.е. уровня, на котором проявляются коммуникативно-функциональные значения компонентов предложения (такие, как значение субъекта действия, значение объекта и т.п.).

Во второй главе работы изложены результаты классификации предложений с предикативным центром, определенной структуры и определенной семантики. Конструктивные особенности предложений анализируются с позиций синтаксической парадигматики.

Третья и четвертая главы в значительной мере систематизируют известные, но подчас разрозненные сведения по синтаксису хинди. Вместе с тем некоторые вопросы, оставшиеся недостаточно освещенными в работах по грамматике хинди, подвергнуты в этих частях детальному обсуждению, а их разработка получает дальнейшее развитие.

Глава 1

ОСНОВЫ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЦЕНТР

Предложение – это организованная по законам данного языка из его слов такая единица речи, которая передает относительно законченную мысль и наделяется в силу этого способностью использоваться в качестве единицы общения между людьми. Относительная законченность мысли, присущая предложению и достаточная для выполнения им функции коммуникативной единицы, обеспечивается его свойством предикативности, которое выступает как осознанное отношение между содержанием высказывания и действительностью.

Предикативность предложений языка хинди выявляется в подавляющем большинстве случаев в глагольных формах, сочетающих значения модальности и времени, т.е. в финитных глагольных формах с присущими им различиями по категории наклонения и категории времени.

Поэтому глагол в финитной форме (финитный глагол) или сам выступает в качестве *предикативного центра предложения*, т.е. им в плане категорий наклонения и времени актуализируется представление о действии как о процессуальном (динамическом) признаке предмета, раскрываемом его (глагола) лексическим значением, или образует предикативный центр совместно со словом (словами), указывающим (указывающими) на непроцессуальный признак предмета, т.е. глагол в качестве связи актуализирует в плане тех же категорий представление о соответствующем непроцессуальном признаком.

Предикативный центр предложения является одновременно и его конструктивным центром, поскольку именно им определяются в главных чертах конструктивные особенности того или иного предложения, его строение и состав.

В связи с дифференциацией предикативных центров, намеченной выше, предложения языка хинди, содержащие финитный глагол, подлежат делению на две основные группы:

(а) собственно глагольные предложения; (б) глагольно-связочные предложения¹.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ КАРКАС СОБСТВЕННО ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ЕГО КОМПОНЕНТЫ И КОНСТРУКЦИИ

Структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений хинди образуют помимо предикативного центра их члены, конструктивная значимость которых определяется тем, что в реализации синтаксической связи с предикативным центром они обнаруживают:

- 1) зависимость в грамматическом оформлении от оформления (в плане дифференциации залогов, а также времен и/или наклонений) финитного глагола;
- 2) способность влиять на принятие финитным глаголом форм согласования в роде, числе и лице.

Первый из упомянутых факторов конструктивной значимости слов, находящихся в синтаксической связи с предикативным центром, касается имен (существительных и субстантивных местоимений), характеризующихся функциональным значением² субъекта действия и предстающих при этом в какой-либо из следующих форм: (а) в форме косвенного падежа с послелогом *ve*³; (б) в послеложно-падежной форме на *ne*⁴; (в) в форме прямого падежа. Появление первой из форм обусловливается инактивным залогом финитного глагола, тогда как две последние формы имени обнаруживают свою зависимость от финитных глагольных форм активного залога, причем появление послеложно-падежной формы на *ne* предопределется перфективными формами, т.е. формами, в образовании которых участвует перфективное

¹ В принятых нами наименованиях отражен тот факт, что под собственно глаголом, противопоставляемым связочному (полусвязочному) глаголу, понимается знаменательный глагол, т.е. глагол, располагающий полным лексическим значением. В лингвистической литературе встречается, однако, трактовка собственно глагола как финитного глагола, противопоставляемого нефинитным (инфinitным) глагольным формам.

² О функциональном значении как обобщенном понятии, отображающем компонент реальной или мысленной ситуации, см. статью В.М.Солинцева [61, с.20].

³ На месте послелога *ve* допускается в ряде случаев использование таких послелогов, как [ke] *dūṛtā*, *ke zariye*, *ke hāth*, *kī or ve*.

⁴ Под послеложно-падежной формой на *ne* имеется в виду сочетание, состоящее из падежной формы существительного или субстантивного местоимения и послелога *ne* (данному послелогу предшествует форма косвенного падежа, и только личным местоимениям 1-го и 2-го лица присуща перед послелогом *ne* форма прямого падежа).

причастие глаголов определенного подмножества⁵, а форма прямого падежа оказывается связанной в своем употреблении как со всеми другими финитными формами всех без исключения глаголов, так и с перфективными формами глаголов, не попадающих в оговоренное выше подмножество.

Поскольку в языке хинди субъектной валентностью, т.е. способностью сочетаться с именем субъекта действия, обладают все глаголы, постольку учет различий между предложениями, связанных с наличием или отсутствием имени, характеризующегося функциональным значением субъекта, в окружении глагола, а также с разным оформлением такого имени, имеет первостепенное значение для установления структурных разновидностей предложений.

На упомянутые выше три формы имени, характеризующегося функциональным значением субъекта, может быть распространено при их трактовке в терминах дистрибутивного анализа понятие дополнительного распределения. Так, дополнительно распределенными оказываются, во-первых, послеложно-падежная форма на *ne* и форма прямого падежа (относительно глаголов в перфективных формах, а также относительно финитных форм агентивных глаголов) и, во-вторых, обе эти формы, с одной стороны, и форма косвенного падежа с послелогом *ve* – с другой (в связи с различием активного и инактивного залогов).

Второй фактор конструктивной значимости касается имен, наделенных в форме прямого падежа функциональным значением субъекта или объекта действия: у таких имен значения, раскрываемые в плане категорий рода, числа, лица, отражаются в финитном глаголе в силу действующих правил согласования. При этом согласованием с именем объекта затрагиваются перфективные формы активного залога агентивных глаголов (т.е. глаголов, сочетающихся в своих перфективных формах с послеложно-падежной формой на *ne* имени субъекта) и формы инактивного залога.

В обоих случаях факт согласования финитного глагола с именем объекта действия является ярким синтаксическим показателем реализации соответствующим глаголом своей прямообъектной валентности и, следовательно, принадлежности данного глагола к разряду переходных глаголов.

Таким образом, в образовании структурно-грамматического каркаса предложений языка хинди участвуют помимо предикативного центра следующие единицы:

---

⁵ В хинди глаголы данного подмножества могут быть названы *агентивными*, если присущую им способность сочетаться в своих перфективных формах с именем не иначе как в послеложно-падежной форме на *ne* квалифицировать как их синтаксический признак агентивности на том основании, что для послеложно-падежной формы на *ne* единственной возможной функцией среди функций, различаемых в логико-семантическом плане, является функция субъекта действия, т.е. функция агента.

1) имя субъекта действия в послеложно-падежной форме на *ne* – $N^S\text{-}ne$, отвечающее первому из отмеченных выше факторов конструктивной значимости (его появление предопределяется перфективными формами активного залога глаголов определенного подмножества – агентивных глаголов);

2) имя субъекта в форме прямого падежа – $N^S\text{dir.}$, отвечающее первому и второму факторам конструктивной значимости (оно появляется при финитной форме, не входящей в круг перфективных форм агентивных глаголов, и вместе с тем обнаруживает способность находить для своих значений, раскрываемых в аспекте категорий рода, числа и лица, отражение в финитном глаголе);

3) имя субъекта действия в форме косвенного падежа с послелогом *se* – $N^S\text{-}se$, отвечающее первому фактору конструктивной значимости (его появление предопределяется формами инактивного залога);

4) имя объекта действия в форме прямого падежа – $N^d\text{dir.}$, отвечающее второму фактору конструктивной значимости в случаях сочетания с перфективными формами активного залога агентивных глаголов и формами инактивного залога (оно предопределяет "выбор" финитным глаголом формы, согласуемой в роде, числе и лице).

Финитный глагол, служащий предикативным центром предложения, согласуется, как известно из вышеизложенного, с именем в форме прямого падежа, наделенным функциональным значением или субъекта, или объекта действия. Оставаясь же несогласуемым, он выступает в нейтральной форме, которая, если принимать во внимание максимальное число способных отражаться в нем "именных" граммем, совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода.

Несогласуемыми являются формы инактивного залога предложений, не содержащих имени объекта в форме прямого падежа. Несогласуемыми могут быть формы активного залога, сочетающиеся с послеложно-падежной формой на *ne* имени субъекта действия, т.е. перфективные формы активного залога агентивных глаголов.

С учетом такого фактора, как согласование или, наоборот, несогласование финитного глагола, служащего предикативным центром предложения, с синтаксически связанным с ним именем, и функционального значения имени (имя субъекта или имя объекта), влияющего на форму глагола при согласовании, а также с учетом залоговой характеристики (активный или инактивный залог) финитного глагола можно выделить в качестве основных пять синтаксических конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди:

1) активно-субъектная конструкция, находящая отражение в формуле $N^S\text{dir.}-^S V$, где надстрочный знак *S* при символе финитного глагола *V* служит показателем согласования с именем субъекта действия; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *Tārā arpe takān par rāñčit...*

(S, TY, 46) 'Тара прибыла к себе домой...', (2) *baħut-se maġarrasčħi machliyāħ khātē hāi...* (KC, G, 54) 'Многие крокодилы пожирают рыб...', (3) *is bħed ko is aepatāl kā däktar pür-natajā ġāntā thā* (AP, D, 115) 'Эту тайну врач той больницы знал во всех подробностях';

2) активно-объектная конструкция, находящая отражение в формуле $N^S-ne - N^d dir. - \overset{d}{\text{v}}(\text{act. pf.})$, где надстрочный знак d при символе финитного глагола V служит показателем согласования с именем объекта действия, а надстрочные обозначения, помещенные при том же символе в скобках, т.е. (act. pf.), служат уточнению грамматической характеристики финитного глагола, сигнализируя о принадлежности его формы к перфективным формам активного залога; примерами ее реализации являются следующие предложения: (1) *phir mis Päl ne jaldī-jaldī stov jalāyā...* (PL, 142) 'Затем мисс Пал поспешно зажгла плиту...', (2) *taħ ne āscayha ve citti parħi* (S, TY, 134) 'Я с изумлением прочитал письмо', (3) *terie lie duħkha taħi ne wahe hāi* (S, TY, 257) 'Ради тебя вынесла я все невзгоды';

3) активно-нейтральная конструкция, находящая отражение в формуле $N^S-ne - \overset{n}{\text{v}}(\text{act. pf.})$, где надстрочный знак n при символе финитного глагола V служит показателем отсутствия согласования; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *Pur ī ne bagal kī rasot tħe jħakka* (Y, DB, 301) 'Пури заглянул в расположенную сбоку кухню', (2) *däktar ne Latikā kī or dekhā* (PL, 125) 'Доктор посмотрел на Латику', (3) *Balvantinh ne... fahrilstō ko gaur ve parħa* (BC, C, 36) 'Бальвантсинг... внимательно прочитал списки';

4) инактивно-объектная конструкция, находящая отражение в формуле $N^S-se - N^d dir. - \overset{d}{\text{v}}(\text{inact.})$, где надстрочный знак d при символе финитного глагола V служит, как и в формуле активно-объектной конструкции, показателем согласования с именем объекта действия, а надстрочный индекс (inact.) уточняет грамматическую характеристику финитного глагола, сигнализируя о принадлежности его формы к формам инактивного залога; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) *tujh se häsī naħi rokī gač* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха', (2) *pánī ke raive tujh se na diye jāyēge* (P, N, 156) 'Деньги на воду я давать не намерен', (3) *āge ek šabda bħiż-ġagħiġ se naħi bolā gayā...* (N, D, 139) 'Больше вновь прибывший не мог вымолвить ни слова...';

5) инактивно-нейтральная конструкция, находящая отражение в формуле $N^S-se - \overset{n}{\text{v}}(\text{inact.})$, где надстрочный знак n при символе финитного глагола V служит, как и в формуле активно-нейтральной конструкции, показателем отсутствия согласования; примерами ее реализации служат следующие предложения: (1) ...*akele tujh se yaħħi na rahā jāyagħi* (P, N, 27) '... одна я здесь не могу оставаться', (2) *āge mästar ve bolā naħi gayā* (N, D, 137) 'Больше учитель говорить не мог',

(3) *Mohan se motar ko calāyā jāegā* 'Машину сможет повести Мохан' [107, с.183]⁶.

Среди отмеченных выше конструкций активно-объектная конструкция — это конструкция, которую исследователи, опираясь на результаты типологического изучения предложений, принимают за эргативную на том основании, что в ней имя объекта, относящееся к переходному глаголу, не отличается по оформлению от имени субъекта при непереходном глаголе, а имя субъекта характеризуется специфическим оформлением. Активно-нейтральная же конструкция расценивается при таком подходе как эргативообразная [28, с.119]. Таким образом, эргативная конструкция в нашем понимании представляет собой в хинди лишь одну из пяти основных конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений.

Предложенная выше дифференциация конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений, почти полностью совпадает с разграничением структур, проводимым индийскими грамматистами при помощи таких понятий, как залог (*vācya*) и употребление (*prayog*) глагола, из которых последнее связывается непосредственно с понятием конструкции (см., например, упоминание о *prayog* как о глагольной конструкции в книге Хардева Бахри [87, с.365]).

Пунктом расхождения является конструкция, названная нами инактивно-нейтральной: на ее месте индийские грамматисты усматривают существование двух самостоятельных конструкций, различаемых практически в зависимости от того, есть ли в окружении финитного глагола имя объекта действия (имеется в виду имя объекта, стоящее в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, в форме объектного падежа) или нет, или, проще говоря, в зависимости от переходности или непереходности финитного глагола.

Например, Камтапрасад Гуру рассматривает в качестве самостоятельных "нейтральную конструкцию пассивного залога" (*kartāvācya bhāvēprayog*), иллюстрируемую, в частности, предложением *paikar ko vahā bhējā jāyāgā* 'Слуга туда будет послан' или 'Слугу туда пошлют', и "нейтральную конструкцию безличного залога" (*bhāvavācya bhāvēprayog*), иллюстрируемую, в частности, предложением *tijh se calā naī jātā* 'Я не в состоянии двинуться' [98, с.270]. Такое разграничение конструкций связано, как видно из их наименований, с тем, что финитная форма, представленная сочетанием перфективного причастия смыслового глагола с выступающим в качестве вспомогательного глаголом *jāpā*, трактуется Камтапрасадом Гуру или как форма пассивного залога, если смысловой глагол относится к переходным, или как форма безличного залога, если смысловой глагол относится к непереходным [98, с.257]. Такой же точки зрения придерживается Арьяндра Шарма [130, с.57, 60].

Судха Кальра, разделяющая в вопросе о залогах концепцию Дуничанда (к активному залогу относятся формы глагола, согласуемые с именем субъекта, к пассивному — согласуемые с именем объекта, к

⁶ Каждая из приведенных пяти формул воспроизводит порядок слов, отвечающий консультативной нейтральности предложений.

безличному – несогласуемые формы [110, с.164–167; сп.95, с.239–240]), называет одну из двух конструкций, расцениваемых нами как обусловленные разной валентностью глаголов варианты инактивно-нейтральной конструкции, объектно-безличной конструкцией (*karta-bhāve prayog*), другую – нейтрально-безличной конструкцией (*bhāva-bhāve prayog*) [110, с.167].

Остальные четыре конструкции, отмеченные нами в качестве воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди, как уже было сказано, находят полное соответствие в конструкциях, выделенных в работах индийских лингвистов [98, с.268–270; 130, с.60; 110, с.164–167].

Так, активно-субъектная конструкция соответствует "субъектной конструкции активного залога" (*kartṛvācya kartariprayog*, в терминах Камтапрасада Гуру) или "структуре активного залога" (*kartṛvācya rastā*, в терминах С.Кальры), активно-объектная конструкция – "объектной конструкции активного залога" (*kartṛvācya kartapīprayog*) или "субъектно-пассивной конструкции" (*kartṛkartaṇi prayog*), инактивно-объектная конструкция – "объектной конструкции пассивного залога" (*kartāvācya kartapīprayog*) или "объектно-пассивной конструкции" (*kartakartaṇi prayog*), активно-нейтральная конструкция – "нейтральной конструкции активного залога" (*kartṛvācya bhāveprayog*) или "субъектно-безличной конструкции" (*kartṛbhāve prayog*).

ИМЯ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА И ЕГО ОФОРМЛЕНИЕ

В предложениях, которые реализуют активно-объектную или инактивно-объектную конструкции, имя объекта является непременным членом. Причем его статус единицы структурно-грамматического каркаса предложений определяется его формой, а именно формой прямого падежа, обеспечивающей согласование с ним финитного глагола. В предложениях, реализующих каждую из остальных трех конструкций, наличие имени объекта действия является возможным. Но если в предложениях, воспроизводящих активно-субъектную конструкцию, имя объекта, отвечающее валентным свойствам глагола, выступает как в форме прямого падежа (см. второй пример реализации данной конструкции, где имя объекта – *machliyā*), так и в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что касается только местоимений, объектного падежа (см. третий пример реализации данной конструкции, где имя объекта – *is bhed ko*), то в предложениях, воспроизводящих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции, для имени объекта допустим только второй способ оформления (см. третьи примеры реализации соответствующих конструкций, где имена объекта – это *N^d-ko*: *fahristō ko* и *ṭoṭar ko*).

Хотя имя объекта, выступающее в предложениях, реализующих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции, и не является единицей структурно-грамматического каркаса соответствующих предложений, все же оно обладает определенной конструктивной значимостью. Эта

значимость обусловлена дополнительной дистрибуцией способов оформления имени объекта при формах финитного глагола, обнаруживающейся при сопоставлении активно-нейтральной и инактивно-нейтральной конструкций с активно-объектной и инактивно-объектной конструкциями: форма косвенного падежа с послелогом *ко* или, что касается только местоимений, объектного падежа сочетается с несогласуемой, или нейтральной, формой финитного глагола (см. активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции), форма прямого падежа – с согласуемой формой глагола (см. активно-объектную и инактивно-объектную конструкции). Таким образом, конструктивная значимость имени объекта в предложениях, реализующих активно-нейтральную и инактивно-нейтральную конструкции, заключается в том, что его форма находится в отношении дополнительного распределения с такой формой, которая присуща единице структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих две другие конструкции (активно-объектную и инактивно-объектную). Следовательно, можно усматривать в синтаксисе хинди существование объектного варианта как активно-нейтральной, так и инактивно-нейтральной конструкции, противопоставляемого, разумеется, безобъектному варианту данных конструкций⁷.

Вопрос о выборе способа оформления имени объекта в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, а также в предложениях, где с различным оформлением имени объекта (форма прямого падежа либо форма косвенного падежа с послелогом *ко* или, что касается только местоимений, объектного падежа) связано возникновение активно-объектной или инактивно-объектной конструкции и появление объектного варианта у активно-нейтральной и инактивно-нейтральной конструкций, заслуживает пристального внимания. Сведения, изложенные по данному вопросу в грамматической литературе по хинди и урду⁸, и обобщения, сделанные с учетом или привлечением материала из

⁷ Объектному варианту инактивно-нейтральной конструкции соответствует то, что Ю.А.Смирнов на материале языка панджаби квалифицировал как полу passivную конструкцию [60, с.281]. В трудах же индийских грамматистов ему соответствует "нейтральная конструкция пассивного залога" или "объектно-безличная конструкция", а безобъектному варианту инактивно-нейтральной конструкции – "нейтральная конструкция безличного залога" или "нейтрально-безличная конструкция" (см. выше, с.9–10). Отдельных же конструкций, которые можно было бы поставить в соответствие объектному и безобъектному вариантам активно-нейтральной конструкции (ср. предложения *rānī ne baheliyō ko bulāyā* 'Рани позвала подружек' и *larki ne chīkā hai* 'Девушка чихнула' [98, с.270]), индийские грамматисты не выделяют. В результате, как нам представляется, нарушается последовательность в их трактовке синтаксических структур.

⁸ Более или менее обстоятельным освещением данного вопроса отличается ряд работ [66, с.211–216; 77, с.47–49; 93, с.52–53; 97,

других новых индоарийских языков⁹, дают основание утверждать, что выбор формы для имени прямого объекта не определяется каким-либо одним-единственным фактором, влиянием которого можно было бы объяснить все случаи сохранения противопоставления "прямой падеж ~ косвенный падеж с послелогом *ko* (или, что может касаться только местоимений, объектный падеж)" при выражении функционального значения объекта действия.

В чисто синтаксическом плане организации предложения, связанном с валентностью финитного глагола, существенными моментами являются следующие:

1) форме прямого падежа как примете имени прямого объекта свойственно контрастировать на синтагматической оси с формой косвенного падежа с послелогом *ko* (или, что касается только местоимений, объектного падежа) имени адресата действия, например, *taī iš visay tē lokmat ko pradhāntā nāhī detī, nāhī dīgī* (JK, K, 97) 'В этом вопросе я не придаю и не придаю большого значения общественному мнению', ...*tere būkh-dūkh kā bhār ek kavi ko vāyprā gāyā* (S, TY, 197) '...бремя ответственности за мою судьбу было возложено на поэта';

2) форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или, что касается только местоимений, объектного падежа) как примете имени прямого объекта свойственно контрастировать со стоящей непосредственно перед глаголом формой прямого падежа имени, связанного квалификативным отношением с именем прямого объекта (показательны примеры с формами активного залога), например, *bahmanī rājād ne hindī ko rājbhāṣā bānāyā thā* (RVS, 345) 'Бахманиды объявили (букв. сделали) хинди государственным языком', *log munśījī ko lākhpati nāhī to bāṛā ādmī avaḍyā vatajhte the* (P, N, 132) 'Люди считали мунши [Тотарама] если и не миллионером, то уж, во всяком случае, человеком состоятельным'.

с.44–47; 98, с.426–427; 101, с.167–170; 111, с.396–402; 113, с.178–179; 121, с.169–170; 134, с.492–493; 135; 136, с.26; 137, с.120–122, 144, 149, 154–155; 138, с.194–196; 139, с.153–157; 143, с.72–75]. См. также: [116, с.49; 124, с.91–92].

⁹ Здесь мы имеем в виду работы Г.А.Зографа [33, с.55–67, 358; 34]. В них в качестве влияющих на выбор формы имени объекта рассматриваются (помимо синтаксического фактора, связанного с валентной характеристикой глагола) значения, раскрываемые в плане категории персональности (категории "лица – не-лица"), которая как классифицирующая категория считается доминирующей в североиндийских языках над противопоставлением имен существительных по признаку "одушевленность ~ неодушевленность", и категории определенности, которая выделяется на базе противопоставления по признаку "индивидуальный (конкретизованный) объект ~ обобщенный (неконкретизованный) объект" и принимается за словоизменительную категорию. Форма косвенного падежа с послелогом *ko* расценивается как отвечающая значению персональности (значению "лицо") и вместе с тем как средство выражения значения индивидуального (конкретизованного) объекта.

В связи с семантикой глагола и имен, выступающих в предложении, реализующем активно-субъектную конструкцию, существенным синтаксическим моментом организации предложения является контраст на синтагматической оси между формой косвенного падежа с послелогом *ko* как приметой имени прямого объекта и формой прямого падежа имени, на-деляемого функциональным значением субъекта действия, например: ...*bařī machlī chotī machlī ko khā rahī hai* (NK, 1961, VI, 9) '...крупная рыба пожирает мелкую рыбку', *ultā cor kotvāl ko dāte* (MK, 52) 'Ну и дела: страшает вор котвала'¹⁰ (См. подобного рода примеры, уже приво-дившиеся в грамматической литературе, в которых в слу-чае устранения указанного контраста различию имени объекта и имени субъекта действия не могла бы служить и форма финитного глагола вследствие одинакового значе-ния рода и числа у обоих имен: *sirkā dūdh ko phārtā hai* 'Кислый сок сквашивает молоко' [77, с.49], *hīrā šīše ko kāttā hai* 'Алмаз режет стекло' [102, с.32], *Rām Govind ko dekhtā hai* 'Рам видит Говинда' [137, с.120].)

Другой синтаксический момент касается порядка слов: дистантное расположение имени объекта по отношению к фи-нитному глаголу, выступающему в форме активного залога, является благоприятным условием оформления имени объек-та косвенным падежом с послелогом *ko*, например: *kātare ke parde lage hue darvāze ko kītē ne khatkhatāyā* (AP, D, 11) 'В занавешенную дверь комнаты кто-то постучал' [ср. *acānak kītē ne bāhar se darvāzā khatkhatāyā* (BC, C, 35)] 'Едруг кто-то постучал снаружи в дверь', *is bhed ko iz avaratāl kā dākṭar pūrnatayā jāntā thā* (AP, D, 115) 'Эту тайну врачу той больницы знал во всех подробностях' [ср. *tum yah bāt jān-te the ...* (MR, A, 203) 'Вы знали это обстоятельство...']¹¹.

Вместе с тем на способе оформления имени объекта дей-ствия оказывается и то, в форме какого залога выступает финитный глагол. Это проявляется в следующем.

1. Ограничения на оформление имени объекта прямым па-дежом имеют место в предложениях с формами активного за-лога, но отсутствуют в предложениях с формами инактив-ного залога, о чем, в частности, свидетельствуют такие примеры: *Candar bhī nikāl diyā jāugā?* (P, N, 27) 'И Чандара тоже прогонят?' (ср. некорректность предложения **gharvāle Candar bhī nikāl dēge?*), где *Candar* – это собственное имя ли-ца, при грамматической правильности такого предложения, как *gharvāle Candar ko bhī nikāl dēge?* 'Домашние Чандара тоже прогонят?'), ...*māi bułā liyā gayā* (G, DR, 38) '...меня по-звали' (ср. некорректность структуры *...*afsar ne māi bułā liyā*, где *māi* – личное местоимение 1-го лица единственного числа, при грамматической правильности такого образова-ния, как ...*afsar ne māj ko bułā liyā* '...чиновник позвал меня').

¹⁰ Котваль (*kotvāl*) – начальник городской полиции.

¹¹ В таких предложениях нейтральному порядку слов отвечает по-зиция имени прямого объекта непосредственно перед глаголом.

2. Употребление с формами инактивного залога в большей степени свойственно форме прямого падежа имени объекта, чем форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или объектного падежа, что касается только местоимений), в связи с чем прямой падеж имени объекта лингвисты склонны считать отвечающим основному (или стандартному) типу пассивных конструкций [98, с.258; 124, с.297–298; 129, с.20]¹².

Мы, таким образом, не разделяем довольно распространенной точки зрения, согласно которой выбор способа оформления имени прямого объекта регулируется одними и теми же правилами независимо от залога финитного глагола. Приведенные выше примеры уже свидетельствуют о необоснованности следующего категорического утверждения: "Правила, определяющие в предложениях пассивного залога присоединение или неприсоединение аффикса *ko* к объектному падежу, являются теми же, какие действуют в предложениях активного залога" [113, с.178].

СЛУЧАИ ОТСУСТВИЯ ИМЕНИ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ С ФИНИТНЫМ ГЛАГОЛОМ АКТИВНОГО ЗАЛОГА

Такая единица структурно-грамматического каркаса, как имя субъекта действия, обычно выступает в качестве неотъемлемой составной части предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме активного залога. Однако в ряде случаев она не получает словесного выражения, что бывает связано с передачей определенного содержания, опирающейся на форму лица, наклонения или времени финитного глагола.

Так, в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, имя субъекта как единица их структурно-грамматического каркаса не выступает:

1) в связи с передачей неопределенного личного значения (значения неопределенного лица), опирающейся на форму 3-го лица множественного числа мужского рода настоящего общего времени глаголов, например, *süt ko kätte hääi aig is se kaprä banäte hääi* [98, с.259] 'Прядением получают нить, а из нее изготавливают ткань' (в пословицах и поговорках неопределенно-личное значение уступает место

¹² Возникновение пассивной конструкции, содержащей имя объекта в косвенном падеже с послелогом *ko*, т.е., согласно нашей терминологии, объектного варианта инактивно-нейтральной конструкции, П.Гeffке объясняет свойственным языковому сознанию носителей хинди стремлением маркировать имя объекта таким образом, чтобы оно было лишено формальных признаков подлежащего и тем самым в большей мере отвечало представлению о направленном на объект событии, определяющему, по его мнению, в плане содержания специфику пассивного залога хинди [96, с.85–87].

обобщенно-личному значению, при выражении которого действие приписывается как возможное любому лицу, например, *mīthe ke lālac tē jūṭhā khāte hāt* (МК, 309) 'В погоне за сладким едят (ешь, будешь есть) объедки' ;

2) в связи с передачей обобщено-личного значения, опирающейся в пословицах и поговорках на следующие глагольные формы –

а) форму 3-го лица или 2-го лица единственного числа настояще-будущего времени сослагательного наклонения, например, *biccchū kā mantra na jāne, bābī tē hāth dāle* (МК, 280) 'Не знает заклинания против [куска] скорпиона, а сует руку в [эмейиную] нору' ;

б) форму 3-го лица множественного числа настояще-будущего времени сослагательного наклонения, например, *marte jāyē mulhārē gāyē* (МК, 300) 'Собрались умирать, а напевают мелодии' (говорится в случаях, когда кто-то проявляет крайнюю беспечность) ;

в) форму 2-го лица множественного числа настояще-будущего времени сослагательного наклонения, например, *jitnā chāno utnā hī kirkirā* (МК, 146) 'Насколько просите, настолько и обнаружатся примеси' ;

г) форму 2-го лица единственного числа будущего времени, например, *kategā veā, khāgā tēvā* 'Сослужишь службу – покушаешь фрукты' (77, с.166) ;

д) форму 2-го лица множественного числа будущего времени: *jo booge vahī kātoge* (МК, 154) 'Что посеете (посеешь), то и пожнете (пожнешь)' ;

е) форму (какую-либо из форм) повелительного наклонения, например, *cane cabā lo yā bāvīrt bāja lo* (МК, 122) 'Жуй горох или играй на свирели' (≡ 'За два несовместимых дела не берутся одновременно'), *rānī rījiye chānkār, bair kījiye jānkār* (МК, 240) 'Воду пейте, ее процедив, а враждуйте не с бухты-барахты' (≡ 'За любое дело надо браться с умом')¹³.

Вместе с тем отсутствие словесно выраженного имени субъекта, не сводимое целиком к эллипсису, наблюдается в предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, при передаче определено-личного значения, если только используемая форма финитного глагола недвусмысленно указывает на значение или 1-го, или 2-го лица, не обнаруживая омонимии с формами 3-го лица.

Показательны, в частности, предложения, в которых выступают следующие формы финитного глагола:

а) формы повелительного наклонения, служащие для выражения побуждения, отнесенного к собеседнику (собеседникам) говорящего, например, *tiijhe patra likhnā na bhūlo* (S, ТУ, 189) 'Не забывайте

¹³ Из приведенных примеров видно, что в составе пословиц элементарные предложения предстают, как правило, в качестве частей компонентов сложных бессоюзных предложений. Значит, выражаемое в пословицах обобщено-личное значение опирается не только на формы глаголов, но и на строение самих пословиц в целом.

писать мне письма', *aib̄ ek h̄t misāl dījie* (P, G, 151) 'Приведите, пожалуйста, хотя бы один такой пример';

б) форма 1-го лица единственного числа настояще-будущего времени сослагательного наклонения, например, *kūd na iib̄ ojhe ke rās calū?* (P, PP, 37) 'Почему бы мне не пойти к этому же звонку?', *calo kōt aur jūtā h̄t kharid lū ...* (KC, A, 154) 'Куплю-ка [я] другие ботинки...';

в) форма 1-го лица единственного числа настоящего общего, настоящего актуального, будущего времени и перфекта (прошедшего времени актуального результата в настоящем) изъявительного наклонения, например, *vinpo...* *tumhē ek kavītā sunātī hū* (KC, T, 31) 'Слушайте... Вам [я сейчас] прочитаю одно стихотворение', *yah̄t to batā rahā hū* (Sa, K, 36) 'Как раз об этом [я] и говорю', *acchā abh̄t jāo, tum se chuttiyō ke bād bāt karūgī* (PL, 117) 'Ну ладно, ступайте. С вами [я] буду говорить после каникул', *āj šāt ko h̄t āyā hū*, (Sa, K, 30) 'Прибыл [я] сегодня вечером';

г) форма 2-го лица множественного числа настоящего общего, настоящего актуального и будущего времени, а также перфекта (прошедшего времени актуального результата в настоящем) изъявительного наклонения, например, *bahan, kūd rotī ho?* (Aj, A, 115) 'Почему [ты] плачешь, сестра?', *yah̄ā akelī kyā kar rahā ho, mis Latikā?* (PL, 90) 'Что [вы] здесь одна делаете, мисс Латика?', *rāt ko kahā rahoge? khana kahā se khāoge?* (NK, 1961, X, 43) 'Где [вы] останетесь на ночь? Где найдете еду?', *kahā se āye ho?* (NK, 1961, VIII, 66) 'Откуда [вы] пришли?'.

Имя субъекта действия как единица структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих активно-субъектную, активно-объектную и, как можно полагать, активно-нейтральную конструкции, отсутствует в связи с передачей обобщенно-личного значения, опирающейся в пословицах и поговорках на формы прошедшего аористического времени (аориста) изъявительного наклонения, например, *śikār ko gaye, khud śikār ho gaye* 'Пошел на охоту, [да] сам стал добычей' [77, с.168] (≡ 'Пошли по шерсть, а вернулись стриженными'), *ābrū dūbo dī, ābrū do kaurī kī ho gaī* (MK, 40) 'Не уберег свою честь — грош ей стала цена', *khodā pahār niklā cūhā* (HVP, 236) 'Вскопал гору — вылезла мышь' (≡ 'Гора родила мышь').

В качестве особого явления предстает встречающийся иногда в заголовках-предложениях, реализующих активно-объектную конструкцию и объектный вариант активно-нейтральной конструкции, эллипсис такого имени субъекта, содержание которого раскрывается перед читателем в сопровождающем заголовок тексте: *lobh se hāni utħāt* (F, 98) 'Потерпел убыток из-за жадности' (в басне, носящей данный заголовок, рассказывается о том, как пострадал один богатый купец, отказавшийся вознаградить матроса за оказанную услугу), *ek mah̄ne kā vetan bār̄h rāhat koṣ mē diyā* (JY, 27.IX.1976, 1) 'Отдал месячное жалование в фонд помощи пострадавшим от наводнения' (в газетной заметке с данным заглавием говорится об одном из министров штата Бихар), *śikāyat kar-*

ne par caprāst ko naukarī ve haṭā diyā (JY, 26.X.1977, 5) 'Уволен курьер после подачи им жалобы'. В примерах глагол выступает в форме прошедшего аористического времени.

РЕДУЦИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ АКТИВНО-СУБЪЕКТНОЙ И АКТИВНО-ОБЪЕКТНОЙ КОНСТРУКЦИЙ

Активно-субъектная и активно-объектная конструкции бывают представлены своими редуцированными вариантами, когда соответственно субъект или объект действия не получает своего выражения в имени (*bāt* 'дело', 'факт'), принадлежность которого к существительным женского рода сигнализируется, однако, формой финитного глагола и/или слов, призванных служить определением имени.

Предложения, реализующие активно-субъектную конструкцию в ее редуцированном варианте, возникают, как правило, при использовании таких глаголов, как *channā* (в сочетании с прилагательным *gahrā* 'глубокий' в форме женского рода — *gahrī*), *nibhnā*, *patnā*, *bannā* и *baiṭhnā* в значении "ладиться", "идти на лад" (в связи с передачей в предложении значения "ладить между собой", "дружить", "воваться [друг с другом]"), глаголов *calnā* и *chanpā* в значении "не ладиться" ("быть не в ладу", "быть в ссоре"), глагола *calnā* в значении "удаваться", "получаться", глагола *raṭnā* в значении "взбредать на ум", глагола *vījh-nā* 'приходить в голову', 'приходить на ум', например: *ek telī, jāṭ aur kisāñ mē gahrī chanti thī...* (BLK, 403) 'Водили между собой дружбу маслодел, джат и крестьянин...', *donō bhāiyō mē nāñ nibhegt* (МНК-2, 273) 'Оба брата между собой не поладят', *Sutri Jhā kī issve khūb paṭtī thī* (N, ВВ, 144) 'С ним хорошо ладил Сутри Джха', *āj-kal un logō mē khūb bat-tī hai* (HSS-3, 2378) 'Ныне они ладят между собой', *donō mē khūb baithtī hai*. [132, с. 429] 'Оба ладят между собой', *āj-kal donō bhāiyōd mē khūb cal raṭī hai* (МНК-2, 219) 'Ныне оба брата друг с другом не ладят', *yahā tuṭhārtī ek bht na cale-gtī* (HSS-2, 958) 'Здесь у вас ничего не получится', *abht ve piknik kī kūḍ parī hai! abht cirsār letī raho!* 'И втемяшился тебе этот пикник! Лежи спокойно!' [77, с. 186], *āp ko bht jāne kaisā ficar likhne kī vījhīt hai!* (MR, A, 368) 'И как это вам пришло в голову писать очерк!'.

Предложения, реализующие активно-объектную конструкцию в ее редуцированном варианте, возникают при употреблении таких глаголов, как *vostā* 'думать', *thānnā* 'решать', 'принимать решение', *tāppā* 'принимать во внимание', 'соглашаться', 'слушаться', *vittā* 'слышать', 'слушать' (>'слушаться', 'соглашаться'): ... *iv ne arpā kām svatantra rūp ve calāne kī vostī...* (UB, S, 287) '...он предпочел заниматься своим делом самостоятельно...', ...*un-hō ne Munnājān kī śādī khūb dhūm-dhām ve karne kī thāntī* (AN, S, 262) '...он решил пышно справить свадьбу Муннаджана', ...*Khanā ne ek na mānī* (P, G, 93) '...Кханна не поддался угоз-

ворам', ...*māi ne ek na vint* ... (S, TY, 94) '...я не по-
слушалась...'.

В некоторых предложениях, как показывают примеры, в качестве субститута имени субъекта или объекта действия допускается использование числительного (> местоимения) *ek* 'один'¹⁴.

ИМЯ СУБЪЕКТА И ИМЯ ОБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ
В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНСТРУКЦИИ
С ФИНИТНЫМ ГЛАГОЛОМ ИНАКТИВНОГО ЗАЛОГА

Отсутствие словесно выраженного имени субъекта, наблюдавшееся в предложениях, реализующих конструкции с финитным глаголом активного залога, при передаче ими (предложениями) неопределенного-личного или обобщенного-личного значения не обнаруживает какой-либо явной зависимости от того, отличается ли данный глагол прямообъектной направленностью или нет. Иначе обстоит дело в предложениях с глаголом в форме инактивного залога. В них отсутствию словесно выраженного имени субъекта "благоприятствует" наличие имени прямого объекта в окружении глагола, а невыраженности имени объекта, предопределенной непереходностью самого глагола или абсолютным употреблением переходного глагола, сопутствует, как правило, появление словесно выраженного имени субъекта.

Тем самым по линии выраженности/невыраженности имени субъекта действия намечается противопоставление между безобъектным вариантом инактивно-нейтральной конструкции, с одной стороны, и инактивно-объектной конструкцией вкупе с объектным вариантом инактивно-нейтральной конструкции – с другой. Данное противопоставление иллюстрируется ниже сравнением примеров рубрики (а) с примерами рубрики (б): (а) ...*iz ve iħta na jaħħa thā...* (P, N, 107) '...он был не в состоянии подняться...', *äge mävstar ve bɔla nahl gayā* (N, D, 137) 'Больше учитель говорить не мог'; (б) *izke għar ādm daxxha gayā* (P, G, 363) 'К нему домой спешно отправили человека', *so ek riportar ko bi-layā gayā* (Nn, 1975, XI, 146) 'Поэтому был вызван один репортер'¹⁵.

¹⁴ Тип предложений, подобных приведенным в данной рубрике, был рассмотрен В.А.Чернышевым. В монографии Чернышева соответствующие предложения трактуются как "стабильно-эллиптические предложения с опущенным подлежащим или прямым дополнением" [77, с.186–187].

¹⁵ Тем самым инактивный залог приобретает в предложениях: (а) либо статус запога, который можно или интерпретировать как залог пассивно-возвратный [63, с.254], или считать, как это принято в случаях с непереходными глаголами, безличным залогом [98, с.257; 130, с.57], (б) либо статус собственно пассивного (страдательного) залога, который в той мере, в какой предложения, его содержащие, "избегают" включать имя субъекта действия, присущее предло-

Однако в хинди наблюдается и совместная встречаемость имени объекта и имени субъекта, не влекущая за собой внесение каких-либо особых семантических моментов в реализацию связи между действием и его субъектом. Это обусловливается тенденцией к дальнейшему расширению сферы использования инактивного залога в предложениях современного хинди, о чем свидетельствует язык не только прессы, публицистики и научных работ, но и художественной литературы: *is kī ūkāyat vāvidhān-paribād ke adhyakṣa ... se kī gaṭ...* (KDV, 119) 'Оно (решение суда) было обжаловано председателем учредительного собрания...', *antarrāṣṭriya vaijñānik apisandhān sammelanō ke lie britiś pratinidhī isī vāstvā dvārā cintē jātē hai* (VL, 1961, III, 15) 'Этой же организацией выбираются британские представители для участия в работе международных научных конференций', *vāstav mē yah vicār nayā naḥī hai, 1956 ke bād hī hamārī pāṛṭī kāṅgres dvārā iše svitkār kīyā gayā* (JY, 28.XII.1975, 12) 'На самом деле эта установка не нова. Она была принята нашим партийным съездом сразу же после 1956г.', *mere dvārā aparādhī ko jel mē bhejā gayā* 'Преступник был отправлен мной в тюрьму' [110, с.167], ... *is lie ab tak na dekhā huā ūnkā kā kāṭā Nasiruddin Haidar dvārā sahēb is vātay dekh hī na-hī liyā gayā balki us ne kuch-kuch cubhan bhī tāhīs kar li* (AN, S, 391) '...поэтому скрытое доселе от взоров терние сомнения теперь вдруг было замечено Насируддином Хайдаром; более того, он даже ощущил укол [совести]'¹⁶.

В современном хинди появление словесно выраженного имени субъекта действия как единицы структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога, служит преимущественно (в подавляющем большинстве случаев) передаче значения потенциальности (способности субъекта совершать действие), обеспечивая одновременно выражение конкретно-личного значения. Передача потенциального значения распространяется не только на случаи с отсутствием словесно выраженного имени объекта, как это имеет место в уже приводившихся примерах [см. примеры рубрики (а) на с.18], но и на случаи со словесно выраженным именем объекта: *tijh̄ ve hāstī naḥī rokī gaṭ* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха' (букв. 'Мой смех не остановился'), *āge ek ūabda bhī āgantuk ve naḥī bolā gayā ...* (N, D, 139) 'Вновь прибывший не мог больше вымолвить ни слова...', *tijh̄ ve aratān na vāhā jāyagā* (S, TY, 141) 'Я не смогу

жениям с формами активного залога, характеризуется функцией, являющейся, согласно Е.Куриловичу [41, с.123], грамматической в противоположность стилистической.

¹⁶ В таких предложениях "пассивный", т.е. инактивный, залог, принявший статус пассивного, характеризуется функцией, являющейся по Е.Куриловичу стилистической [41, с.123]. Именно в них с именем субъекта действия широко употребляется на месте послелога *ve* послелог *[ke] dvārā* 'посредством', 'при помощи', 'через'.

вынести оскорбление', *thande goët ke slāis tijh se khāye pahī jā rahe the* (MR, A, 17) 'Ломтики холодного мяса не лезли мне в горло' (букв. 'Ломтики холодного мяса мной не съедались'), *tijh ve inkō gatp̄ par nañ̄ baiñ̄hāyā jātā* 'Я не в состоянии усадить его на землю' [88, с.25].

В силу этого тоже сужается возможность проявления отмеченного выше противопоставления по линии выраженности/невыраженности имени субъекта действия в предложениях, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога.

Передаваемое значение потенциальности понимается преимущественно в негативном плане, а именно как "неспособность субъекта совершать действие", что обеспечивается, как видно из приведенных примеров, наличием отрицательной частицы при глаголе.

На совместимость же потенциального значения с отсутствием отрицания имеются указания в грамматической литературе. В частности, о ней говорит Лакши Бан Балачандран, приводя для иллюстрации такие примеры: *tum se itnā kām kaise kiyā jātā?* 'Как вы можете выполнять такую большую работу?', *āj-kal tijh se zyādā khāyā jātā hai* 'Ныне я в состоянии есть больше' [88, с.28]. Об этом же, по сути дела, пишет и Р.Хасан, утверждая, что предложение *nañkar se cāval taule gaye* следует переводить на английский язык не как *The rice was weighed by the servant*, а скорее как *The servant was able to weigh the rice* [103, с.12–13]. Этую же точку зрения разделяет и Х.Бахри, сопоставляя сопровождаемые переводом следующие примеры: *larke ne roñ̄ nañ̄ khāt* 'Мальчик сам не ел, хотя и мог бы' – *larke se roñ̄ nañ̄ khāt gat* 'Мальчик не мог есть, потому что у него была, быть может, острыя зубная боль и т.п.' [87, с.366].

Значение неспособности субъекта совершать действие может в зависимости от контекста уступать место значению нежелания, чему содействует указание на 1-е лицо: *nañ̄ bahin, tum jāo; tijh se to vahā baiñ̄hā nañ̄ jātā* (P, N, 143) 'Нет, сестра. Ступай ты сама, мне же там сидеть неохота', *pāñ̄ ke rāise tijh se na diye jāyāge* (P, N, 156) 'Деньги на воду я давать не намерен'¹⁷.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ "ЛИЧНОСТЬ" ("ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ") И "ВОЛИТИВНОСТЬ"

Если наличием словесно выраженного имени субъекта, как единицы структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в

¹⁷ Именно к подобного рода примерам имеет отношение такой семантический момент, как "неохота (Unlust des Willens) отказаться от определенных принципов и привычек", проистекающая из "духовного или физического состояния деятеля" [96, с.79].

форме инактивного залога, обеспечивается выражение конкретно-личного значения, то его отсутствием, не связанным с эллипсисом, обусловливается, как правило, передача абстрактно-личного (неконкретно-личного) значения. Причем упомянутое абстрактно-личное значение проявляется:

(а) или как неопределенno-личное (действие приписывается неопределенному субъекту-лицу), например, *baṛḍ ke vāṭṭe adab ve baīṭhā jātā hai* 'Перед старшими сидят учтиво' [88, с. 25], ...*Nasiruddīn gaddī ve utārā jāyagā* (AN, S, 375) '...Насируддин будет свергнут с престола', *prātaḥ das baje ivko jāgāyā gaūā ...* (G, DR, 212) 'В десять часов утра ее разбудили...' ;

(б) или – что бывает значительно реже и каждый раз определяется контекстом на базе всевременного значения настоящего общего времени – как обобщенно-личное (действие приписывается в качестве возможного любому лицу), например, *iṭnā baṭṭā nikvāt iṭhākar cipcār to naḥī baīṭhā jātā* (P, N, 171) 'Понеся такой урон, не будешь сидеть молча', *garīt mē khānā bīlkul khāyā naḥī jātā* 'Летом совсем не ешь' [88, с. 29].

Разумеется, что отсутствие имени субъекта и имени объекта (см. первый пример каждой рубрики) тоже есть фактор, нарушающий отмеченное выше противопоставление по линии выраженности/невыраженности имени субъекта действия, наблюдаемое у предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога.

Итак, для инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкций характерным является семантический признак отнесенности действия к субъекту-лицу, т.е. признак "личность" ("персональность"), который воплощается или в конкретно-личном значении, или в абстрактно-личном значении (неопределено-личное и обобщенно-личное значения). Данным признаком объясняется, в частности, некорректность такого предложения, как **gārīl ve calā naḥī jātā* букв. 'Телегой не едется' [88, с. 8], при грамматической правильности следующего предложения: *tujhī ve ab calā naḥī jā rahā thā* (MR, A, 310) '... я уже был не в состоянии идти дальше'.

Признак "личность" дополняется другим семантическим признаком, его имплицирующим, а именно признаком "волитивность", который, будучи релевантным в первую очередь для случаев с выраженным именем субъекта, понимается как "возможность преднамеренного или добровольного осуществления действия субъектом"¹⁸. Данным признаком объясняется, в частности, некорректность такого предложе-

¹⁸ Релевантность признака "волитивность" показали в своих работах Лакши Бай Балачандран [88, с. 29–30; 113, с. 174–176] и (применительно к случаям передачи потенциального значения) Р.Хасан [103, с. 12–14].

ния, как **larkə ve cāikā nañ̄ jātā* букв. 'Мальчиком не вздрагивается' [113, с.172], при грамматической правильности следующего предложения: ... *iv ve uthā na jātā thā* ... (P, N, 107) '... он был не в состоянии подняться...'.

В силу признака "волитивность" выражаемая неспособность (потенциальность, понимаемая в негативном плане), о которой говорилось выше, предстает как имеющая место помимо воли или даже вопреки воле субъекта, что, кстати сказать, подтверждается встречающимися примерами с эксплицитным указанием на волеустремление или желание субъекта-лица: *priya Rekhā, jo patra likhne kī māi nirantar koëīb kartā rahā hū, vah tujh̄ ve likhā nañ̄ jā rahā hai* (Aj, N, 260) 'Дорогая Рекха! Письмо, которое я вот уже долго пытаюсь тебе написать, мне никак не удается написать', *vah himmat karke binā bole uñ̄hi aur khāne baiñ̄h gañ̄. icchā rahte hue bhī isvē khāyā na gayā* ... (UB, L, 195) 'Собравшись с духом, она молча поднялась и села поесть. Но несмотря на все свое желание, есть она не смогла...'.

Дальнейшему росту употребительности форм инактивного залога в его "пассивном" варианте обязаны своим появлением предложения, которые передают безличное значение, т.е. значение отсутствия субъекта-лица, в рамках инактивно-объектной конструкции: *āj vibah yañ̄h hū ek vimān durghatnā tē 198 ādmī māre gaye* (JY, 4.VIII.1975, 1) 'В авиационной катастрофе, произошедшей здесь сегодня утром, погибло 198 человек', *entral Tāivān tē tūfān se 5 vyakti māre gaye* (JY, 4.VIII.1975, 4) 'В центральной части Тайваня от урагана погибли 5 человек', *uttar tatnā pūrva tē zile kī vī-tā Yatnā padt̄ ve banāt̄ gañ̄ hai* (RSC, 1) 'На севере и востоке границу дистрикта образует река Джамна'.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ КОНСТРУКЦИИ С ФИНИТНЫМ ГЛАГОЛОМ ИНАКТИВНОГО ЗАЛОГА

Связь между строением и семантикой предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом в форме инактивного залога, обобщенно представлена в схеме 1, отражающей ряд таких аспектов, релевантных для характеристики предложений, как:

- а) разграничение конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений и их вариантов;
- б) учет наличия или отсутствия словесно выраженного имени субъекта (NS);
- в) отграничение предложений потенциального значения (+ потенц.) от остальных предложений (- потенц.);
- г) разграничение таких значений, как безличное, конкретно-личное и абстрактно-личное, и выделение внутри последнего неопределенного-личного и обобщенно-личного значений.

Схема 1

1	Безобъектный вариант инактивно-нейтральной конструкции	Инактивно-объектная конструкция или объектный вариант инактивно-нейтральной конструкции		Безобъектный вариант инактивно-нейтральной конструкции	Инактивно-объектная конструкция
2	$N^S + se$	$N^S + ke$ <i>dvārā</i>		- N^S	$\left\{ \begin{array}{l} N^S + se \\ -N^S \end{array} \right\}$
3	+ потенциальное	- потенциальное			
4	конкретно-личное		абстрактно-личное		безличное
a	b c d	e	f	g h	i j

Как явствует из схемы, выделяются 9 разновидностей предложений. Каждой из них соответствует на схеме отрезок между двумя смежными буквами, помещенными внизу, а именно:

(1) a-b: ... *is se utħā na jātā thā* ... (P, N, 107) '... он был не в состоянии подняться...', *äġe tāvṭar se bōlā naħiġ gayā* (N, D, 137) 'Большой учитель говорить не мог';

(2) b-c: *tujh se ħaġt naħiġ rokī gał* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха', *tujh se aġrattp na waħħā jāyagħa* (S, TY, 141) 'Я не смогу вынести оскорбление';

(3) c-d: *is kī šikāyat vāvidħan-pariżaq ke adhyakva ... se kī gał* ... (KDV, 119) 'Оно (решение суда) было обжаловано председателем учредительного собрания...';

(4) d-e: *antarrāstṛiya vaijñānik apivandħan sammeland ke lie britiġ pratinidhi iſi sanstħā dvārā cunie jātē hāġi* (VL, 1961, III, 15) 'Этой же организацией выбираются британские представители для участия в работе международных научных конференций';

(5) e-f: *ukke għar ādm daixxayā gayā* (P, G, 363) 'К нему до- мой спешно отправили человека', *eo ek riportar ko bulaxxayā gayā* (Mn, 1975, XI, 146) 'Поэтому был вызван один репортер';

(6) f-g: *għamit mɛ khānha bilkul khayā naħiġ jātā* [88, c.29] 'Летом совсем не ешь';

(7) g–h: *itnā baṛā nikṣēp uṭhākar* *cūrcāp to naḥī̄ baiṭhā jātā* (P, N, 171) 'Понеся такой урон, не будешь сидеть молча';

(8) h–i: *baḍ ke vātme adab se baiṭhā jātā hai* [88, c.25] 'Перед старшими сидят учтиво';

(9) i–j: *āj subah yaḥā ḥuṭ ek vīmān durghaṭnā mē 198 ādmī māre gaye* (JY, 4.VIII.1975, 1) 'В авиационной катастрофе, произошедшей здесь сегодня утром, погибло 198 человек'.

Предложениям, содержащим имя субъекта-лица и не имеющим имени объекта, соответствует на схеме отрезок а–б; предложениям, содержащим имя объекта и не имеющим словесно выраженного имени субъекта-лица, – отрезок е–г; предложениям, включающим в свой состав как имя объекта, так и имя субъекта, – отрезок б–е; предложениям, отличающимся отсутствием имени объекта и имени субъекта, – отрезок г–и; предложениям с именем прямого объекта, в которых использование имени субъекта допустимо при условии, если последнее не указывает на лицо, – отрезок i–j.

На современном этапе развития хинди определяющими для функционирования инактивного залога как регулярного члена противопоставления в системе глагола являются предложения тех разновидностей, которым соответствуют на схеме отрезки е–ф, а–б и б–с; причем, как это видно из исследования П.Геффке [96, с.71–76], предложениями, которым соответствует отрезок е–ф, отражена специфика инактивного залога современного хинди в отличие от хинди предшествующего состояния.

В предложениях, которым соответствуют отрезки с–д, д–е и i–j, отражена тенденция к росту употребительности инактивного залога в хинди.

В предложениях потенциального и обобщенно-личного значения (им на схеме соответствуют отрезки а–б, б–с, ф–г, г–h) инактивный залог обнаруживает функцию, унаследованную им, как показал в своем исследовании П.Геффке [96, с.55–58, 78–79], от предшествующего этапа развития языка хинди.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МЕДИОПАССИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В отличие от конструкций, содержащих финитный глагол в форме инактивного залога, конструкции с финитным глаголом в форме активного залога нейтральны в отношении таких семантических признаков, как "личность" ("личностность") и "волитивность"¹⁹.

¹⁹ Поэтому в падежной грамматике Ч.Филлмора с именем субъекта действия, отраженного в хинди словарным значением глагола, соотносят, как видно из работ Лакшми Бан Балачандран, не только агентивный падеж, но и такие "глубинные" падежи, как, в частности, объектный [88, с.63–64; 113, с.178], инструментальный [88, с.71; 113, с.180], падеж экспериенцера [88, с.63; 113, с.172, 181].

Среди множества предложений, которые могут реализовывать активно-субъектную конструкцию, имеются, однако, предложения, семантически и формально близкие предложениям, реализующим инактивно-объектную конструкцию. Это предложения с медиопассивными глаголами, т.е. глаголами типа *silna* 'шиться', *bikna* 'продаваться'²⁰, каждый из которых обнаруживает себя как синоним соответствующего (как правило, однокорневого) переходного глагола в форме инактивного залога: *hamāre yahā kitābē bik*:²¹ *hī nāhī* (MR, A, 333) 'У нас книги вовсе не продаются' [ср. пример с глаголом *beestā* 'продавать': ... *unke tokre bece jāte the* (UB, S, 137) '... продавались их корзины']; *cācī to hāth se bītē sītē hātī*, *lekin kōt tābīn par hī acohā siltā hai...* *nāhī, tān jī?* (N, D, 106) 'Тетушка шьет и вручную, но ведь на швейной машинке пиджак шить (букв. шьется) лучше... Не так ли, дядя?'. См. также предложения: *ghar bantā hai* 'Дом строится', *vah ɬārāl mē marā* 'Он погиб на войне', *zaarak vīc rahī hai* 'Улица поливается', где *bantā hai*, *marā* и *vīc rahī hai* трактуются как эквиваленты таких форм, как *banāyā jātā hai*, *mārā gayā* и *vīcī jā rahī hai* [98, с.259]²¹.

Отмеченная близость становится более разительной при употреблении в форме косвенного падежа с послелогом *ve* или [*ke*] *dārā* имени (или местоимения), обозначающего лицо: *tujh se bītē hāsī rukī nāhī* (HD, B, 240) 'Я тоже не мог удержаться от смеха' [*rukñā* 'останавливаться'; ср. предложение с переходным глаголом *roknā* 'останавливать' в форме инактивного залога: *tujh se hāsītē nāhī rokī gaī* (BG, S, 364) 'Я не мог удержаться от смеха'], *aur do-cār bār vah pres ke mainejar se bītē burī tarah pītā* (KC, A, 149) 'И несколько раз его сильно поколотил и сам управляющий типографии' [*pītā* 'биться', 'подвергаться побоям'; ср. предложение с переходным глаголом *pītñā* 'бить', 'колоить' в форме активного залога: *ant mē ek din tīnd bāp-beṭō ne milkar kūrā ko khūb pītā* (B, D, 162) 'В конце концов однажды отец с сыновьями втроем здорово поколотили Рупу']. Как видно из примеров, обозначаемое лицо понимается как субъект действия, выражаемого переходным глаголом того же корня, что и данный медиопассивный глагол. Указание на лицо может (см. первый пример) сопровождаться привнесением значения потенциальности, которое, будучи понятым в негативном плане как "неспособность субъекта-лица совершать действие", может уступить место значению *нежелания*, как это имеет место в следующем примере: *yah reṛ tujh se nāhī kaṭtā* [130, с.101] 'Я не берусь рубить это дерево'.

²⁰ Арьяндра Шарма называет такие глаголы пассивными по природе [130, с.100].

²¹ С позиции падежной грамматики Ч.Филмора подобные предложения относят к пассивным [88, с.26], а с точки зрения "семантически мотивированной грамматики" их рассматривают как особую разновидность пассивных оборотов, а именно как "процессивный пассив" [103, с.17–18].

ЕДИНИЦЫ СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОГО КАРКАСА И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОНЯТИЕ ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЫ

Вопрос о том, как понятие единицы структурно-грамматического каркаса соотносится с понятием члена предложения, в частности подлежащего и сказуемого, решается с учетом специфики конструкций, создающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди.

В двухкомпонентной активно-субъектной конструкции налицо отношение взаимной импликации между $N^s\text{dir.}$ и sV (форма имени субъекта действия необходимо предполагает согласуемую форму финитного глагола и, наоборот, форма финитного глагола необходимо предполагает форму прямого падежа имени субъекта действия). Поэтому именной член структурно-грамматического каркаса предложений, реализующих эту конструкцию, выступает в качестве их подлежащего, а глагольный член — в качестве сказуемого.

Трехчленная активно-объектная и трехчленная инактивно-объектная конструкции, в каждой из которых форма обоих именных членов (N^s-ne и $N^d\text{dir.}$ — в первом случае, N^s-se и $N^d\text{dir.}$ — во втором случае) имплицируется по-разному формой финитного глагола (соответственно $dV(\text{act.pf.})$ и $dV(\text{inact.})$)²², различаются между собой отношением к активно-субъектной конструкции: на фоне последней первая из конструкций предстает как грамматическая единица языка эргативного строя, вторая — как грамматическая единица языка номинативного строя. Поэтому совпадающим с подлежащим предложений, реализующих активно-объектную конструкцию, следует считать ее компонент N^s-ne ²³, а совпадающим с подлежащим предложений, реализующих инактивно-объектную конструкцию, — компонент $N^d\text{dir.}$ этой конструкции. В соответствии с такой точкой зрения, $N^d\text{dir.}$ активно-объектной конструкции и N^s-se инактивно-объект-

²² Ни одна из обратных импликаций не имеет силы, так как N^s-ne предполагает появление или компонента $dV(\text{act.pf.})$, или компонента $pV(\text{act.pf.})$; N^s-se — появление или $dV(\text{inact.})$, или $pV(\text{inact.})$, а $N^d\text{dir.}$ — появление или $dV(\text{act.pf.})$, или $dV(\text{inact.})$, а также sV .

²³ "...эргативную конструкцию можно трактовать как структуру, в которой субъект занимает позицию подлежащего" [71, с.40]. Согласно иному подходу, подлежащим предложений, реализующих активно-объектную конструкцию, следовало бы считать именной компонент $N^d\text{dir.}$, поскольку именно с ним согласуется финитный глагол [95, с.67–68, 183; 110, с.164–165, 259–260]. В А.Чернышев трактует $N^d\text{dir.}$ в таких предложениях как неосновное подлежащее, или со-подлежащее, сопутствующее основному подлежащему [77, с.54]. В падежной грамматике Ч.Филлмора $N^d\text{dir.}$ подводится под понятие подлежащего уровня поверхностной структуры, а N^s-ne расценивается как одна из частных реализаций подлежащего уровня глубинной структуры [88, с.14–16].

ной конструкции рассматриваются как дополнение при глаголе-сказуемом: в первом случае – прямое, во втором – агентивное (как особая разновидность косвенного дополнения).

По вопросу о том, функцию какого члена предложения выполняет компонент N^s-ne активно-нейтральной конструкции или компонент N^s-se инактивно-нейтральной конструкции, может быть предложено три различных решения.

Согласно первому решению, N^s-ne является подлежащим, а N^s-se – агентивным дополнением. В основе такого решения лежит точка зрения, признающая активно-нейтральную конструкцию эргативообразной, а инактивно-нейтральную – пассивообразной и позволяющая тем самым постулировать единый статус для N^s-ne в активно-объектной и активно-нейтральной конструкциях и единый статус для N^s-se в инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкциях.

Согласно второму решению, N^s-ne и N^s-se являются агентивным дополнением. Основанием для данного утверждения является взгляд на нейтральную форму финитного глагола (соответственно $\text{п}_V^{(act.pf.)}$ и $\text{п}_V^{(inact.)}$) как на безличную форму, обеспечивающую абсолютную вербоцентричность (а следовательно, и односоставность) предложений [95, с.183].

Согласно третьему решению, N^s-ne и N^s-se предстают как подлежащее предложений. Это подсказывает тем обстоятельством, что как в активно-нейтральной, так и в инактивно-нейтральной конструкции имеется только один именной член (соответственно N^s-ne или N^s-se), который имплицируется формой финитного глагола (соответственно $\text{п}_V^{(act.pf.)}$ и $\text{п}_V^{(inact.)}$).

Если каждое из предлагаемых решений оценивать как отдельный критерий выявления синтаксической функции именного компонента, то по двум из трех критериев N^s-ne активно-нейтральной конструкции предстает как подлежащее, а N^s-se инактивно-нейтральной конструкции – как агентивное дополнение.

С учетом семантики предложений открывается возможность считать именной член N^s-se подлежащим на том основании, что его наличие является необходимым условием передачи соответствующим предложением значения потенциальности.

Однако трактовка именного члена N^s-se как подлежащего предложений, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, препятствует, с одной стороны, то обстоятельство, что не во всех предложениях, реализующих объектную разновидность этой конструкции, его появление бывает сопряжено со значением потенциальности, а с другой стороны, то обстоятельство, что среди предложений, реализующих инактивно-объектную конструкцию, оказываются предложения потенциального значения.

В более же широком плане трактовка именного члена N^s-se как подлежащего предложений языка хинди затруднена тем, что среди предложений, реализующих как инактивно-объектную, так и инактивно-

нейтральную конструкцию в ее объектном варианте, встречаются предложения, в которых его появление не сопровождается выражением значения потенциальности (таким предложениям на схеме 1, помещенной на с.23, соответствует отрезок *c-d* и отчасти отрезок *i-j*).

Таким образом, с точки зрения семантического критерия именной член *N^s-se* ближе всего стоит к подлежащему в предложениях, реализующих безобъектный вариант инактивно-нейтральной конструкции (см. на схеме 1 отрезок *a-b*), поскольку только в таких предложениях им имплицируется значение потенциальности. Одним словом, семантический критерий установления статуса именного члена *N^s-se* приходит в противоречие с критериями, в основе которых лежит формальный аспект анализа предложений. Противоречие обнаруживается, например, в том, что с точки зрения семантического критерия именной член *naikar se* в таком предложении, как *naikar se cāval taule gaye*, следовало бы трактовать по-разному в зависимости от передаваемого предложением смысла: как подлежащее — в случае 'Слуга сумел взвесить рис', как агентивное дополнение — в случае 'Рис был взвешен слугой' (согласно же изложенному выше взгляду, в данном предложении, реализующем инактивно-объектную конструкцию, подлежащим неизменно является существительное *cāval*, т.е. *N^ddir*).

Итак, в предложениях, реализующих активно-субъектную, инактивно-объектную, активно-объектную и активно-нейтральную конструкции, выделяются два главных члена, а именно подлежащее, представленное именным членом (соответственно *N^ddir*, *N^ddir* и дважды *N^s-se*) и сказуемое, представленное финитным глаголом (соответственно *sV*, *d_V(inact.)*, *d_V(act.pf.)*, *p_V(act.pf.)*), тогда как в предложениях, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, выделяется единый главный член, представленный финитным глаголом — *p_V(inact.)*.

Именной член *N^s-se* (также и *N^s-ke / dārā*) играет роль агентивного дополнения в предложениях, реализующих как инактивно-объектную, так и инактивно-нейтральную конструкцию. В том и другом случае своеобразие именного члена *N^s-se* как дополнения заключается в том, что его появление обусловливается не валентностью глагола, взятого в качестве лексемы, а формой финитного глагола. Этим, кстати сказать, и объясняется его вхождение в состав структурно-грамматического каркаса соответствующих предложений. Именному члену *N^s-se*, указывающему на субъект-лицо, противостоит синтаксический нуль, соответствующий агентивному дополнению со значением неопределенного или обобщенного лица.

В предложениях, реализующих активно-субъектную конструкцию, появление агентивного дополнения, представленного именным членом *N-se*, предопределяется валентностью медиопассивных глаголов. Данный именной член находится, разумеется, вне рамок структурно-грамматического каркаса предложений.

Подлежащее и сказуемое образуют вместе предикативную основу предложений. В предложениях же, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, предикативная основа полу-

чает воплощение в едином главном члене, совпадая с предикативным центром.

Таким образом, между предикативным центром, предикативной основой и структурно-грамматическим каркасом обнаруживаются следующие количественные соотношения:

1) предикативная основа тождественна предикативному центру (см. инактивно-нейтральную конструкцию) или превышает ее на один компонент (см. остальные четыре конструкции);

2) структурно-грамматический каркас равен предикативной основе (см. активно-субъектную и активно-нейтральную конструкции) или превышает ее на один компонент (см. остальные три конструкции) и неизменно превосходит по составу предикативный центр.

АФФЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

К числу конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений хинди, относятся также не столь часто реализуемые языком конструкции, в которых имя субъекта действия предстает в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что может касаться только местоимений, объектного падежа.

Указанное оформление имени субъекта *N^s-ko* обусловливается особыми формами финитного глагола, строящимися по образцу:

(а) основа (фактически основа таких глаголов, как *vipṭā* 'слышать', 'слушать', *dekhnā* 'видеть', 'смотреть', а также *jāpnā* 'знать') + *raṭpā* 'падать' в качестве вспомогательного глагола, например, ... *tabhī use yah pad viṇ
raṭpā* (JK, S, 101) '...тогда ей послышалась эта строка', *baḥin, tumhē bhī dekh parēgī ye bab bātē āge* 'О сестра, в будущем тебе тоже приведется все это увидеть' [98, с.432]²⁴;

(б) основа + *āpā* 'приходить' в качестве вспомогательного глагола, например, *uskī bāt sinkar tujhe ro āyā* [98, с.318] 'Услышав его слова, я невольно расплакался', *būṛhe ko dekhkar laṛke ko hās āyā* [98, с.482] 'При виде старика мальчика разобрал смех', *tujhe vah bāt kah āī* [98, с.482] 'Я выпалил это' (см. глаголы *ronā* 'плакать', *hāṣṇā* 'смеяться', *kahnā* 'говорить')²⁵;

(в) основа + *milnā* 'встречаться' в качестве вспомогательного глагола, например, *bhāī ko kal nañī ā milā* 'Брат вчера не мог прийти', *tujhe patra nañī likh milegā* [130, с.89—

²⁴ Что касается образования *jāp̄ raṭpā*, то оно обычно выступает в функции связки со значением "казаться", "представляться" (см. ниже, с.52).

²⁵ Глагольные образования таких предложений квалифицируются Камтапрасадом Гуру как передающие значение внезапности [98, с.482].

90] 'Я не смогу написать письмо' (см. глаголы *āpā* 'приходить', *likhtā* 'писать')²⁶.

Отмеченные глагольные формы, носящие явно залоговый характер, и возникающие с их участием конструкции можно с некоторой долей условности назвать *аффективными*, различая среди аффективных конструкций конструкцию *аффективно-объектную*, в которой финитный глагол согласуется со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия, обозначенного основой переходного глагола [см. примеры рубрики (а), третий пример рубрики (б) и второй пример рубрики (в)], и конструкцию *аффективно-нейтральную*, в которой финитный глагол характеризуется нейтральной формой [см. первый и второй примеры рубрики (б) и первый пример рубрики (в)]. С точки зрения состава предикативного центра и предикативной основы предложений аффективно-объектная конструкция является аналогом инактивно-объектной, а аффективно-нейтральная – аналогом инактивно-нейтральной конструкции в ее безобъектном варианте.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Структурно-грамматический каркас предложений базируется на отношении зависимости между формой финитного глагола, представляющего предикативный центр, и формой (формами) именных членов его (финитного глагола) окружения. Однако с финитным глаголом связываются в предложении не только именные члены – единицы структурно-грамматического каркаса. В синтаксическую связь с глаголом вступают и такие слова, появление которых в том или ином грамматическом оформлении определяется его отличительными валентными свойствами. Вместе с финитным глаголом и с находящими словесное выражение именными компонентами структурно-грамматического каркаса эти члены, или, иначе говоря, комплементы глагола, составляют структурную основу предложений. Таким образом, структурная основа предложений создается на базе структурно-грамматического каркаса в ходе реализации финитным глаголом своих валентностей²⁷.

Особым статусом в структурной основе предложений, реализующих активно-объектную или инактивно-объектную

²⁶ Эти предложения трактуются как передающие значение потенциальности (в негативном плане, что обусловлено отрицательной частицей *nahī* 'не'), причем Арьеңдран Шарма расценивает играющий вспомогательную роль глагол *tilnā* как синоним глагола *vaklā* 'мочь' [130, с.89].

²⁷ Выдвинутое здесь понятие структурной основы предложения соответствует, в общих чертах, такому же понятию, выработанному на материале русского языка П.Адамцем [1, с.76], или понятию предложеческого ядра у П.Адамца и В.Грабе [2, с.185].

конструкцию, располагает компонент $N^d dir.$: он включает-
ся в нее на правах как единицы структурно-грамматиче-
ского каркаса, так и комплемента глагола.

К единицам структурной основы предложений, находя-
щимся за пределами структурно-грамматического каркаса,
относятся, в частности, такие упоминавшиеся выше компо-
ненты, как $N^d dir$; (в предложениях, реализующих активно-
субъектную конструкцию), N^c-ve со значением лица при ме-
диопассивных глаголах (в предложениях, реализующих ак-
тивно-субъектную конструкцию), N^d-ko , т.е. имя прямого
объекта в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или,
что касается только местоимений, объектного падежа (в
предложениях, реализующих активно-нейтральную и инактив-
но-нейтральную конструкции в их объектном варианте).

К их числу принадлежат имена или местоимения, отве-
чающие каузативно-объектной и адресатно-объектной ва-
лентностям глаголов, соответственно N^c-ve и N^a-ko , а так-
же другие имена или местоимения, отвечающие валентнос-
тям, отражающим дифференциацию глаголов на более или
менее узкие лексические разряды или связанным с индиви-
дуальными лексико-семантическими особенностями глаголов.
В частности, единицей структурной основы предложений,
содержащих один из таких глаголов, как *akhartā* 'быть не-
выносимым', 'быть не по вкусу', *khalnā* 'не нравиться',
'быть неприятным', *bhātā* 'нравиться', 'быть приятным',
'приходить по вкусу', *vihātā* 'быть приятным', 'достав-
лять удовольствие', *ājñtā* 'показываться на глаза',
'приходить на ум', является имя существительное или
местоимение в форме косвенного падежа с послелогом *ko*
либо местоимение в форме объектного падежа, обозначаю-
щее субъект восприятия или ощущения. Равным образом имя
или местоимение со значением лица, выступающее в таком
же оформлении при глаголе *milnā* 'встречаться', 'доста-
ваться', 'быть полученным', тоже принадлежит к единицам
структурной основы. Следовательно, в структурную осно-
ву предложений входят имена или местоимения с коммуни-
кативно-функциональным значением *реципиента* (т.е. вос-
принимающего субъекта — N^c-ko), соответствующего или ли-
цу, испытывающему определенное состояние как результат
восприятия или ощущения, или лицу, извлекающему выгоду,
т.е. тому, что понимается или как *экспериенцер* [72, с.167],
или как *бенефициант* [72, с.170]: *mis Vud ko larkiyūd kā yah*
gul-garārā akhartā... (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыноси-
мым этот гвалт, поднятый девушками...', ...*mere kāran hī*
besāre Rāmū kī vīdhavā ko naukṛī mil rahī hai... (KC, G, 85)
'...благодаря мне вдова несчастного Раму получает рабо-
ту...' (букв. ...вдове...достается работа...)²⁸.

²⁸ Термин *реципиент*, или *реципианс*, уже получил распро-
странение в лингвистических исследованиях [18, с.75; 47, с.82–85].
О содержании термина *экспериенцер*, заимствованного из падежной
грамматики Ч.Филлмора (см. в работе Л.Б.Балачандран [88, с.2]).

ДЕТЕРМИНАНТ КАК ЕДИНИЦА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО КАРКАСА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДЕТЕРМИНАНТАМИ

Формирование структурной основы – это одна из линий осложнения предложений членами, остающимися за пределами структурно-грамматического каркаса. Другая линия, которая может дополнять первую, состоит в формировании *структурно-семантического каркаса* предложений.

Структурно-семантический каркас предложений создается на базе структурно-грамматического каркаса в ходе присоединения к последнему членов, появление которых в связи с передачей какого-либо определенного типового значения обусловливается предикативной основой в целом в ее лексико-семантической данности. Такие члены, рассматриваемые в качестве определителей предикативной основы, диагностирующих выражение типового значения, целесообразно назвать, использовав уже бытующий в языко-знании термин, *детерминантами*²⁹ и отличать их от *ситуантов* – компонентов предложения, к передаче данного значения прямо не причастных, а играющих по отношению к нему (значению) лишь роль своего рода ситуационных координат.

Хотя, как было сказано выше, появление детерминантов предопределяется предикативной основой в целом, все же непосредственную синтаксическую зависимость тот или иной детерминант может обнаруживать в силу присущего ему оформления или от входящего в предикативную основу глагольного компонента (предикативного центра, сказуемого предложения), но только, в чем и проявляется специфика детерминанта, при непременном условии связи такого компонента с данным именным компонентом (подлежащим), или, с чем также надо считаться, от именного компонента предикативной основы при непременном условии связи последнего с данным глагольным компонентом.

В языке хинди выделяются реализующие активно-субъектную конструкцию предложения с детерминантами, обозначающими лицо (лица) при предикативной основе, включающей форму глагола *honā* 'быть', 'существовать', 'происходить', 'случаться':

(1) предложения с детерминантом – именем или местоимением в форме косвенного падежа с послелогом *se*, т.е. с детерминантом *N-se*, получающим семантическую характеристику субъекта совершения того, что обозначается именным компонентом предикативной основы, и выступающим в качестве аналога комплемента, свойственного окружению

²⁹ Поскольку речь зашла об определении, или распространении, предикативной основы, поскольку компонент *N^s-se* инактивно-объектной и инактивно-нейтральной конструкций оказывается включенным в состав структурно-семантического каркаса предложений как в качестве единицы структурно-грамматического каркаса, так и в качестве детерминанта.

медиопассивных глаголов, например, *māhārāj, ham ve to aīvā aparādh naññ huā* (P, N, 52) 'О почтенный, мы не совершили такого проступка', *ive ve vāstis bārī bhūl huī ...* (P, G, 302) 'Она и в самом деле совершила грубую ошибку...', *utnī bārī bhūl ut ve kabhī naññ huī thī* (P, N, 45) 'Такой серьезной ошибки раньше он никогда не совершал', ...*in ve merī vāhāytā na ho vākegī* (S, T, 50) '...он не сможет оказать мне поддержку'³⁰;

(2) предложения с детерминантом в форме косвенного падежа с послелогом *ko* (или, что может касаться только местоимений, объектного падежа), т.е. с детерминантом *N-ko*, получающим в зависимости от лексического значения именного компонента предикативной основы семантическую характеристику:

(а) субъекта восприятия или ощущения, например, *mātēnō bād āj ivē tan mē ek sphūrti kā apibhav huā* (P, N, 106) 'Сегодня впервые за несколько месяцев он ощутил душевный подъем', *tumhē jagah dhūdhte mē vāstis bahut taklīf huī hogī* (MR, A, 476) 'Вы, вероятно, в самом деле помучились в поисках места', *āj rāhlī bār ivē ātmavednā huī ...* (P, N, 65). 'Сегодня она впервые испытала душевную боль...';

(б) субъекта психического или эмоционального состояния, являющегося непроизвольным и/или преходящим, например, *tijhē mātā-pitā se prem thā, pati par śraddhā* (S, TY, 85) 'К родителям я питала любовь, к мужу – уважение', ... *inhē nāgarik jīvan se bāt għixxā thī* (S, TY, 100) '...он питал отвращение даже к городской жизни', *iv ke mitrōd ko usk̄i isschixxkhaltā par āċċaxha ho rahā thā* (P, N, 106) 'Товарищи удивились его несдержанности';

(в) субъекта умственного состояния, например, *in bab ko rāhlī tārīkh par āppatti thī ...* (B, D, 63) 'У них всех было возражение против первого числа...', *tijh ko iv yojn-nā ke vaphal hone mē vandeh hai* (G, DR, 145) 'у меня есть сомнение в успешном осуществлении этого плана', *magar sāhab, āp ko bārī galatfamti ho rahāt hai ...* (KC, G, 83) 'Но, господин, вы глубоко заблуждаетесь...';

(г) субъекта непроизвольного физического состояния, например, *Bhagatrām ko bahut zor se zukām ho rahā thā ...* (Y, VD, 129) 'Бхагатрама донимала простуда...', *tijhē bhūkh naññ hai ...* (P, N, 89) 'Я не голоден...', *aīsī tha-kān ivē kabhī na huī thī* (P, G, 362) 'Такой усталости ему еще никогда не доводилось испытывать';

(д) субъекта, оказывающегося в состоянии зависимости от исходящих извне установок или волеизъявлений другого лица (других лиц), например, *bādēsh ko khazāne kī ek kāwīt bāt niżże kharç mē lāne kā adhikār na thā* (P, G, 95) 'Император не имел права брать для себя из казны ни единого гроша', ...*tijhē bolne kā hukm naññ hai* (P, N, 63) '...здесь'

³⁰ Согласно точке зрения Арьенды Шармы [130, с.100], в таких предложениях глагол *honā* выступает в качестве глагола "пассивного по природе".

я лишена голоса', *kyō, kīvēt ko rāstā calne kī manāt hai?* (P, N, 36) 'Разве запрещено кому-либо ходить по дороге?';

(e) субъекта, чье состояние определяется внешними факторами объективного свойства, имеющими, как правило, отношение к осуществлению действий, например, *tijhē skūl jāne kī der ho rahī hai* (P, N, 184) 'Я опаздываю в школу' (букв. 'Мне в школу хождения задержка происходит'), *Sūd jīt ko lekh parhne kā vātay nahtī thā* (Y, DB, 546) 'У почтенного Суда не было времени читать статью', *āp ko yaḥ svāg bhar-ne kī kyā zarūrat thī?* (KC, G, 37) 'Зачем вам понадобилось так притворяться?';

(ж) субъекта, на чьем состоянии сказываются факторы благотворного или пагубного свойства, например, ... *ive aur kahī bāraṇ na thī* (P, N, 186) '...ему больше негде было приклонить голову', *hamē kīvēt saude mē hāni na hotī thī* (S, TY, 160) 'Ни в одной из сделок мы не терпели убытка', *jīvan ke sangharva mē ive sadaiv hār hūt ...* (P, G, 350) 'В житейской борьбе он всегда терпел неудачу...';

(з) субъекта, состояние которого характеризуется определенного рода отношением к тому или иному явлению или лицу, например, *ive gindagī mē sirf apnī khībī se matlab hai...* (MR, A, 198) 'У нее только одна забота – о своем удовольствии...', *ive kuch kām thā...* (MR, A, 173) 'У нее было [ко мне] дело...';

(3) предложения с предшествующим именному компоненту предикативной основы детерминантом – существительным или местоимением в форме косвенного падежа с послелогом *ke (<kā)* либо притяжательным местоимением в форме на *-e*, – получающим в зависимости от лексического значения именного компонента предикативной основы семантическую характеристику:

(а) субъекта обладания, обусловленного отношением родства, например, *is rājā ke ek gānūvān betī thī ...* (SV3, 33) 'У этого раджи была добродетельная дочь...', *is ke ek chotā bhātī thā* (AY-2, 63) 'У него был младший брат', ... *phir tumhāre baccā na hogā* (BLK, 58) '...потом у вас не будет ребенка';

(б) субъекта обладания, обусловленного отношением целого и части, например, ... *kāyār ke bhī kuch dil hai* (Aj, A, 100) '...и у труса есть сердце', *Jagdīś ke tāgē thī hī nahtī ...* (AP, D, 84) 'Ног у Джагдиша не было...', ... *is ke to kamar hī nahtī hai ...* (KC, G, 136) '...у нее нет даже талии...';

(4) предложения с предшествующим именному компоненту предикативной основы детерминантом – существительным или местоимением в форме косвенного падежа с послелогом *ke pās* 'у', 'при', 'около', 'возле', 'подле' либо притяжательным местоимением, сочетающимся в форме на *-e* со вторым элементом послелога *ke pās* (т.е. с *pās*), – получающим семантическую характеристику субъекта обладания, распространяющегося:

(а) на вещи и имущество, например, *iske pās asankhya mohrē, hītre, javāharāt ādi the* (BLK, 111) 'У него было бес-

численное множество золотых монет, бриллиантов и других драгоценностей', *hatiār ke pās bhi ghi nahi thā* (PL, 143) 'И у лавочника не оказалось топленого масла', *ek kieān thā*. *iske pās ek berō kā bāg thā* (BLK, 421) 'Жил-был крестьянин. У него был юбовый сад', *iz satay hanāre pās bahut vā mrauā thā* (S, TY, 160) 'В то время у нас была уйма денег';

(б) на животных, например, *kisi-kisi bhāgyavālī ke pās ek gadhā bhi thā*... (Aj, A, 87) 'У некоторых счастливчиков было также по ослу...', *Puniyā ke pās bhi goī thī*, *śobhā ke pās bhi goī thī* (P, G, 181) 'И у Пуни был пары быков, и у Шобхи была пара быков';

(в) на находящихся в зависимом положении лиц, например, *Rāmsinh ke pās koī ādmī na thā* (Ni, K, 38) 'У Рамсинах слуги не было', *amī ke pās to do lāudiyā hai* ... (BG, S, 22) 'У мамы [в распоряжении] две служанки...';

(г) на внешние и внутренние по отношению к субъекту факторы жизненных ситуаций, не наделенные признаком вещественности, например, *kyā tumhāre pās vittne ke lie avasar hai?* (S, TY, 133) 'У вас есть время выслушать?...', *iz ke pās karne ko koī kām nahi thā* (JY, 15.VIII.1975, 20) '...ему нечего было делать' (букв.'...у него для выполнения никакого дела не было'), *Jhuniyā ke pās izkā koī javāb na thā* (P, G, 279) 'У Джунии на это ответа не было', ... *is ke pās bahut tākat hai* ... (BG, S, 233) '...он обладает большим могуществом...', *is stri ke pās sāvār kī sab se sundar tūkra-rāhat hai* (KC, G, 144) 'У этой женщины самая обаятельная в мире улыбка'.

Результаты семантического анализа отмеченных выше разновидностей предложений с детерминантами можно свести к следующим общим положениям.

1. Предложения, содержащие детерминант *N~se*, отличаются смысловым оттенком активности лица.

2. Отличительным семантическим признаком предложений с детерминантом *N-ko* является значение непроизвольности характеризующего лицо состояния, причем данный детерминант (в отличие от детерминанта *N~se*, выступающего, как было указано выше, в качестве аналога комплемента – члена окружения медиопассивных глаголов) обнаруживает себя как аналог комплемента с функциональным значением реципиента [ср. *Nirmala ko iz tē se ek-ek pāisā nikālte itnī akhar hotī thī* ... (P, N, 197) 'Каждый раз, когда Нирмала брала из нее (сэкономленной суммы. – В.Л.) хотя бы одну пайсу, на душе у нее было так мерзко...' и *mis Vud ko lārkīyō kā yah gul-dārātā akhātā* ... (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками ...', *Sūd jī ko lekh rāphne kā satay nahi thā* (Y, DB, 546) 'У почтенного Суда не было времени читать статью' (или 'Почтенному Суду некогда было читать статью') и *Purī ko bhi socne ke liye satay mil gayā thā* (Y, VD, 191) 'Пури тоже успел подумать'. (букв.'Пури тоже для обдумывания время уже предоставилось').]

3. Различие в плане содержания между предложениями с детерминантом *N~ke*, с одной стороны, и предложениями с детерминантом *N~ke pās*, – с другой, определяется в основ-

ном семантическим моментом, связанным с разграничением соответственно неотчуждаемых и отчуждаемых объектов обладания: детерминант *N-ke* обозначает обладателя неотчуждавшегося объекта, тогда как детерминант *N-ke pās* указывает на лицо – обладателя такого объекта, который при условии своей материальности предстает как отчуждаемый. (Для объектов обладания, не наделенных признаком материальности, или вещественности, признак "отчуждаемый/неотчуждаемый" представляется иррелевантным.)

4. Предложения с такими детерминантами, как *N-ko*, *N-N-ke* и *N-ke pās*, могут быть отнесены к широкому семантическому классу бытийных предложений и расцениваться при этом как его особые разновидности, содержащие идею "закнутости выражаемого бытия" (или появления) личной сферой индивидуума (индивидуум в).

С предложениями, различающимися послеложно-падежным оформлением обозначающего лица детерминанта – единицы их структурно-семантического каркаса [соответственно *N-ve* (1), *N-ko* (2), *N-ke* (3), *N-ke pās* (4)], соотносимы предложения, в которых именному компоненту предикативной основы сопутствует (как правило, в препозиции) существительное или местоимение в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā* (т.е. *kā*, *kī*, *ke*) или притяжательное местоимение в согласуемой форме (т.е. в форме на *-ā*, *-ī*, *-e* в зависимости от рода, а в мужском роде и от числа именного компонента предикативной основы). Такое соотношение иллюстрируют следующие примеры:

(1) с именным компонентом предикативной основы *kāt*
м.р. 'дело', 'работа' – *fākṭar-hakīm kā yahā kuch kāt na-*
hī (P, N, 151) 'Врачам здесь делать нечего' [ср. ... *yah-*
tīsrā kāt ... tere pati se nahī huā (S, TY, 288) '... это третье
действие ... твоим супругом совершено не было'];

(2) (а) с именным компонентом предикативной основы *višvās* м.р. 'вера', 'уверенность', 'доверие' – *Bhūgī par*
uskā višvās na thā ... (P, N, 178) 'Она больше не доверяла
Бхунги...' [ср. *rāysāhab ko us par rupaye-raive ke mātle mē*
pūra-pūra višvās thā (S, TY, 62) 'Разсахиб полностью доверял
ему в денежных делах'];

(б) с именным компонентом предикативной основы *ruci* ж.р. 'склонность', 'интерес' – ... *in logō kī kalā*
mē kuch bħī ruoi hai ... (MR, A, 438) '... у этих людей есть
хоть какой-то интерес к искусству...' [ср. *unħē sāhitya*
mē ruci thī ... (Y, VD, 37) 'Он питал склонность к литературе ...'];

(в) с именным компонентом предикативной основы *himmat* ж.р. 'отвага', 'смелость', 'решимость' – ... *ri-*
lisvālō kī uske pās jāne kī himmat nahī hotī (Sa, K, 47) '... по-
лицейские не отваживаются к ней подходить' [ср. *Dayāśan-*
kar ko bħī iše bulāne kī himmat nahī hotī (S, N, 45) 'И Даящан-
кар не хватает решимости позвать ее'];

(г) с именным компонентом предикативной основы *ādat* ж.р. 'обычай', 'обыкновение', 'привычка' – *dukhre*
rone kī merī ādat nahī hai (P, N, 161) 'Ныть я не привык'

[ср. *logō ko par̄ne kī ādat hī naħī hai* (MR, A, 333) 'У людей нет даже привычки читать'];

(д) с именным компонентом предикативной основы *kām* м.р. 'дело', 'работа' – *dākṭar-hakīm kā yaħħa kuch kām naħī* (P, N, 151) 'Врачам здесь делать нечего' [ср. ...ти же *bħitar kām hai* (Y, Dd, 171) '... у меня есть дела в доме'];

(3) ... *ek strī kī do tāġe hotī hāi* (KC, G, 111) '... у одной женщины бывает две ноги' [ср. *Jagħdiš ke tāġe thī hī naħī* ... (AP, D, 84) 'Ног у Джагдиша не было...'], *is kī ek bahut lärli beti thī* (BLK, 100) 'У него была горячо любимая дочь' [ср. *is rājā ke ek guruvān beti thī* ... (SV-3, 33) 'У этого раджи была добродетельная дочь...']³¹;

(4) *ham logō kā vahħa ek purānā lekin bahut baṛxa makān thā* ... (B, D, 86) 'У нас там был старый, но очень большой дом...' [ср. *us ke pās ek berō kā bāg thā* (BLK, 421) 'у него был юбовый сад'], *dākṭar-hakīm kā yaħħa kuch kām naħī* (P, N, 151) 'Врачам здесь делать нечего' [ср. ... *us ke pās karne ko kōt kām naħī thā* (JY, 15.VIII.1975, 20) '... ему нечего было делать'].

Подобные предложения или оставляют невыраженным значение непроизвольности состояния, что отличает их от предложений с детерминантом *N-ko*, или располагают таким семантическим признаком, как непреходящий характер обладания, что, с одной стороны, отличает их от предложений с детерминантом *N-ke pās*, оставляющих данный семантический признак невыраженным, а с другой стороны, обуславливает их способность покрывать всю семантическую зону предложений с детерминантом *N-ke*, связанных, как было указано выше, с передачей значения неотчуждаемости объекта обладания (неотчуждаемый объект не может не являться объектом непреходящего обладания). Их соотнесенность с предложениями, содержащими детерминант *N-se*, крайне ограничена.

В той мере, в какой семантическая характеристика подобных предложений выявляется на основе их противопоставленности предложениям с детерминантами, их компонент *N-kā* (или притяжательное местоимение) тоже приобретает статус детерминанта – единицы структурно-семантического каркаса предложений несмотря на то, что непосредственную синтаксическую зависимость он формально обнаруживает от именного члена предикативной основы, т.е. от подлежащего.

Дифференциация между предложениями с детерминантом *N-kā* (или детерминантом – согласуемым притяжательным местоимением), с одной

³¹ Разумеется, что в тех случаях, когда именной компонент предикативной основы представлен существительным мужского рода, несущим грамматическое значение множественного числа, различие в плане выражения между обеими соотносимыми структурами сходит на нет: *ek waqtāgar ke do bate the* (SV-2,1) 'у одного купца было два сына'.

стороны, и предложениями с детерминантом N-ko (или детерминантом — местоимением в форме объектного падежа) — с другой, иногда сопровождается различиями в послеложном оформлении распространяющих именной компонент предикативной основы членов, а также и в грамматической природе (имя существительное ~ герундиальный инфинитив) представляющих такие члены слов: (1) *is tote par uskā barā vneh thā* (SV-3, 33-34) 'Этого попугая она очень любила' — ... *aur apya sakħāō se unħe barā vneh thā* (PNT, 55) '... и к другим сподвижникам он был очень привязан'; (2) *parantu unkī or kisī kā dhyān na thā* (S, TY, 240) '... но на них (его слезы.— В.Л.) никто не обращал внимания' — *unħe kavītā kā dhyān hai* ... (S, TY, 197) 'у него на уме поэзия ...'; (3) *pati kī aur kisī sampatti par uskā adhikār naħiħ hotā* (P, N, 169) 'На какое-либо иное имущество мужа у нее нет никакого права' — *kisī ko bolne kā adhikār naħiħ hai* (P, N, 32) 'Никто не имеет права говорить [что-либо против]'; (4) *sangīt par Surħab kā adħkut adhikār thā* (PNT, 58) 'Сурдас был необычайно музыкален' — *bādšah ko kharrēne kī ek kauġi bħi niżżej kharc tē lāne kā adhikār na thā* (P, G, 95) 'Император не имел права брать для себя из казны ни единого гроша'. (Приведенные выше примеры-предложения содержат в качестве подлежащих существительные *vneh* 'привязанность', 'любовь', 'нежность', *dhyān* 'внимание', 'размышление' и дважды *adhikār* 'власть', 'право', 'владение', причем последняя пара примеров наглядно демонстрирует многозначность существительного *adhikār*.)

Во вторых предложениях трех последних пар, т.е. в предложениях с детерминантом N-ko, члены, распространяющие именной компонент предикативной основы, оформлены при помощи послелога-транспозитора *kā*: *kavītā kā, bolne kā, lāne kā*. Аналогичное оформление такого рода членов (особенно тогда, когда они представлены герундиальным инфинитивом) оказывается в целом ряде случаев совместимым с детерминантом N-kā или детерминантом — притяжательным местоимением: ... *pulisvälō kī uske pās jāne kī hittmat naħiħ hoti* (Sa, K, 47) '...полицейские не отваживаются к ней приближаться', *dukhre rone kī meri ādat naħiħ hai* (P, N, 161) 'Ныть я не привык', *zilā Hazārriħāg tē Rānci ke ās-pās kahī avaratāl kholne kā meri vicār hai* (AP, D, 123) 'у меня есть идея открыть больницу в дистрикте Хазарибаг где-нибудь неподалеку от Ранчи'.

Компонент N-kā, распространяющий именную часть предикативной основы, не следует принимать за детерминант в предложениях такого рода: *sāhitya aur rājnīti dond hī kṣetrō tē pañdit kā ādar thā* (Y, VD, 38) 'В литературе и политике — в обеих этих областях — пандит пользовался уважением', ... *aur āj pūre sansār tē meri hī careā tit* (KC, G, 87) '...и теперь во всем мире только обо мне и говорили' [см. предложения, где N-kā подобным же образом распространяет те же существительные в случае зависимости последних от глагола *karmā* 'делать': *dāktar Prān wāstar jī kā bahut ādar kartā thā* (Y, VD, 26) 'Доктор Пран очень уважал учителя', *munši ġejt usse Mansarām kī kōt sarsā karte ħarmātē the* (P, N, 125) 'Мунши [Тотарам] стеснялся заговаривать с ней о Мансарам'].

Встречаются, однако, предложения, в которых при наличии детерминанта N-ko другой компонент, а именно N-kā (или притяжательное местоимение), тоже претендует на роль детерминанта: *aise għar ko miegħi d'dir kī ve salām hai* ... (P, N, 32) 'Упаси меня бог от такого дома...'.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ – АНАЛОГИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДЕТЕРМИНАНТАМИ

К рассмотренным выше предложениям, располагающим детерминантами, примыкают, разделяя с той или иной их разновидностью конструктивные и семантические особенности, предложения, в которых:

(1) компонент, обозначающий лицо, оформляется послелогом *mē 'v'* – *Siyārām mē kāt-karaṭ kī ādat na thī* (P, N, 178) 'Сиярам не имел обыкновения обманывать', *parantu ab us mē vah dhairyā na thā* (S, T, 158) 'Но теперь у него не было прежней выдержки', *logb mē ḫṛke prati aṭīm ādar hai* (KC, G, 67) 'Люди испытывают к вам чувство безграничного уважения'.

Подобные предложения могут быть отнесены к предложениям бытийным, в которых выражаемая бытийность локально детерминирована указанием на лицо. Ср. предложения, в которых локальная детерминация бытийности имеет иной характер: *us tān mē kaisā ḫkarṣaṇ hotā hai, kaisī mohtī-śakti!* (S, TY, 34) 'Какая притягательная сила, какое очарование бывает у этой мелодии!', *baṭue ūdo do ginniyā̄ hāi* (S, TY, 149) 'В кошельке две гинеи'.

Детерминации бытийности путем указания на внутренний мир человека нередко служит сочетание оформленного послелогом *mē 'v'* существительного *man* 'душа' или *ḥṛdaya (dil)* 'сердце' со словом-определением, содержащим ссылку на лицо: *svāmījī ke man mē barī-barī kāṭpāē thī ...* (P, N, 39) 'Муж мечтал о многом...' (букв. 'В душе мужа были большие-большие желания...'), *Govindī ke ḥṛday mē ḫnand kā kāṭrapāt hūā* (P, G, 199) 'Сердце Говинди затрепетало от радости' (букв. 'В сердце Говинди случился трепет');

(2) компонент, обозначающий лицо, оформляется послелогом *par* 'на', появление которого обусловливается лексическим значением именного компонента предикативной основы – *Maḥtābrāy par vajra-pāt hūā* (S, TY, 56) 'Махтабрая [словно] поразила молния';

(3) на месте глагола *hotā* как компонента предикативной основы выступают, например, такие глаголы, как *rah-nā* 'оставаться', 'сохраняться', *raṭnā* 'падать', 'случаться', 'происходить', *āpā* 'приходить', 'возникать', 'появляться', 'наступать', *lagnā* 'прикладываться', 'приставать', 'восприниматься', 'ощущаться', *calnā* 'идти', 'двигаться', *bāṭnā* 'делаться', 'становиться', каждому из которых свойственно в той или иной степени (глаголу *rahnā* – в минимальной степени) оказываться взаимосвязанным с лексическим значением именного компонента предикативной основы (в крайнем случае с определенным именем существительным), чему соответствует и разное оформление имени, обозначающего лицо, а именно:

(а) *N-ko* с глаголами *rahnā*, *raṭnā*, *āpā*, *lagnā*, *calnā* – *... do-tīn din use khāne-pīne kī bhī budh na rahī* (Y, Dd, 183) '...на протяжении нескольких дней ему было не до еды и питья', *inħī dinō mujhe samācārpatra parhne kā caskā parā* (KC,

G, 5) 'В те же дни я пристрастился к чтению газет', Nir-malā ko unpar zārā bhī dayā nāhī ātī (P, N, 178) 'Нирмала не испытывает к нему ни малейшего сострадания', Nasīruddīn Haidar ko sāctis rūās lag rāhī thī (AN, S, 419) 'Насируддин Хайдар и в самом деле изнывал от жажды', ...jāhā hamāre milne kā patā kīsī ko na cal bāke (Sa, K, 75) '...где никто не сможет узнать о нашей встрече';

(б) N-kā с глаголами *parñā*, *ānā*, *lagñā* – *islie* kīsī kī āge āne kī hīmat na parī (P, G, 127) 'Поэтому никто не отважился приблизиться', ek dīn lālā Paṭešvarī Prasād kī sāmat ā gal (P, G, 270) 'Однажды с почтенным Патешвари Прасадом стряслась беда', ghar ke kām-kāj mē uskā jī na lagtā (BLK, 206) 'К домашним делам у него душа не лежала';

(в) N-se с глаголами *calnā* и *bannā* (*ban* *parñā*) – *muhal-le* ke chote baccō se bhī kām cal saktā hai 'Эта работа может быть выполнена маленькими детьми квартала' [66, с.228], ... jaīse mujhī sē uske prati koī aparādh ban parā ho (MR, A, 199) '... будто я в чем-то провинился перед ним'³²;

(г) N-ke с глаголами *ānā* и *lagñā* – mere dūdh ā gayā (P, G, 283) 'у меня появилось молоко', ... lekin us ke ek bhī golī nāhī lagī ... (Sa, K, 71) '...но ни одна пуля в нее не попала...' (в подобного рода предложениях компонент N-ke выступает как альтернативный компонент N-ko);

В данной связи заслуживают также внимания предложения с обозначающим лицо компонентом N-par и глаголами:

(а) *parñā* – bete par unke sāhitya-prem kā amit̄ prabhāv parā (MR, A, āvaraṇ-pratīha) 'На сына его любовь к литературе произвела неизгладимое впечатление';

(б) *āpā* – ... Vābhṛavya par koī vipatti nāhī āyegī (HD, B, 101) '... Вабхравью не постигнет никакая беда'.

(4) при выражении отношения посессивности имени субъекта обладания оформляется при помощи послелога *ke yahā* или *ke hā* 'у', 'при', выступающего на месте:

(а) послелога *ke pās*, например, rājā ke yahā bāhut sundar bagīcā thā ... (AY-1, 28) 'У раджи был прекрасный сад ...', Candanpur ke rājā Sumant ke yahā Aravind Bhatṭā nāmak ek mantri thā ("Candāmātā", 1975, N-1, 29) 'У Суманта, раджи Чанданпурा, был министр по имени Аравинд Бхатта', jīthānī ke yahā kīst cīz kī kamī nāhī thī (AY-2, 21) 'Жена старшего деверя ни в чем не нуждалась' [ср. с последним из примеров следующее предложение: uske pās kīsī prakār kī koī kamī na thī ... (RA, 86) 'Он ни в чем не нуждался'];

³² Ср. предложения с предшествующим глаголу *bannā* имперфективным причастием глагола, обозначающего действие, субъект которого выражен через N-se, например: patnī se lāj ke māre kuch kahte na bannā (JK, K, 8) 'Жена от смущения ничего не могла сказать', ...usse bolte bhī nāhī ban par rāhā thā (Y, VD, 525) '...она была не в силах даже говорить'.

(б) послелога *ke*, например, *uske yahā̄ koī santān na thī* (S, TY, 216) 'Детей у него не было' [ср. следующее предложение: *us ke koī santān na thī* (AY-2,45) 'Детёй у него не было'];

(5) оформление имени, обозначающего лицо, послелогом *ke* (а также *ke yahā̄* или *ke hā̄*) сопутствует указанию на факт рождения ребенка (детей) – *Lallan ke larkā̄ huā̄* (NK, 1961, VI, 31) 'У Лаллан родился мальчик', *bahut yājñā aur tap karme ke bād uske ek laṛkī hūt* (SV-2,24) 'После многих жертвоприношений и долгого покаяния у него родилась девочка' [см. также: *Rājkumārī ke yahā̄ kānyā̄ kā jānta huā̄* (AP, D, 75) 'У Раджкумари родилась девочка'];

(6) посессивное отношение (в частности, отношение между частью и целым) выражается при использовании послелога-транспозитора *kā̄* (*kā̄*, *kī*, *kē*) вне связи с указанием на лицо – *pratyek rājnītik pārtī kī śākhā̄ hai yahā̄* (R, PP, 27) 'Каждая политическая партия имеет здесь свое отделение', *har des̄ kī kalā̄ tathā̄ sanskr̄ti kā̄ ek aprā̄ svabhāv hotā̄ hai* (KC, G, 164) 'Искусство и культура каждой страны имеют свой [неповторимый] характер', *is aśiṣṭatā̄ kī bhī koī had hai* (P, G, 236) 'Есть же предел этому нахальству';

(7) на месте обозначающего лица компонента *N-ko* выступает компонент *N-ke*, например, *netā̄ ke romānc ho āyā̄* (U, SK, 97) 'Вождя обуяло исступление' [ср. следующее предложение: *uttejñā̄ se hamē kṣaṇ-kṣaṇ bhar romānc ho rahā̄ thā̄* (AkJ, 105) 'От волнения мы трепетали всем телом', где *hamē=ham koj*];

(8) именно с наличием компонента *N-ko* (реже *N-ke*) в качестве имени субъекта состояния бывает взаимосвязано понимание предикативной основы (и относящихся к ее компонентам слов) как передающей характер самого состояния, например, *is ke bād se rājā̄ ko kahānī sunne kā̄ śauk khatm ho gayā̄* (JY, 16.I.1977, 6) 'С этого времени у раджи пропало всякое желание слушать сказку', *ek-ek kṣaṇ Rājārām ko paḥār ho rahā̄ thā̄* (Y, Dd, 244) 'Каждое мгновение казалось Раджараму мучительно долгим', *use halkā̄-halkā̄ rasīnā̄ chūtē...* (Y, Dd, 21) 'Она постоянно покрывалась легкой испариной...' [см. также предложение с компонентом *N-ke*: ... *tab un ke pasīnā̄ chūtē lagā̄* (BC, C, 21) '...тогда он начал покрываться потом'].

См. в этой связи также предложения с причастными оборотами, сообщающие об истечении какого-либо периода времени, с которым соотносится действие, выраженное глаголом в форме причастия: *Gobar ko yahā̄ rahte sāl bhar ho gayā̄* (P, G, 204) 'Прошел целый год, как Гобар живет здесь', ... *aur mis Pāl ko vahā̄ āye kā̄t māhīne ho cuke the* (PL, 135) '...а с тем пор как туда приехала мисс Пал, прошло уже несколько месяцев', *is choṭe-se hil-stēšan par rahte īj use arsā̄ ho gayā̄ ...* (PL, 89) 'Бот уже долгое время она живет на этой маленькой горноклиматической станции...', *lekin Sohan ko sārī rāt khāste guzārī* (P, N, 151) 'Но Сохан кашлял всю ночь'.

В них обозначенное компонентом *N-ko* лицо, соответствующее субъекту действия, выраженного глаголом в форме причастия, предстает

одновременно и как субъект состояния, вытекающего из соотнесенности данного действия с определенным периодом времени. Однако они представляют собой лишь частный случай более общего явления – характеристики субстанции путем ссылки на ее "временные координаты", о чем может свидетельствовать следующее предложение (того же строения), в котором нет указания на лицо: *is ghatnā ko hue cār din bīt gaye* (AN, S, 150) 'Минуло четыре дня с того времени, как произошло это событие' [см. также предложение без причастного обозрота: *is ghatnā ko do saptāh bīt gaye* (S, P, 28) 'Минули две недели после этого события'].

Заслуживают внимания и предложения с имперфективным причастием, предшествующим финитной форме глагола *bāttā* 'делаться', 'становиться', в которых использованием компонента N-ко (на месте обычного N-se) в качестве имени субъекта действия, выраженного глаголом в форме причастия, достигается передача значения вынужденности как состояния, характеризующего лицо: *būṛhiyā ko vahā ve hatte hī bātā* 'Старухе пришлось убраться оттуда' [63, с.265], *kāz̄t ko yaht̄ hukm dete bātā* [98, с.511] 'Судья был вынужден вынести именно этот приговор'.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНО-СВЯЗОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В глагольно-связочных предложениях предикативный центр состоит из связочного глагола, призванного актуализировать в плане категорий наклонения и времени представление о непроцессуальном (нединамическом) признаком, и присвязочного члена (предикатива), содержащего указание на данный признак, относимый к предмету. Имя (или его субститут), которым выражается этот предмет, выступает в форме прямого падежа и участвует совместно с предикативным центром в образовании структурно-грамматического каркаса соответствующих предложений, выполняя при этом синтаксическую функцию подлежащего, соотнесенного со сказуемым – предикативным центром. Таким образом, структурно-грамматический каркас глагольно-связочных предложений оказывается равным их предикативной основе (сочетанию подлежащего со сказуемым).

Присвязочный член, лексическое значение или лексическое значение и форма которого обусловливают содержание непроцессуального признака, относимого к денотату имени-подлежащего, выражается знаменательным словом, не относящимся к классу глаголов, или же (в определенных случаях) нефинитной формой глагола (причастием, инфинитивом, глагольным прилагательным), а также предикативной единицей, выступающей в качестве придаточной части (придаточного предложения) сложноподчиненного предложения.

Сказуемое (=предикативный центр) глагольно-связочных предложений традиционно называется составным именным сказуемым. Поскольку в нем раскрывается тот или иной признак, оно семантически является квалификативным

[77, с.38], или, иначе говоря, детерминирующим, по отношению к тому, что обозначается подлежащим³³. Подлежащее же наделяется соответственно функциональным значением детерминируемого члена, или субъекта-детермината (а не субъекта действия, как это имеет место в собственно глагольных предложениях, реализующих активно-субъектную, активно-объектную и активно-нейтральную конструкции, и не объекта действия, как это имеет место в собственно глагольных предложениях, реализующих инактивно-объектную конструкцию) ³⁴.

Конситуативной нейтральности глагольно-связочных предложений отвечает следующий порядок слов – элементов их структурно-грамматического каркаса: $N^{dt}-Q-Cop.$, где N^{dt} – имя субъекта-детермината, выступающее в синтаксической функции подлежащего; Q – присвязочный член (предикатив), представляющий собой "семантически значимую часть" [77, с.38] сказуемого; Cop. – входящий в состав сказуемого связочный глагол.

Для глагольно-связочных предложений характерно согласование сказуемого с подлежащим по роду и в формах числа. Оно обеспечивается свойственными компонентам сказуемого формами словоизменения. Вместе с тем оно сближает в конструктивном отношении глагольно-связочные предложения с собственно глагольными предложениями, реализующими активно-субъектную и инактивно-объектную конструкции.

Предложения с глаголом-связкой *hona* 'быть'

Из связочных глаголов наиболее типичным и употребительным является *hona* 'быть', 'становиться', выступающий в качестве связи бытия, а также (в случае принятия им предельной или комплетивной формы и в перфектных формах, в особенности в форме прошедшего аористического времени) и становления. Использование глагола *hona* в связочной функции не сопряжено с привнесением дополнительных смысловых оттенков в сказуемое.

В предложениях с глаголом-связкой *hona* максимально проявляются возможности различной манифестиации присвязочного члена (имеется в виду его принадлежность к той

³³ Иногда [см., например, 14, с.205] подобная детерминация трактуется как установление тождества между двумя именными членами, т.е. как идентификация, выходящая за рамки фиксации формального равенства между референтами именных членов.

³⁴ О понятии субъект-детерминат см. работу Д.Д.Ворониной [18, с.75], где данный тип субъекта противопоставляется другим, в том числе субъекту-агенсу, которому мы ставим в соответствие имя субъекта действия, выраженного глаголом, и субъекту-пациенсу, находящему соответствие в имени объекта действия, выступающем в функции подлежащего.

или иной части речи, а также его оформление) и возможности передачи различных видов детерминации.

В таких предложениях, в частности, присвязочный член (предикатив) бывает представлен:

(а) именем существительным в форме прямого падежа — *māt magadh ka nivāsī hāi* (НД, В, 42) 'Я житель Магадхи', *merā nām Prabalsinh hai* (S, TY, 253) 'Мое имя — Прабальсинх';

(б) именем прилагательным — *dhotī pāi thāt* (УВ, S, 53) 'Дхоти было новое', *pānt bahut thandā thā ...* (S, TY, 156) 'Вода была очень холодной ...';

(в) числительным без послелога и с послелогом — *ham chah hāi* (Y, VD, 506) 'Нас шестеро', *temparecar 101 thā* (NK, 1961, VI, 27) '...температура была 101 [градус]', *avasthā bht pacās se ūpar thāt* (S, TY, 3) 'Ему уже было свыше пятидесяти лет' (букв. 'Возраст также свыше пятидесяти был');

(г) существительным в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā*, за которым может следовать частица *sā*, привносящая оттенок уподобления, — *yahī dasā Śādirām kī thāt* (S, TY, 173) 'Как раз в таком состоянии и находился Шадирам' (букв. 'Именно такое состояние Шадирам было'), ... *parantu merā nām bangālinō kā sā hai* (S, TY, 76) '... но мое имя такое же, как уベンгальских женщин';

(д) герундиальным инфинитивом в форме косвенного падежа с послелогом-транспозитором *kā — to tumhārā irādā Śākarlāl ko bht kat1 karne kā thā?* (ВС, С, 51) 'Значит, твое намерение было убить и Шанкарлала?';

(е) существительным в форме косвенного падежа с находящимся в постпозиции послеложным транспозитором (< частицей или относительным местоимением), привносящим оттенок уподобления или сравнения, — ...*par svadhāv bālakō-sā hai* (P, N, 78) '...но характер [у Мансарама] еще ребяческий', *Hirāman kī jibh ... lakṛī jaisī ho gat thāt* (PL, 41) 'Язык у Хирамана... словно одеревенел (букв. "...дерево какое стал > ...как какое-то дерево стал)';

(ж) местоимением — *yahī dasā merī thāt* (S, TY, 92) 'Как раз в таком состоянии я и находилась' (букв. 'Именно такое состояние мое было'), *Anūpsinh — par tumhārā sardār kaun hai?* (*Zorāvarsinh kā talvār liye hue praveś*). *si pāhī — hamāre sardār ye hāi* (S, TY, 270) 'Анупсинх: "Кто же ваш командир?" (Входит Зораварсингх с мечом в руке). Воин: "Вот наш командир"';

(з) инфинитивом (герундиальным) в форме прямого падежа — *yah to merī chātī par mūg dalnā hai* (P, N, 45) 'Это значит подвергать меня мучениям' (букв. толочь маш на моей груди)', *deko Rāmlāl! hamārā kām netāō kā kahnā mānnā hai* (G, DR, 31) 'Смотри, Рамлал! Наше дело слушаться руководителей';

(и) перфективным причастием (как сложным, так и простым) от непереходных глаголов (как правило, таких, которые могут характеризоваться значением изменения состояния или положения в пространстве) — *un par bārah kapre...*

... tāge hue the (AY-1, 13) 'На них (колошках. — В.Л.) висели... двенадцать одежек', dīserī taraf cārpāt par Dukhmozan kā bistar bichā thā (N, D, 148) 'По другую сторону на кровати была расстелена постель Дукхмочана';

(к) адъективно использованным (т.е. выступающим в согласуемой с подлежащим форме) перфективным причастием (как сложным, так и простым) от переходных глаголов (например, likhnā 'писать', rakhnā 'класть', 'ставить' и др.) - lifāfe par uskā nām aur hovatāl kā patā likhā huā thā (PL, 116) 'На конверте были написаны ее имя и адрес', ... do št̄šiyā rakhi thā (N, D, 34) '...стояли (букв. поставленные были) два флакона';

(л) выступающим в нейтральной форме на -e перфективным причастием (как сложным, так и простым) от переходных глаголов — vah krīm rang kī pūrī bāhō kī ūnī jaiket pahne hue thā (PL, 108) 'Она была в шерстяном жакете кремового цвета с длинными рукавами' (букв. 'Она была надевшей/надевши...жакет...') » 'Она была с надетым на нее жакетом...', hāth mē vah ek thailā liye thā (PL, 128) 'В руке она держала сумку' (букв. 'В руке она сумку взявшей/взявиши была');

(м) образованным от переходных глаголов сложным перфективным причастием, в котором первый компонент стоит в нейтральной форме на -e, а второй — в согласуемой форме (редко встречающийся случай), — us ūngār-sadan mē bijlī kī anek chotē-barī, harī battiyā cādnī-sā tāyād-may jāl pasāre huī thā (U, SK, 117) 'Многочисленные зеленые лампочки разного размера создавали в этом будуаре иллюзию лунного света (букв....были распространенные иллюзорную сеть вроде лунного света)', striyā tarangāyit upāntvālī lāl bātikāē pahne huī thā ... (HD, B, 140) 'Женщины были облачены в красные сари с волнистой оторочкой...';

(н) глагольным прилагательным — Motīrām akelā din mē derh ser ātā khānevālā thā, uskī patnī Sundari bhī khūb khānevālī thā (G, DR, 35) 'Мотирам один съедал (букв. был съедавший) за день полтора сера муки. Его жена, Сундари, тоже любила поесть (букв. была хорошо евшая)';

(о) наречием — ... vah merī kavītā se kosō dūr hai (S, TY, 186) '...она чужда моей поэзии (букв. ... от моей поэзии на многие косы далеко есть)';

(п) существительным в форме косвенного падежа с послелогом (в случае локальной детерминации послелог может отсутствовать) — parantu māi dīserī hī cintā mē thā (HD, B, 217) 'Но я был поглощен совсем другими мыслями', hamārā kām ghar ke andar har (S, TY, 247) 'Наше дело — заниматься домашним хозяйством' (букв. 'Наше дело внутри дома есть');

(р) придаточным предложением (придаточной частью сложноподчиненного предложения) — merā dīrrh sankalpa hai ki apne gharvālō ke sāmne hāth na phailāūgā ... (P, M-4, 58) 'Я твердо решил, что не обращусь с протянутой рукой к своим домашним...' (букв. 'Мое твердое решение есть, что ...').

В предложениях с глаголом-связкой *honā* на основе смыслового соотношения между сказуемым (вместе с распространяющими его словами, если таковые имеются) и подлежащим (группой подлежащего) получают выражение следующие основные виды детерминации:

(1) квалитативная (качественной характеристики) детерминация — *dhotī naī thī* (UB, S, 53) 'Дхоти было новое', *keval vah mujh jitnī sundar naī hai* (G, DR, 150) 'Только она не такая красивая, как я';

(2) детерминация включения;

(2.1) фиксирующая включение одного класса предметов в другой — *medhak ek varthibret hai* (VL, 1960, X, 9) 'Лягушка — позвоночное животное', *bhāīrā lābhāyī kīrō mē se ek hai* (VL, 1961, II, 13) 'Шмель — одно из полезных насекомых';

(2.2) фиксирующая отнесение определенного предмета (определенных предметов) к некой совокупности — *magar is samay māī sīpāī hī ...* (S, TY, 274) 'Но в настоящее время я являюсь воином...', *Barsovā kisī samay ek barā bandangāh thā* (UB, S, 10) 'Барсова был когда-то крупным портом'³⁵;

(3) детерминация тождества, или идентификация, — ... *yah mahāpūbhāv śrī Gaṇendranāth Nāgpāl hai* (KC, G, 152) '... этот почтенный человек — господин Ганендранатх Нагпал', *māī andhī hī — mere kān hī merī ākhē hāi* (S, TY, 75) 'Я слепа [и поэтому] именно мои уши — это мои глаза!';

(4) квантитативная детерминация — *uskā māsik vetañ keval rāscīs rupaye thā ...* (S, TY, 18) 'Его месячное жалование составляло (букв. было) только двадцать пять рупий', ... *sab ve chotī kīm kā samudrī ghorā ek inc lambā hotā hai ...* (VL, 1960, IX, 12) '...морской конек самого мелкого вида бывает длиной в один дюйм...';

(5) детерминация принадлежности — *sārak sarkār kī hai*, *kisī ke bāp kī naī hai* (P, G, 140) '[Эта] дорога казенная (букв. правительства), а не какого-то частного лица (букв. не чьего-либо отца)', *moṭar frak unke param mitra Ba-caīrām kā thā ...* (BC, C, 25) 'Грузовик принадлежал его лучшему другу — Бачайраму (букв. был его лучшего друга)';

(6) локативная детерминация — *iśārā Mahtābrāy kī or thā* (S, TY, 42) 'Кивок был в сторону Махтабрая', *Khannā ke chote baccō ko pālne kā bhār bhī Maltī par hai* (P, G, 323) 'Даже бремя по воспитанию маленьких детей Кханны лежит (букв. есть>находится) на Малти'³⁶;

(7) статальная детерминация (детерминация состояния);

³⁵ Детерминацией включения охватываются случаи выражения того, что Э.Бенвенист [14, с.205] определяет как "включение класса в класс" и "принадлежность к совокупности", а Дж.Лайонз [42, с.412] — как "включение в класс" и "принадлежность к классу".

³⁶ См. также такое предложение: *pāthśālā gāv ke bāhar Gangā ke kināre thī* (UB, L, 15) 'Школа была за деревней на берегу Ганга'. Оно демонстрирует близость определенного круга глагольно-связочных предложений, отличающихся локальной детерминацией, собственно глагольным бытийным предложениям. В последних при условии их консистентивной нейтральности начальную позицию занимает детерминант, фик-

(7.1) фиксирующая внутреннее (психическое, эмоциональное, умственное, связанное с восприятием или ощущением) состояние лица (лиц) – *parantu māī ñūsrī hī cintā mē thā* (HD, В, 217) 'Но я был поглощен совсем другими мыслями', *rīayād taklīf mē hai* (AN, S, 246) 'Подданные страдают (букв. пребывают в страдании)'³⁷;

(7.2) фиксирующая резульвативное состояние, т.е. состояние, являющееся результатом совершения действия;

(7.2.1) фиксирующая состояние лица – субъекта действия – [...] *rāt ke das baj gaye thej*, *munśījī āj kahī dāvat khāne gaye hue the* (P, N, 89) '[...пробило десять часов вечера]. Мунши [Тотарам] был [букв. был ушедший] где-то в гостях';

(7.2.2) фиксирующая состояние субъекта – аналога объекта такого действия, которое подлежало бы выражению переходным глаголом, – *us par do pījre tāge hue hāī* (AY-1, 25) 'На нем (баняне) висят две клетки' (ср. глагол *tāg-nā* 'висеть', 'принимать висящее положение', с одной стороны, и *tāgānā* и *tāgnā* 'подвешивать' – с другой);

(7.2.3) фиксирующая состояние объекта действия – *te-bal par kāse ke cār katoriyā rakhī huī thī* (N, D, 121) 'На столе стояли (букв. поставленные были) четыре чашки из латуни'³⁸;

(7.2.4) фиксирующая состояние лица (как правило, субъекта действия), вытекающее из связи данного лица через действие с объектом, – *mis Pāl us samay ruḍgī rang kī salvār-kāmī pahne thī ...* (PL, 157) 'Мисс Пал была теперь в шароварах и рубашке бледно-розового цвета... (была на-девшей/надевши шаровары и рубашку) была с надетыми шароварами и рубашкой)';

(8) детерминация интенции – *ek din merī mandalī abhiñān Śākuntalā kā abhinay karnevālī thī* (HD, В, 239) 'Однажды моя труппа собиралась играть "Шакунталу"!'.

Во всех приведенных выше примерах, кроме одного [см. с.44 (PL, 41)], глагол *honā* выступает как связка бытия.

сiruhiščij sferu bytija, a imja-podležašče obično karakterizuječsja pri-
znamom neopredelennosti: *gāv ke bāhar Gāngā ke kināre [ek] pāt̄hśā-
lā thī* 'За деревней на берегу Ганга была [одна] школа'.

³⁷ Подобные предложения сопоставимы с относящимися к кругу бытейших предложенийами, содержащими детерминант *N-ko*, т.е. с предложениями типа: *Nīrmalā ko Kriṣṇā ke vīray mē barī cintā ho rahī thī* (P, N, 135) 'Нирмала очень тревожилась из-за Кришны', ...*vahā tujhe kā taklīf thī?* (P, N, 135) '...что тебя там мучило?!

³⁸ Субъект действия в случае необходимости его обозначения обычно выражается либо предшествующим причастию именем существительным или его местоименным субститутом в сопровождении послелога-транспозитора *kā*, либо притяжательным местоимением, причем выраженность субъекта служит фактором расширения круга глаголов, причастие от которых занимает место предикатива: *aūr yah sab seṭh Mansukhlāl kā kiyā huā thā* (KC, G, 113) 'И все это было сделано [сэтом Мансукхлалом]', ...*ye khilaune mere hī banāye hue hāī!* (Aj, A, 52) '...эти игрушки мной изготовлены!'.

Следующие примеры иллюстрируют употребление этого глагола в качестве связки становления, что обусловлено его перфективной формой, а также (вне зависимости от признака перфективности/имперфективности) комплетивной или предельной формой (в частности, одной из форм, которой в инфинитиве соответствует *ho cuknā*, *ho jānā*, *ho ut̄hnā*, *ho ānā*, *ho calnā*, *ho baithnā*): *Naiyar Kanak se sahmat naht̄ huā* (Y, DB, 107) 'Наяир не согласился (букв. согласным не стал) с Канак', *uske sir ke bāl ādhe se adhik ūt̄et ho cuke the* (KC, G, 130) 'Волосы на его голове стали седыми больше чем наполовину', *iskt̄ ākhē gīlī ho gaī* (Sa, K, 53) 'Ее глаза увлажнились (букв. стали влажными)', *dārpok prāṇiyō tē satya bhī gūḍā ho jātā hai* (P, G, 228) 'У пугливых существ истина безмолвствует (букв. даже истина немой становится)', *mīs Pāl in sanketō se betarah paresān ho ut̄htī thī ...* (PL, 131) 'Мисс Пал приходила от этих намеков в сильное замешательство...' (букв. чрезвычайно обеспокоенной становилась)', *merā cehrā lāl ho dūdā* (RY, S, 110) 'Мое лицо раскраснелось (букв. красным стало)', *havā tez ho calī thī* (PL, 108) 'Ветер усилился (букв. резким стал)', *magar Horī kī daśā dekkhar cup ho baithnā* (P, G, 273) '...но увидев, в каком положении находится Хори, он (Мангру) замолк (букв. безмолвным стал)'.

Семантические различия, существующие между простыми, с одной стороны, и аналитическими, с другой стороны, формами презенса и имперфекта глагола *honā*³⁹, имеют, разумеется, место и при употреблении данного глагола в качестве связки: *māi ne kahā*, "tumhāre dāt bahut acche hāi". *Anand bolā*, "hindiyō ke dāt bahut acche hote hāi" (KC, H, 65) "'У вас очень хорошие зубы', — проговорил я. 'У индийцев вообще зубы очень хорошие', — сказал Ананд'.

Глагольно-связочные предложения с глаголом-связкой *honā* могут служить хорошим примером их семантического сближения с собственно глагольными предложениями, реализующими инактивно-объектную конструкцию (а также и инактивно-нейтральную конструкцию в ее объектном варианте), под влиянием семантики присвязочного члена (предикатива) — входящего в класс прилагательных санскритского или новосанскритского, а также — что ярче проявляется в урду — и арабского причастного образования, наделенного значением пассива: *isī choṭe mahārāj 'e ghar tē ... ek atyant sādhvī rājkumārī apnī icchā ke viruddha ābaddha hai*

³⁹ Если первые служат для выражения состояния, то вторые — для констатации события; если первые передают значение однократности, то вторые — значение многократности (неоднократности, повторяемости); если первые указывают на нечто единичное, частное, то вторые — на массовое, общее; если употреблением первых достигается категоричность высказывания, то вторые оставляют в высказывании место для оттенка неопределенности или неуверенности; если при употреблении первых высказывание базируется на непосредственном восприятии или наблюдении, то при употреблении вторых — на опосредованном восприятии [114, с.59–64, 97–104, 131; 99, с.107; 109, с.124].

(HD, В, 19) 'В доме этого же мелкого махараджи ... заточена против своей воли чрезвычайно благочестивая принцесса', *mañ āścarya aix autvika ve abhibhūt ho gayā* (HD, В, 189) 'Мной овладели изумление и любопытство' (букв. 'Я изумлением и любопытством повержен стал'), *rancāyatō ke ranc janatā dvārā nirvācit hōge ...* (G, DR, 195) 'Члены советов будут избраны народом...', ..., *kāzī ... kāpūn ke rāv jāne ko tajbūg huā thā* (BG, S, 258) '...судья ... был вынужден следовать закону'.

Присвязочный член, представленный отглагольным образованием, имеющим значение актива, содействует семантическому сближению глагольно-связочных предложений с предложениями, реализующими активно-субъектную конструкцию: *yah jūgū kī camat nīrāb hṛdayō ke lie kāiśī jīvandāyinī, kāiśī hṛdayhāriṇī hotī hai!* (S, TY, 178) 'Каким живительным, каким чарующим бывает для отчаявшихся сердце это сияние светлячка!' (*jīvandāyinī* букв. 'жизнь дарующий' в форме женского рода, *hṛdayhāriṇī* букв. 'сердце берущий' в форме женского рода — сложные слова татсама, в которых первый компонент указывает на объект действия, раскрываемого семантикой второго, т.е. собственно отглагольного компонента; см. санскритские глагольные корни *dā* 'давать', *hr-* 'брать').

Встречаются случаи нарушения согласования связки *hotā* с подлежащим в пользу ее согласования с присвязочным членом — существительным, отличающимся по роду и/или числу от существительного-подлежащего или, чем обусловливается регулярность отмеченного нарушения, противополагаемым подлежащему — герундиальному инфинитиву, например, *yah patra śarāb kī dūṣrī botal thī* (S, TY, 186) 'Это письмо было [по силе воздействия на меня как будто] второй бутылкой вина', *ab ādhī rāt mē kivār khulvānā bhī ek samasyā hogī* (RY, S, 90) 'Теперь даже заставлять [кого-либо] открывать среди ночи дверь станет проблемой', *phir is rūpavatī kāmīnī kā ihvē ghr̥tā kartā koñ āścarya kī bāt na thī* (P, N, 73) 'И не было ничего удивительного в том, что эта красавица питала к нему отвращение'⁴⁰.

Глаголы в функции связки

Использование в качестве связки свойственно в большей мере также глаголу *rahñā* 'оставаться', 'сохраняться', 'пребывать'. Выступая как связка бытия, он (в отличие от глагола-связки *hotā*) привносит в значение сказуемого такой семантический оттенок, как сохранение признака или длительное пребывание в определенном состоянии, причем

⁴⁰ Вопросу о согласовании связочного глагола с предикативом уделил значительное внимание Кишоридас Ваджпейи [137, с.362–366]. На нем же останавливается В.А.Чернышев [77, с.57–58]. См. также [98, с.447].

такое его функционирование распространяется и на его перфективные формы, включая перфективные формы комплективного образования (*rah cuknā*). Присвязочный же член сказуемого бывает обычно представлен прилагательным, простым перфективным причастием (от непереходного глагола – согласуемым, от переходного глагола – в нейтральной форме на *-e*), наречием, существительным, например: *tmassil ke skūlō mē jagah akṣar khālī rahī thī* (P, N, 81) 'В загородных школах место оставалось часто свободным', *vah din bhar unhī vicārō mē qūbā rahā* (P, N, 103) 'Целый день он был погружен (букв. оставался/пребывал погрузившийся) в эти думы', *larkā śarmā kar dīth kar mūh jhukāyerahā* (Y, DB, 180) 'Мальчик из-за смущения и стеснения не поднял головы (букв. остался/оставался наклонившим/наклонивши лицо)', *pahle to vah mujh se dūt rahā ...* (KC, G, 149) 'Сначала он держался поодаль от меня...', *mātī jīvan bhar bhūkh kā śikār rahā hī ...* (KC, G, 70) 'Я всю свою жизнь являюсь жертвой голода...', *Karīmuddīn militār mē ardaly rah cukā thā ...* (PL, 97) 'В армии Каримуддин отслужил вестовым...'.

Однако в своей предельной форме, которая в инфинитиве имеет вид *rah jānā*, глагол *rahā* проявляет себя как связка становления, указывающая на устойчивый характер приобретаемого признака, обозначенного присвязочной частью сказуемого: *larkā cip rah gayā* (JK, S, 104) 'Мальчик замолчал (букв. безмолвным [став], остался)', ...*Nirmala akele baīthī rah gaī* (P, N, 28) '...Нирмала осталась сидеть одна', *vah kāthmārī-sī jaḥā kī tāhā kharī rah gaī* (U, SK, 24) 'Она встала (букв. стоящей [став], осталась) как вкопанная', *ab ronā hī ek kām rah gayā* (P, N, 204) 'Теперь ей оставалось только плакать' (букв. 'Теперь лишь плач занятием остался').

В качестве связочных используется еще целый ряд глаголов, а именно:

1) *bannā* 'делаться', 'становиться', выступающий как типичная связка становления, – *ab āp dūlhan banēgt!* (P, N, 28) 'Теперь вы станете невестой!', *uskti yah apirat chavi unke hrday kā bīl ban gaī* (P, N, 73) 'Эта ее бесподобная красота обернулась для его сердца болью';

2) *nikalnā* 'оказываться' – *yah larkā to barā śaitān niklā* (P, N, 149) 'Этот мальчик оказался сущим дьяволом', *merā vicār vassā niklā* (S, TY, 187) 'Мое мнение оказалось верным';

3) *parnā* 'становиться' – *śivirvālī jhōpriyā sūnti parīt thī* ... (N, D, 167) 'Лагерные лачуги обезлюдили (букв. стали безлюдными)...'⁴¹, ...*dītre-dītre bālikā kā nām Ranjū hī parīt gayā* (AP, D, 9) '... постепенно за девочкой так и закрепилось имя Ранджу' (букв. '... постепенно имя девочки именно Ранджу и стало');

⁴¹ Прилагательное, сочетающееся с *parīt* как связкой становления, обычно обозначает негативное свойство как результат "падения" или "упадка" (ср. значение глагола *parīt* при его употреблении в качестве полнозначного глагола – "падать").

4) *ānā* 'становиться' – ... *purānt̄ ūervāniyā̄ iske ūarīr par bahut ḍhīlī ātī thī* (MR, A, 27) '...старые шервани становились теперь для него (букв. на его теле) слишком просторными', *māi is zindagī se bezār ā cikā hī* (MR, A, 221) 'Я уже устал (букв. усталым уже стал) от этой жизни';

5) *ṭhaharnā* 'проявлять себя (в чьем-то мнении)', 'прослыть', 'оказываться' – *māi to tumhārī dūshān ṭhaharī* ... (P, N, 179) 'Я, выходит, твой враг...', *lekin ye to parle dar-je ke behayā̄ ṭhahare* (N, BB, 14–15) 'Однако они [судя по всему] оказались отъявленными негодяями' ;

6) *lagñā* 'казаться', 'восприниматься', 'доводиться' (о родстве) – *Kumārī rūpvatī thī aur dekhne mē pyārī lagtī thī* (AP, D, 47) 'Кумари была красавица и выглядела (букв. на вид казалась) очень милой', ... *merī bātē zahar lagtī hāi* ... (P, N, 63) '...мои слова кажутся тебе неприятными (букв. ядом) ...', *vah merā bhāi lagtā hāi* 'Он мне доводится братом' ;

7) *dikhnā* (*dīkhnā*) 'казаться', 'выглядеть' – *vah khūb tagrā aur bātī dikhta hāi* (U, SK, 15) 'Он выглядит крепким и сильным', *nīkbandeh āj māi sansār kā sundartam gadhā dīkh ra-hā thā* (KC, G, 96) 'Теперь я вне всякого сомнения выглядел как самый красивый в мире осел' ;

8) *jācpā* (*jacpā*) 'казаться', 'представляться' – *Nasīruddīn ko yah salāh bahut mākāll jācī* (AN, S, 311) 'Насируддину этот совет представился вполне подходящим', *yah vesc-chā cāritā Rājārām ko icit na jācī* (Y, Dd, 79) 'Это своеование не показалось Раджараму уместным' ;

9) *guzarnā* 'представляться', 'казаться' – *is vatau inkā ānā tujhē bahut nāguvār guzarnā* (S, TY, 25) 'Теперь его визит показался мне совсем неуместным' ;

10) *kahlānā* 'называться', 'зваться' – *uddeśya-rahit kriyā-pad bhānavāya kahlātā hāi* (HV, 183) 'Финитный глагол, лишенный подлежащего, называется безличным залогом' .

Дополнительные сведения о глагольно-связочных предложениях

Важными для характеристики глагольно-связочных предложений представляются следующие положения.

1. Наблюдаются случаи, переходные между употреблением того или иного глагола как глагола полнозначного и его употреблением как связки, что ниже иллюстрируется примерами с *rahnā* и *parnā*: ... *vah bahut dukhī rahtā thā* (AY-2, 45) '...он жил/оставался в печали (букв. печальный)', *mālakin to abhī tak behos parī hāi* (Sa, K, 38) 'Хозяйка все еще лежит/находится в обмороке (букв. потерявшая сознание)'. Переходный случай в использовании *honā* демонстрируют, кстати сказать, некоторые из глагольно-связочных предложений, отличающихся локальной детерминацией (см. прим. 36, с.46).

2. В качестве синонимов глагола *dikhnā* (*dīkhnā*) и отчасти глагола *lagñā* 'быть приложенным' в связочной функции выступают:

а) сложное глагольное образование *jān parnā* 'чувствовать', 'ощущаться' ('казаться', 'представляться') – *yah jēvan ab inhē vyartha-vā jān parnā thā* (P, N, 124) 'Эта жизнь казалась ему теперь бессмысленной';

б) имеющее статус сложного глагола сочетание *di-khat* (*dikhlat*) *denā* 'показываться', 'появляться' (>'казаться', 'выглядеть') – *vah mijhē bahut hē bundar aur vībēl dik-hat detī thī* (G, DR, 78) 'Она казалась мне чрезвычайно красивой и доброй';

в) имеющее статус сложного глагола сочетание *na-zar ḍnā* 'показываться', 'виднеться' (>'представляться', 'казаться') – *śāyad māi inhē bilkul tāmīlē gadhā na-zar āyā hoīgā* (KC, G, 65) 'Я, наверное, показался им самым обычным ослом';

г) сочетание *pratīt honā* 'быть очевидным' (>'казаться', 'представляться') – *in rātō ko mijhē apnī kothrī kā vātāvaraṇ aur bhīrukā huā aur idās pratīt hotā thā* (MR, A, 124) 'В те ночи атмосфера моей комнаты представлялась мне еще более застойной и унылой';

д) сочетание *tālūm honā* 'быть известным' (>'казаться', 'представляться') – *ghore kī cāl inhē itnī mand kabhī na tālūm huīt thī* (P, N, 114) 'Еще никогда бег лошади не казался ему таким медленным';

е) сочетание *tālūm denā* (*tālūm parnā*) 'казаться', 'представляться', 'выглядеть' – *gore rang kī, majhole kad kī vāh kīt bhale gharāne kī mahilā tālūm detī thī* (BC, C, 99) 'Светлокожая, среднего роста, она выглядела женщиной из знатного рода'.

3. Функцию связки, близкой по значению употребляющейся в качестве связочного глаголу *nīkalnā* или *ṭhaharnā*, берет на себя сочетание *siddha honā* или *vābit honā* 'быть доказанным', 'быть установленным' (>'оказываться'): *in mē ve keval 15 cikitsā ke dr̥ṣṭikon ve ipraugōt siddha hue* (VL, 1960, IV, 38) 'Из них только 15 [видов антибиотиков] оказались полезными с точки зрения медицины', *parantu bād mē yah apītān galat vābit huā* (VL, 1961, II, 30) 'Но впоследствии эта гипотеза оказалась ложной'.

4. В составе таких сочетаний, взявших на себя функцию связок, как *pratīt honā*, *tālūm honā*, *siddha honā*, *vābit honā*, их первый компонент играет роль модификатора связки *honā*, осложняя ее добавочным смысловым оттенком.

5. Устойчивый характер сочетаемости того или иного присвязочного члена сказуемого с определенным глаголом-связкой служит фактором, действующим тому, чтобы все сочетания воспринималось в плане содержания как эквивалент глагола, например: *taujñā honā* 'наличествовать', *jā-rī rahñā* 'продолжаться', *bītār parnā* 'заболевать', *acchā lagñā* 'нравиться', *pāgnīñār gīgātā* 'не нравиться', *tang ḍnā*

'печалиться', 'уставать' и др.⁴² Однако основанием для отнесения сочетаний такого состава к разряду сложных глаголов могла бы служить невозможность появления слова, занимающего место их первого компонента, в составе атрибутивного или аппозитивного словосочетания, как это имеет место, по-видимому, с *ra^vand hon̄d* или *ra^vand ãpā* 'нравиться': *tu^jhe apn̄d var pasand h̄ai?* (P, N, 140) 'Тебе нравится твой жених?', *mistar Khannā k̄l n̄ti tu^jhe ba^hut pasand ãȳt* (P, G, 241) 'Политика господина Кханны мне очень понравилась' (см. грамматическую неотмеченность сочетаний **ra^vand var*, **pasand n̄ti*).

6. Семантическими особенностями сказуемого, проявляющимися в валентных свойствах присвязочного члена, обуславливается вхождение в структурную основу глагольно-связочных предложений на правах их компонента, находящегося за пределами структурно-грамматического каркаса, следующих единиц:

а) имени (или местоимения) с коммуникативно-функциональным значением реципиента (*N^r-ko*) – *Nirmalā ko la^kko kā catorāpan acchā na lagtā thā* (P, N, 61) 'Нирмале не нравилась расточительность мальчиков', *santān kis ko ryār̄t na^{h̄i} hot̄?* (P, N, 58) 'Кому не дороги его собственные дети?', ... *tumhē j̄t̄van k̄t̄ samasta suvidhāē prāpta hōḡt* (KC, G, 123) '... тебе будут доступны все жизненные блага';

б) слова (существительного, герундиального инфинитива, местоимения), распространяющего выступающее в качестве присвязочного члена синтаксически относительное прилагательное, – *mere pitā upanyāsō ke ba^hut īaukt̄n h̄ai* (S, TY, 76) 'Мой отец – страстный любитель романов', *māi apn̄d khūn dene ko taiyār̄ h̄ū* (P, N, 123) 'Я готова отдать свою кровь', *har kisān bandobast ke kāgar par angūt̄hā lagānē ke lie bādhya thā* (AN, S, 150) 'Каждый крестьянин был обязан приложить палец к документу о землепользовании';

в) имени (местоимения) в синтаксической функции агентивного дополнения – *rapo^bayatō ke ranc janatā dvārā nirvācit hōge ...* (G, DR, 195) 'Члены советов будут избраны народом...', *māi āścarya aur autsukya se abhibhūt ho gayā* (HD, B, 189) 'Мной овладели изумление и любопытство'.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТНОЙ И ОБЪЕКТНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ С ОСЛОЖНЕННЫМ ПРЕДИКАТИВНЫМ ЦЕНТРОМ

Как собственно глагольные предложения (с финитным глаголом активного залога), так и глагольно-связочные предложения (как правило, те из них, в которых фиксируется результативное состояние) могут служить базой таких предложений, в которых предикативный центр оказывается

⁴² К данному перечню можно, пожалуй, добавить и *khālīt jānā* 'оставаться непораженной (о цели)': *niśānā khālīt gayā* (P, G, 77) 'Случился промах'.

ется осложненным в результате появления (включения в группу сказуемого) квалификативно-предикативного члена⁴³.

В первом случае налицо совмещение черт собственно глагольных предложений и глагольно-связочных предложений, проявляющееся в том, что квалификативно-предикативный член раскрывает признак субъекта действия и в этом смысле играет роль своеобразного предикатива при полнозначном глаголе, обозначающем данное действие: *māī* ... *āp ke deś mē bhūkhā mar rahā hāī* (Aj, A, 117) 'Я... в вашей стране умираю от голода (букв. голодный/голодным)', *tū bādēh kē vātme nāngā bhāgā jā rahā hai* 'Ты же голый бежишь перед падиахом' [77, с.81], *māī daftar se bahut thakā huā āyā thā* (MR, A, 318) 'Я пришел из конторы очень усталый', *kahār to āj dhūdhe naīt milte* (P, N, 50) 'Слуг нынче днем с огнем не сыскать' (букв. 'Слуги нынче найденные/найденными не встречаются'), *hiranō kā ek jhund cartā huā nāgar āyā* (P, G, 77) 'Показалось стадо пасущихся антилоп' (букв. 'Антилоп одно стадо пасущееся/пасущимся появилось'), *kātne mē āp akelī sotī hāī?* (JK, K, 85) 'Вы спите в комнате одна?'.

Во втором случае наблюдается вторичная детерминация субъекта-детермината, дополняющая информацию о данном субъекте, содержащуюся в предикативе: *magar panḍitjī bidā hone ko taiyār baīthe the* (P, N, 52) 'Но пандит сидел (букв. севший/севшим был) готовым откланяться', *cauṭī or, dīvār kī chāyā tē, ek sahīr zatīn mē garā huā kharā thā* (Aj, A, 101) 'С четвертой стороны в тени, отбрасываемой стеной, был (букв. стоящий/стоящим был) воткнут в землю шест', *yuvak cauṭī par ghūtne samete hue baīthā thā* (Aj, A, 126) 'Юноша сидел (букв. севший/севшим был) с сомкнутыми коленями на табурете', *uske sīrhāne ke pās ek khulī hūī rūstak ulītī rakhi thī ...* (PL, 136) 'У ее изголовья лежала (букв. положенная/положенной была) обложкой кверху раскрытая книга...'.

В обоих случаях квалификативно-предикативный член содержит характеристику субъекта (в одном случае субъекта действия, в другом – субъекта-детермината) и, таким образом, занимает в предикативном центре при сказуемом место субъекто-квалифицирующего компонента. Поэтому те предложения, в которых он выступает, могут быть интерпретированы как *предложения субъектной квалификации*.

В языке хинди бытуют предложения, в которых с именем прямого объекта (или его субститутом) связывается квалификативным отношением слово, обязанное своим появлением валентности глагола как представителя определенно-го круга глаголов⁴⁴.

⁴³ Ср. термин "квалитативно-предикативный член" и соответствующее понятие, выработанное на материале языка панджаби [59, с.421–425].

⁴⁴ По сути дела, это те глаголы, которые В.А.Чернышевым трактуются как способные выступать в качестве глаголов неполной предicationи переходные глаголы [77, с.83–87]. В монографии О.Г.Ульцифе-

Слово, наделенное функцией квалифицировать то, что выражено именем прямого объекта (или его субститутом), можно с полным правом считать особым комплементом глагола (членом окружения глагола, обусловленным валентностью последнего), а именно *объектно-квалифицирующим* (или просто – *квалифицирующим*) комплементом, который, однако, на уровне предложеческих связей слов выступает, проявляя черты предикатива глагольно-связочных предложений, как *квалификативно-предикативный член*, подводимый под лингвистическое понятие *объектно-предикативного члена*.

Расхождения между учеными в связи с трактовкой той грамматической единицы, которая у нас названа *объектно-квалифицирующим комплементом*, отмечаются О.Г.Ульциферовым [67, с.83–84]. Сам Ульциферов предпочитает термин "квалифицирующий расширитель (комплемент)" [67, с.80] и использует его для обозначения компонента не только при глаголах, "обладающих в определенных лексико-синтаксических позициях информативной недостаточностью" [67, с.80], но также и при "некоторых глаголах, не отличающихся информативной недостаточностью" [67, с.81], т.е. для обозначения и такого компонента, устранение которого из предложения ведет к нарушению грамматической правильности последнего или (если считаться с возможностью признать предложение грамматически правильным) к иному истолкованию семантики глагола, и такого компонента, устранение которого из предложения не нарушает грамматической правильности последнего, а сказывается только на объеме передаваемой информации. Ср., с одной стороны, *Surajnā ne arpe ko nirdos batlāyā* 'Сураджна назвал себя невиновным' [67, с.86] и *tāl ār ko tāgā huā satajhtā thā* 'Я считал вас погибшим' [67, с.82] и, с другой стороны, *tāl ne iinhē kabhī dukhī naht̄ dekhā* 'Я никогда не видел ее печальной' [67, с.86] с учетом того, что, во-первых, *Surajnā ne arpe ko batlāyā* характеризуется грамматической неправильностью (ср. *'Сураджна провозгласил себя' или *'Сураджна сообщил себе'), во-вторых, что *tāl ār ko satajhtā thā* может быть грамматически правильным только в смысле "Я вас понимал" (ср. *'Я считал вас'), в-третьих, что *tāl ne iinhē kabhī naht̄ dekhā* безоговорочно принадлежит к грамматически правильным предложениям, передавая смысл "Я никогда не видел ее".

Объектно-квалифицирующий (или просто – *квалифицирующий*) комплемент, взятый в нашем понимании, наличествует только в первых двух из приведенных предложений (это слова *nirdos* и *tāgā huā*, а отнюдь не *dukhī* третьего предложения). Учитывая же ту возможность появления квалифицирующего компонента, которую демонстрирует третья из предложений, мы считаем целесообразным разграничивать *объекто-ква-*

рова они были названы посредством переходными и были охарактеризованы как требующие "для раскрытия своего действия двух объектов – прямого, указывающего на объект действия, и квалифицирующего, являющегося объектно-предикативным членом" [66, с.47]. Камтапрасад Гуру и Дуничанд пользуются термином "неполнопереходные глаголы" *apūkṛta vakarmak kriyāśe* [98, с.127; 95, с.118].

лифицирующий (или просто – квалифицирующий) комплемент и объекто-квалифицирующее (или просто – квалифицирующее) расширение (расширителем) как две основные разновидности того, что на предложеческом уровне предстает в качестве квалификативно-предикативного члена, с которым соотносимо понятие объектно-предикативного (в отличие от субъектно-предикативного) члена, выработанное для языко-знания преимущественно в англистике [11, с.81–82 ; 12, с.375–383; 29, с.281–282; 58, с.251–252].

Таким образом, наш объекто-квалифицирующий комплемент соответствует "предикативному определению" В.А.Чернышева, но только такому, которое выступает при переходных "глаголах неполной предicationи" [77, с.83–87], а также (с глаголами этого же круга) "именночному члену" (*nāmik ang*) "составного глагольно-именного сказуемого второго вида" (*dvitīya prakār kā sanyukta kriyā-nāmikvidhey*) З.М.Дымшица [92, с.61; 25, с.116–117], "комплементу" (*vidhey-pūrak*) Дуничанда [95, с.265, 267–268, 272–273, 275–276], "объектному восполнителю" (*karma-pūrtti*) или просто "восполнителю" (*pūrtti*) Камтапрасада Туру [98, с.515, 523]. В связи с этим интересно также отметить, что у индийских лингвистов термин "комплемент" (*vidhey-pūrak*), или "восполнитель" (*pūrtti*), служит и для обозначения присвязочного члена (предикатива) сказуемого.

Принцип, положенный нами в основу разграничения объекто-квалифицирующего комплемента и объекто-квалифицирующего расширения, отнюдь не ставит под сомнение возможность существования переходных случаев.

Круг глаголов, сочетающихся с объекто-квалифицирующим комплементом, уже с достаточной полнотой выявлен в опубликованных исследованиях по хинди [77, с.83–87 ; 67, с.80]. В него входят, в частности, такие глаголы, как:

- 1) *karnā* 'делать (что-то)' ~ 'делать(кем-то, чем-то, каким-то)'⁴⁵ ; 2) *kahnā* 'говорить' ~ 'называть (кем-то, каким-то)' ; 3) *ginnā* 'считать', 'высчитывать' ~ 'считать (кем-то, чем-то, каким-то)' ; 4) *cippā* 'собирать', 'выбирать', 'отбирать' ~ 'избирать (кем-то, в качестве кого-то)' ; 5) *jāppā* 'знать' ~ 'считать', 'признавать (каким-то, кем-то, чем-то)' ; 6) *ṭhahṛtā* 'устанавливать' ~ 'определять', 'квалифицировать', 'признавать' ; 7) *rāpā* 'получать' ~ 'заставлять, обнаруживать (каким-то, в качестве кого-то)' ; 8) *rikārnā* 'кричать', 'звать' ~ 'называть', 'величать' (как синоним глагола *kahnā*) ; 9) *batānā* (*batlānā*) 'говорить', 'сообщать', 'объяснять' ~ 'называть, объявлять (кем-то, чем-то, каким-то)' ; 10) *badhā* 'устанавливать', '[пред]определять', 'держать пари' ~ 'предлагать, выдвигать, прочитать (в качестве кого-то)' ; 11) *banānā* 'делать', 'создавать', 'строить' ~ 'делать (каким-то, чем-то, кем-то)' ; 12) *bolnā* 'говорить', ~ 'называть', 'величать', 'кликать' (как синоним глагола *kahnā*) ; 13) *tāppā* 'признавать', 'уважать',

⁴⁵ Здесь и ниже перевод глагола, приводимый после знака "тильда" (~), увязан со значением, которое приобретается глаголом в случае его сочетания с объекто-квалифицирующим комплементом.

'почитать' ~ 'считать', 'почитать (в качестве кого-то, чего-то, какого-то)'; 14) *rakñā* 'ставить', 'класть', 'хранить' ~ 'содержать (в качестве кого-то)', 'принимать на службу (в качестве кого-то)', 'сохранять (каким-то)'; 15) *vatajñā* 'понимать', 'разуметь' ~ 'считать (кем-то, чем-то, каким-то)', 'принимать (за кого-то, что-то, какого-то)'.

К данному перечню простых глаголов примыкают сложные глаголы *svīkār karmā* 'признавать', 'принимать', *apubhav karmā* 'чувствовать себя (каким-то, кем-то)', *karār denā* 'устанавливать', 'решать' ~ 'принимать', 'допускать', 'считать', а также глагольно-именные сочетания, трактуемые О.Г.Ульциферовым как глагольные монолиты [67, с.89], типа *svīkṛt karmā* 'признавать', 'принимать', *tañvīs karmā* 'чувствовать себя (каким-то, кем-то)', *ghosit karmā* 'объявлять', 'провозглашать', *prasiddha karmā* 'объявлять', 'возвещать', *siddha karmā* 'изображать', 'квалифицировать', *niyat karmā* 'утверждать', 'назначать', *niyukta karmā* 'назначать', *nirvācīt karmā* 'избирать', первый компонент которых именно под воздействием объекто-квалифицирующего комплемента низводится до положения модификатора глагола *karmā*⁴⁶.

Объекто-квалифицирующий комплемент может входить в качестве единицы структурной основы в предложения, реализующие любую из тех пяти конструкций, которым свойственно воплощать структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений, а именно:

(а) активно-субъектную конструкцию — *donō mistar Gāulz ko atyanta sundar samajhtī thī* (KC, G, 106) 'Обе [они] считали мистера Гоулса чрезвычайно красивым', ... [āp] *tikat kā dām vāi rupayā rakhte hāi* (KC, G, 165) '... [Вы] берете сто рупий за билет' (букв. '...цену билета сто рупий устанавливаете');

(б) активно-объектную конструкцию — *kārtīdor mē pāhūckar Vinod ne apīt cāl dhīmī kar dī* (Sa, K, 116) 'Войдя в коридор, Винод замедлил шаг (букв. ... свой ход медленным сделал)', *musalmanō ne phir sampūrṇa deś kā nām "hind" rakh liyā* (KDV, 9) 'Мусульмане снова назвали всю страну "Хинд"' (букв. ...имя страны "Хинд" положили);

(в) активно-нейтральную конструкцию — *Surajnā ne apre ko nirdos batlāyā* (JK, S, 17) 'Сураджна назвал себя невиновным', ... *inħō ne biqħiyyā ko acet naħi, marā huā rāyā* (VV, M, 61) '... они застали старуху не потерявшей сознание, а уже мертвый';

⁴⁶ Воздействие объекто-квалифицирующего комплемента на семантику глагола становится весьма оптимистичным в случаях окказионального употребления последнего. См., например: *Harirāy jī ne Surdās ko "sagħiġ batāibe tē satur" likħā hai* (PNT, 55) 'Харирай охарактеризовал Сурдаса как [мудреца] "искусного в толковании предзнаменований"', где *likħnā* выступает не просто в значении "писать", а приобретает смысл "характеризовать письменно", "описывать".

(г) инактивно-объектную конструкцию — *is vijñāpti mē* *Gandhi jī kī avasthā bahut cintājanak batāt gaṭ thī* (Y, DB, 208) 'В этом заявлении состояние Ганди было названо вызывающим серьезные опасения', *rasāv-vaṭh rupaye kātānevālā tatiṣya rājā satyā jātā thā* (S, TY, 158) 'Человек, зарабатывавший пятьдесят-шестьдесят рупий, считался уже настоящим богачом (букв. раджей)';

(д) инактивно-нейтральную конструкцию — ... *is deś ke rāhnevalō ko bhāratīya hī kāhā jātā thā* (G, DR, 33) '... жителей этой страны индийцами называли', *āj iske main rāhne par isve aparādhinī thāhrāyā jā rāhā hai* (P, N, 193) 'Теперь из-за того, что она хранила молчание, ее признают виновной'.

В предложениях, реализующих три первые конструкции, комплемент входит в состав группы сказуемого вместе с именем прямого объекта действия. В предложениях, реализующих инактивно-объектную конструкцию, он включается в группу сказуемого, соотнесенного на синтагматической оси с подлежащим — именем объекта действия. В предложениях, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию, он, как и имя прямого объекта, входит в группу единого главного члена, представленного финитным глаголом.

При всем многообразии способов выражения объекто-квалифицирующего комплемента⁴⁷, который в консистативно-нейтральных предложениях непосредственно предшествует глаголу, наиболее типичны и представительны с точки зрения отражения специфики рассматриваемого явления те случаи, когда объекто-квалифицирующий комплемент бывает представлен именем существительным в форме прямого падежа, прилагательным, причастием.

Объекто-квалифицирующий комплемент, представленный словом, имеющим адъективную парадигму словоизменения, согласуется с именем прямого объекта при условии, если это имя выступает в форме прямого падежа: *ālasī aur kāyar tatiṣya arpe kartavya ee arpit jāt adhik rūgī samajhte hāī* 'Ленивые и трусливые считают свою жизнь дороже своего долга' [77, с.88-89], *kārīdor mē rāhīskar Vinod ne arpit cāl dhīmī kar dī* (Sa, K, 116) 'Войдя в коридор, Винод замедлил шаг', *inhē cot khāsī āī batāte hāī* (JK, K, 57) 'Сообщают, что она сильно ушиблась' (букв. 'Ей удар хороший приведшимся сообщают'), ...*vah sāvat 1561 (san 1504) kī likhī kāhī gayī hai* (PNT, 43) '...он (экземпляр книги. — В.Л.) датируется (букв. объявлен написанным) 1561 годом эры Викрамадиты (1504 годом)':

⁴⁷ По данному вопросу см., в частности, работу О.Г.Ульцифера-ва [67, с.81-88], где отмечается встречаемость того или иного способа выражения комплемента с тем или иным глаголом. В принципе же можно ожидать, что объекто-квалифицирующему комплементу не противопоказан ни один из тех способов выражения, которыми характеризуется присвязочный член (предикатив) глагольно-связочных предложений.

Если же имя прямого объекта выступает в форме косвенного падежа с послелогом *ko* или, что может касаться только местоимений, в форме объектного падежа, то в оформлении объекто-квалифицирующего комплемента, представленного словом, имеющим адъективную парадигму, открываются три возможности:

1) комплемент принимает нейтральную форму на *-ə - tārī* *ke nāše tē ādm̄i motar-gārī ko bhī sastā samajhṭā hai* 'Напившись тари, человек даже автомашину считает дешевой' [77, с.89], [*Nirmalā*] *unke baccō ko arpā samjhēgī* (P, N, 58) '[Нирмала] его детей будет считать своими', ...*inħō ne bixhiyā ko acet naħiż, magħi huā rāyā* (VV, M, 61) '...они застали старуху не потерявшей сознание, а уже мертвой', ...*tātlo is-ko nagar ke dvār par khaġaq kar diyā għayā hai* ... (P, G, 358) '... словно его выставили [напоказ] у городских ворот...';

2) комплемент принимает форму, согласуемую в роде (практически женском) с именем прямого объекта, — *tātī ne iż-że jangal tē nanħiż-siżi phēkī huī rāyā thā* (U, SA, 109) 'Я нашел ее, крошку, брошенной в лесу [на произвол судьбы]', *tiġħie badlī samajhṭā hai?* 'Меня [ты] изменившейся считаешь?' [67, с.84] (в целом данная возможность для причастий более характерна, чем для прилагательных);

3) комплемент принимает нейтральную форму на *-e* (показательны примеры с глаголом *rānā*) — *tātī ne ek ... strī ko vahħi khaġaq rāyā* [124, с.380] 'Я застал там стоявшей одну ... женщину', *logħo ne šahraddi ko pälne tē āgħidha cūste hue rāyā* 'Люди нашли маленького шаха, сосущего палец в колыбели' [67, с.87]. Сюда же, пожалуй, надлежит отнести и следующий случай с той, однако, оговоркой, что выступающее в качестве подлежащего имя наделено семантическим признаком субъекта действия, выраженного глаголом в форме причастия: ...*lekin koi sakti iż-że roke rakħtī hai* (PL, 94) '... но какая-то сила ее удерживает (букв. держит [хранит остановленной] остановивши)!

Для предложений с финитным глаголом активного залога, в которых объекто-квалифицирующий комплемент бывает представлен именем существительным в форме прямого падежа, типичен контраст на синтагматической оси между этой формой и формой косвенного падежа с послелогом *ko* или, что может касаться местоимений, объектного падежа, выделяющей имя прямого объекта: ...*mere bagħże ko svarga kaħte hāi* (Nn, 1975, XI, 123) '... мой сад называется парем', ...*parantu is-samay log itnej għiraue ko ek bhār t rakam samajhthe the* (S, TY, 159) '... но в то время столько денег люди считали крупной суммой', *iħdar Milti ne arpne bāg kie lie Gobar ko mālī rakħ liyā thā* (P, G, 336) 'Малти же для своего сада взяла к себе Гобара садовником', *vah ant tak tiġi he arpā bhār t mānta rahā* (HD, B, 43) 'Он до самого конца продолжал считать меня своим братом'. Данный контраст проявляется в предложениях, реализующих активно-субъектную и активно-нейтральную конструкции. С активно-объектной конструкцией он несовместим.

Следует, однако, принять во внимание, что данным контрастом, как показывает помещенный ниже пример, не исключается полностью возможность согласования финитного глагола в перфективной форме с именем – объекто-квалифицирующим комплементом: *parantu vēṣan kōṛt ne iṣko kāfī vajah naḥī ṣāpī ...* (G, DR, 304) '... но сессионный суд не счел это достаточным основанием...'. Так, на месте предложения, которое реализовало бы активно-нейтральную конструкцию, возникает предложение, реализующее конструкцию, которую можно условно назвать *активно-комплементной*.

При отсутствии указанного контраста, связанном с одинаковым оформлением обоих имен, а именно с их постановкой в форме прямого падежа, следует различать два случая:

1) имя, непосредственно предшествующее глаголу, предстает в качестве объекто-квалифицирующего комплемента – *tum ne ḡatīn sonā banā diyā ...* (P, M-7, 207)⁴⁸ 'Ты сделал землю золотом ...', причем факт согласования финитного глагола с этим именем (см. *əṇpā* 'золото' – существительное мужского рода, тогда как *ḡatīn* 'земля' относится к существительным женского рода) служит основанием считать соответствующее предложение реализующим активно-комплементную конструкцию (см. выше), в общем-то языку хинди не свойственную;

2) соответствующее имя является именем объекта, но таким, расположение которого непосредственно перед глаголом служит его логическому выделению, нарушающему конситуативную нейтральность предложения, – *Pākistān ne apnī rāṣṭrabhaṣā urdū ghosit kar dī ...* (KDV, 95) 'Своим национальным языком Пакистан провозгласил урду ...'⁴⁹ [ср. ...prāṇtīya sarkār ne hindī ko prāṇt kī rājbhāṣā ... ghosit kar diyā (KDV, 97) '...провинциальное правительство провозгласило хинди официальным языком провинции...'].

Эти две возможности находят соответствие в предложениях с финитным глаголом инактивного залога, что иллюстрируется следующими предложениями:

1) *yuktaprāṇt kī sārkārī bhāṣā hindī aur lipi nāgarī ghosit honā ek krānti samjhī gat thī ...* (KDV, 101) 'Провозглашение официальным языком Соединенных провинций [языка] хинди и письмом [письма] нагари было воспринято как революция...', где факт согласования финитного глагола с объекто-квалифицирующим комплементом (см. *krānti* 'революция' – существительное женского рода) говорит о том,

⁴⁸ См. аналогичный пример, извлеченный из того же текста О.Г. Ульциферовым [66, с.214; 67, с.81].

⁴⁹ Не исключен и другой путь трактовки именных членов таких предложений. Он заключается в том, чтобы логическое выделение имени (в приведенном примере *urdū*) в предглагольной позиции принимать за признак, которым конституируется объекто-квалифицирующий комплемент.

что соответствующее предложение реализует конструкцию, которую можно условно назвать *инактивно-комплémentной*⁵⁰;

2) *yuktaprānt mē bīlō aur kāpūnō kī tūlbhāqā hindī kar dī gaī hai ...* (KDV, 165) 'В Соединенных провинциях основным языком законопроектов и законов сделан хинди...'.

Своеобразие объекто-квалифицирующего комплемента состоит в том, что он, будучи в окружении глагола одним из членов, обязанных своим появлением глагольной валентности, не является компонентом сказуемого или (в случае инактивно-нейтральной конструкции) единого главного члена, но в качестве выразителя квалификативного отношения принадлежит предикативному центру, объединяясь в рамках последнего с финитным глаголом.

Однако к предложениям, в которых предикативный центр не сводим к сказуемому или единому главному члену, должны быть отнесены и такие предложения, в которых в качестве квалификативно-предикативного члена выступает единица, не являющаяся релевантной для обеспечения завершенности синтаксической конструкции, т.е. объекто-квалифицирующее расширение (см. с.56): *is ne Rājkumārī ko bahut prasanna dekhā* (AP, D, 117) 'Он увидел Раджкумари очень довольной', *Dukhmoan ne Nityabābī ko abhī usī tarah sotā chor diyā* (N, D, 133) 'Дукхмочан оставил Нитьябабу все еще так же спящим', *yahā par māi ne bahut-se logō ko bher kī khāl ke bālō ke karṛe pahne hue dekhā hai* (KC, G, 15) 'Здесь я увидел многих людей носящими одежду из овечьей шерсти', *uphō ne ek šakhs ko corī karte rakṛā hai* [123, с.79] 'Они поймали одного человека, когда он совершил кражу'.

Таким образом, объекто-квалифицирующий комплемент и объекто-квалифицирующее расширение осложняют предикативный центр предложений, которые можно назвать *предложениями объектной квалификации* в отличие от предложений субъектной квалификации, упомянутых выше.

⁵⁰ По своему строению такие предложения напоминают глагольно-связочные предложения, в которых связка согласуется с присвязочным членом, или предикативом (см. с.49).

Глава II

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С АСПЕКТУАЛЬНО И МОДАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННЫМИ ПРЕДИКАТИВНЫМИ ЦЕНТРАМИ

Осложнение предикативного центра бывает связанным с передачей аспектуальных и модальных значений. Оно проявляется в сочетании одной из нефинитных форм или основы глагола, несущего основную нагрузку по приписыванию признака референту именного компонента предложения, с финитной формой глаголов или глагольно-именных сочетаний — маркеров аспектуального и/или модального значения.

Та часть осложненного предикативного центра, которая представляет собой или включает инфинитив или же деепричастие либо основу глагола, семантически и по числу своих компонентов соотносится:

(а) со сказуемым собственно глагольных предложений — *tab se māī ne jhūle-hīdole par baiṭhnā hī chor̥ diyā* (B, D, 153) 'С тех пор садиться на качели я перестала' (ср. *māī jhūle-hīdole par baiṭhtī hū* 'Я сажусь на качели'), *donō botal kholkar śarāb pīne lage* (UB, S, 128) 'Открыв бутылку, оба принялись пить вино' (ср. *donō śarāb pī rahe the* 'Оба пили вино'), *lekin Jāttā bāī ek bhī bāt na kah sakī* (NK, 1961, VIII, 25) 'Но Джамна-бай не смогла вымолвить ни единого слова' (ср. *Jāttā bāī ne ek bāt kahī* 'Джамна-бай вымолвила слово');

(б) со сказуемым глагольно-связочных предложений — *ab māī ne lajjit honā chor̥ diyā thā ...* (KC, G, 98) '... теперь я перестал смущаться (букв. быть смущенный/смущенным)...' (ср. *māī lajjit thā* 'Я был смущен'), *mere bāl kanpaṭībō ke pās se safed hone lage the ...* (MR, A, 11–12) 'Мои волосы уже начали седеть (букв. быть белые/белыми) от висков...' (ср. *mere bāl safed hue the* 'Мои волосы уже поседели'), *svayam Dhaniyā anek bār prayatna kar bhī is kārya mē saphal na ho pāī thī* (AN, S, 374) 'Сама Дхания не сумела преуспеть в этом деле, несмотря на все свои неоднократные попытки' (ср. *Dhaniyā saphal huī thī* букв. 'Дхания преуспевшей стала');

(в) с предикативным центром предложений объектной квалификации — *vah Rukmīṇī Devī ko kisī bhī hālat mē akelā chor̥nā nahī cāhītā thā* (Sa, K, 41) 'Он ни при каких обстоятельствах не хотел оставлять Рукмини Деви одну' (ср. *vah*

Rukmiñi Devī ko akelā ehor detā thā 'Он оставлял Рукмини Деви одну', а также *Rukmiñi Devī akelī ñiklī* 'Рукмини Деви оказалась одна'), *vah apne hī priya putra ko šatru samajhne lage...* (P, N, 85) 'Своего же любимого сына он стал считать врагом...' (ср. *vah apne putra ko šatru samajhtā thā* 'Он считал своего сына врагом', а также *us ko putra šatru pratīt hotā thā* 'Ему сын казался врагом'), ... *vah ek praśna ko dūsre se alag bhi nañ̄ kar pātī thī* (Aj, A, 136) '...ей не удавалось даже отделить один вопрос от другого' [ср. *vah ek praśna ko dūsre se alag bhi nañ̄ kartī thī* 'Она даже не отделяла (букв. не делала отдельный/отдельным) один вопрос от другого', а также *ek praśna dūsre se alag nañ̄ thā* 'Один вопрос не был изолирован от другого'];

(г) с предикативным центром предложений субъектной квалификации — *tujhe akelā hī jāne do* [124, с.381] 'Отпустите меня одного' или, что близко к буквальному переводу, 'Дайте мне уйти одному' (ср. *taī akelā gayā* 'Я ушел один', а также *taī akelā thā* 'Я был один').

Таким образом, не только содержание предикативного центра, равного по объему сказуемому собственно глагольных и глагольно-связочных предложений, представляет собой ту семантическую основу, на которую "наслаждаются" — в ходе усложнения предикативного центра — дополнительные значения, связанные с характеристикой действия или квалификативного отношения. Такой семантической основой может быть и содержание предикативного центра, уже осложенного квалификативно-предикативным членом (объекто-квалифицирующим или субъекто-квалифицирующим), и в этом случае передача соответствующих дополнительных значений влечет за собой дальнейшее усложнение предикативного центра.

Ниже приводятся предложения с усложненным предикативным центром, различия в строении которого установлены с учетом, во-первых, того, чем (какой нефинитной формой, если не самой основой) представлен компонент, несущий основную семантическую нагрузку и соотносимый с финитным глаголом — компонентом предикативного центра, принимаемого за исходный, и, во-вторых, того, каким глаголом (или глагольно-именным сочетанием) представлен компонент, чье появление в финитной форме вслед за нефинитной формой или основой вносит дополнительное (отсутствующее у предикативного центра, принимаемого за исходный) значение, связанное с аспектуальной и/или модальной характеристикой действия или квалификативного отношения..

Для хинди типичны предложения, в которых усложненный предикативный центр имеет вид:

(1) инфинитив + располагающий признаком переходности (и агентивности) компонент (глагол или глагольно-именное сочетание) с фазисным значением, указывающий на начальную, конечную или промежуточную стадию протекания действия, а именно, *bīgū karnā* и *ārambh (prārambh)* *karnā* 'начинать', *choñā* 'оставлять', 'прекращать', *band karnā* 'кон-

чать', 'прекращать', *khatam* (*khatm*) *karnā* 'кончать', 'прекращать', *jārī rakhnā* 'продолжать'.

(1.1) с герундивным инфинитивом, следующим за именем объекта действия, стоящим в форме прямого падежа;

(1.1.1) с перфективной формой финитного глагола, предписывающей выполняяющему функцию подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, – *āvare dīn prātaḥkāl gāv ke kāt ādmīyō ne ūkh kāṭnī šurū kī* (P, G, 187) 'Утром следующего дня некоторые жители деревни начали убирать сахарный тростник', ... *is ne ... ek hāth se patri-kā ke panne palaṭne šurū kar die ...* (PL, 17) '... он... одной рукой начал перелистывать страницы журнала...', ... *apnī hī cintā karnī is ne choṭ dī thi* (P, N, 96) '... о себе же она перестала проявлять беспокойство', *māi ne yah kitāb parhnī khatm kar dī hai* 'Я кончил читать эту книгу' [92, с.58], ... *is ne arz̄ denī band kar dī* (BG, S, 552) '...он перестал подавать заявление';

(1.1.2) с формой финитного глагола, не являющейся перфективной, когда для подлежащего – имени субъекта характерна форма прямого падежа, – ... *phir ham āp ko var-hal banāne ke sādhan jutāne ārambh kar dēge* (G, DR, 235) '... тогда мы начнем предоставлять вам средства, обеспечивающие ваш успех', *māi ek ciṭṭhī likhnī šurū kartā hū* [124, с.313] 'Я начинаю писать это письмо', *aise asambhav sapne dekhne vah kūb na choṭ de?* (NK, 1962, II, 57) 'Почему он не избавится от таких невероятных сновидений?' ;

(1.2) с герундиальным инфинитивом;

(1.2.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа (имя объекта или вообще отсутствует вследствие интранзитивности представленного инфинитивом глагола либо вследствие нереализованности переходным глаголом своей прямообъектной валентности, или же выступает в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо, что может касаться местоимений, в форме объектного падежа);

(1.2.1.1) с перфективной формой финитного глагола, предписывающей выступающему в функции подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, – *kuch logō ne bhāgnā šurū kiyā ...* (Y, Dd, 29) 'Некоторые бросились бежать ...', *sab se pahle āp ne sanskr̄t mē likhnā ārambh kiyā ...* (UB, L, *āvaraṇ-pr̄ṣṭha*) 'Сперва он начал писать на санскрите!', *Darśī nē apne vābar ke beg ko ṭaṭol-nā šurū kiyā* (B, D, 33) 'Дарши начала рыться в своей кожаной сумочке (букв. обшаривать свою кожаную сумочку)', *māi ne kālej jānā choṭ diyā* (Sa, K, 86) 'Я перестал ходить в колледж', ... *usī dīn se naī attā ne tujh se paṛhnā choṭ diyā* (P, N, 102) '... с того самого раза мачеха перестала со мной заниматься', ... *bailō tak ne apne gale kī ghantīyō ko ṭunṭunānā band kar diyā thā* (JY, 28.XII.1975, 76) '...даже быки перестали звенеть колокольчиками, привязанными к шее';

(1.2.1.2) с формой финитного глагола, не являющейся перфективной, – *gānā jārī rakhe* (JK, S, 29) 'Пусть [он] поет еще', *māi is ciṭṭhī ko likhnā šurū kartā hū* [124, с.313]

'Я начинаю писать это письмо', *likhnā choṭie naḥṭ* (JK, K, 11) 'Пожалуйста, не бросайте писать';

(1.2.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа;

(1.2.2.1) с перфективной формой финитного глагола, предписывающей выполняяющему функцию подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*;

(1.2.2.1.1) при отсутствии согласования финитного глагола с именем объекта действия, обозначенного глаголом в форме инфинитива, — ... *Pramadā ne ḫē curānā ārambh kiyā* (S, TY, 229) '... Прамада стала прятать [от него] глаза', *garbhīṇṭ Durgā ne ab bāt karnā choṭ diyā thā* (UB, S, 123) 'Будучи беременной, Дурга давно уже перестала разговаривать (=букв. вести разговор)', *Bholā ne vutlī kātnā band kar diyā ...* (P, G, 218) 'Бхола перестал сучить веревку...';

(1.2.2.1.2) при согласовании финитного глагола с именем объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, — *bādiyō ne tarah tarah ve uskī badnāmī phailānā šurū kī* (AN, S, 292) 'Служанки начали всячески ее позорить (букв. распространять дурную славу)', *us ne cūlhe kī jaltī lakṛī ut̄hākar Māṇik ke ūpar, taxātar barsānā šurū kar dī* (UB, S, 123) 'Выхватив из очага горящую палку, она стала колотить ею Маника', *phir inkō ne pattiyyā kholnā šurū kī* (NK, 1962, III, 117) 'Затем он начал снимать бинты';

(1.2.2.2) с формой финитного глагола, не являющейся перфективной, — ... *vah cīkma-cillānd aur cīrē torṇā šurū kar detī hai ...* (MR, A, 141) '... она начинает кричать и ломать вещи...', ... *par larkī bhūkh kī rat lagānā na choṭī thi* (P, N, 197) '... но девочка не переставала просить есть', *kavitā likhnā band kar do ...* (S, TY, 188) 'Прекратите писать стихотворение...'.

На основании анализа языкового материала можно, пожалуй, утверждать, что в состав предикативного центра рассмотренных предложений инфинитив включается по-разному:

(а) герундийный инфинитив [см. примеры рубрик (1.1.1), (1.1.2)] входит в состав предикативного центра в качестве своеобразного объекто-квалифицирующего комплемента глагола (или глагольно-именного сочетания), чему (в соответствии с традиционным пониманием герундива как "причастия необходимости будущего времени страдательного залога") может отвечать следующая трактовка семантики приведенных ниже в качестве образцов предложений — *Sītā ne cīṭhī paṛhī vīyī kī* 'Сита начала читать письмо' = 'Сита начала письмо долженствующим быть прочитанным (подлежащим прочтению)', *Sītā cīṭhī paṛhī vīyī kartī hai* 'Сита начинает читать письмо' = 'Сита начинает письмо долженствующим быть прочитанным (подлежащим прочтению)';

(б) герундийный инфинитив, предшествующий согласуемому с именем объекта финитному глаголу [см. примеры рубрики (1.2.2.1.2)], входит в состав предикативного центра в минимальной степени "отягощенным" именными признаками и приобретающим поэтому статус компонента составного глагольного сказуемого;

(в) герундиальный инфинитив предложений, не содержащих имени объекта в форме прямого падежа [см. примеры рубрик {1.2.1.1} и {1.2.1.2}], а также предложений, в которых перфективная форма финитного глагола остается не согласованной с выступающим в форме прямого падежа именем объекта [см. примеры рубрики {1.2.2.1.1}], предстает в составе предикативного центра как аналог такого компонента предложения, в котором реализуется прямообъектная валентность финитного глагола [ср. предложения, где прямообъектная валентность соответствующего финитного глагола или глагольно-именного сочетания реализуется в имени существительном – *Lakṣmīdās ne aslī ghī kā vuyārāt bītū kiyā thā ...* (NK, 1961, XI, 132) '...Лакшмидас начал торговлю настоящим топленым маслом...', *tum ne 'Irāvatī' mē kām chor diyā?* (MR, A, 364) 'Ты бросил работу в [газете] "Ирарати"?', ... *tujh se mel-jol band kar dē* (G, DR, 179) '... прекрасните со мной общение'];

(г) герундиальный инфинитив предложений, содержащих имя объекта в форме прямого падежа и не являющуюся перфективной формой финитного глагола [см. примеры рубрики {1.2.2.2}], не поддается однозначному толкованию в плане различения отмеченных выше случаев (б) и (в): как компонент предикативного центра он может соответствовать инфинитиву, охарактеризованному в п.(б), и, что представляется более естественным, инфинитиву, упомянутому в п.(в).

Однако было бы ошибочным делать упор на семантических различиях, связанных с разным вхождением инфинитива в состав предикативного центра. Во всех разобранных случаях определяющей для инфинитива является его позиция перед финитной формой глагола (или глагольно-именного сочетания) – индикатора фазы, а для связи инфинитива с именем объекта действия определяющей остается валентность глагола, предстающего в форме инфинитива. Существенный момент, скрывающий имеющиеся семантические различия, заключается в следующем: когда имя объекта оказывается наделенным грамматемами "мужской род" и "единственное число", происходит нивелирование, во-первых, предложений, подпадающих под рубрики {1.1.1}, {1.2.2.1.1} и {1.2.2.1.2}, и, во-вторых, предложений, подпадающих под рубрики {1.1.2} и {1.2.2.2}. Это видно из сравнения двух столбцов помещенных ниже примеров, где использованы такие слова, как существительное мужского рода *yuvak* 'юноша', представленный в форме инфинитива глагол *parhnā* 'читать', глагол *bītū kartā* 'начинать' в финитной форме, существительное женского рода *ciṭṭhī* 'письмо' и существительное мужского рода *khat* того же значения:

(1.1.1)

<i>yuvak ne ciṭṭhī parhnā šurū kī</i>	<i>yuvak ne khat parhnā šurū kiyā</i>
---------------------------------------	---

(1.1.2)

<i>yuvak ciṭṭhī parhnā šurū kartā hai</i>	<i>yuvak khat parhnā šurū kartā hai</i>
---	---

(1.2.2.1.1)

<i>yuvak ne ciṭṭhī parhnā šurū kiyā</i>	<i>yuvak ne khat parhnā šurū kiyā</i>
---	---

(1.2.2.1.2)

<i>yuvak ne ciṭṭhī parhnā šurū kī</i>	<i>yuvak ne khat parhnā šurū kiyā</i>
---	---

(1.2.2.2)

*yuvak cit̄hī par̄hnā ūrū
kartā hai*

*yuvak khat par̄hnā ūrū
kartā hai*

Каждый из отмеченных выше видов нивелирования иллюстрирован ниже примером, взятым из оригинального текста: *usī kvañ t̄t̄b̄j̄ ne phir se abhilashād kā bhavan banānā ūrū kar diyā* (P, N, 134) 'Мунши [Тотарам] сразу же принял снова строить воздушные замки', ...*vah mote hōkar kām kartā band na kar dē* (Y, Dd, 24) '... [чтобы] они, потолстев, не перестали выполнять работу'.

При пересечении граммем "множественное число" — "прямой падеж" формальным показателем входления предложений в круг предложений рубрик (1.2.2.1.1) и (1.2.2.2) бывает окончание *-e* существительных мужского рода I типа словоизменения, обозначающих объект действия: *yuvak ne par̄ce par̄hnā ūrū kiyā* 'Юноша начал читать листовки' (ср. *yuvak ne par̄ce par̄hnā ūrū kiyā*, где нивелировано различие между предложениями рубрик (1.1.1), (1.2.2.1.1) и (1.2.2.1.2), и *yuvak ne khat par̄hnā ūrū kiyā*, где подобное нивелирование сопровождается применительно к предложениям рубрики (1.2.2.1.1) двусмыслистностью в отношении значения числа — "письмо"/"письма"); *yuvak par̄ce par̄hnā ūrū kartā hai* 'Юноша начинает читать листовки' (ср. *yuvak par̄ce par̄hnā ūrū kartā hai*, где нивелировано различие между предложениями рубрик (1.2.2.2) и (1.1.2), и *yuvak khat par̄hnā ūrū kartā hai*, где такое же нивелирование сопровождается применительно к предложениям рубрики (1.2.2.2) неясностью в отношении значения числа — "письмо"/"письма").

В тех же случаях, когда имя объекта выражается существительным мужского рода II типа словоизменения, показателем этого же входления при том же пересечении граммем могут служить находящиеся в зависимости от имени объекта слова (например, согласуемые прилагательные, числительные): *yuvak ne paue khat (do khat) par̄hnā ūrū kiyā* 'Юноша начал читать новые письма (два письма)'; *yuvak paue khat (do khat) par̄hnā ūrū kartā hai* 'Юноша начинает читать новые письма (два письма)'.

К вышесказанному следует добавить следующие замечания, имеющие более или менее частный характер:

(а) использование предложений, подпадающих под рубрику (1.1.2), наблюдается в современном литературном хинди весьма редко; обычными же являются предложения, подлежащие отнесению к рубрике (1.2.2.2);

(б) предложения рубрики (1.2.2.1.2) далеко не столь характерны для хинди, как предложения рубрики (1.1.1) (особенно с финитным глаголом *Ūrū kartā* или *ārambh kartā*) и рубрики (1.2.2.1.1) (особенно с глагольно-именным сочетанием *band kartā*); см., однако, примеры из произведений С.Х.Манто и Куррат уль-Айн Хайдар на языке урду: *Mahbub qhālibaç is mē ap̄t̄ koñ p̄ikar banānā ūrū kī t̄hī* (M, PP, 96) 'Махбуб, по-видимому, начал работать в ней (студии) над одной из своих картин (букв. начал делать картину)', *añr us ne ap̄t̄ kahānī ... ap̄te tañqñiñ andāz mē vilānā ūrū kī* (M, PP, 119) 'И он повел свой рассказ ... в своей оригинальной манере', *mājhīyō ne ap̄t̄ ap̄t̄ kiñt̄yō mē namāz par̄hnā ūrū kar dī* (QH, A, 742) 'Лодочники начали читать намаз на своих лодках', *us ne t̄vālāñ qāñt̄ ke muta' alliq phir ap̄t̄ tañbūb thior̄ dil mē duñrānā ūrū kar*

d7 (QH, A, 750) 'Он снова начал повторять про себя свою излюбленную историю о мусульманской нации';

(в) в предложениях рубрики (1.2.2.1.2), с одной стороны, и рубрики (1.1.2) — с другой, налицо противоположные принципы использования инфинитива: в одном случае инфинитив остается вне согласования с именем объекта при наличии согласуемого с этим именем финитного глагола, тогда как в другом случае инфинитив оказывается согласованным с именем объекта в условиях, исключающих согласование финитного глагола с именем объекта.

Предложения, подпадающие под рубрики (1.1.2), (1.2.1.2) и (1.2.2.2), воспроизводят активно-субъектную конструкцию, а предложения, подпадающие под остальные четыре рубрики, — активно-объектную конструкцию, причем, если в двух случаях [см. примеры рубрик (1.1.1) и (1.2.2.1.2)] прямообъектная валентность финитного глагола (или глагольно-именного сочетания) реализуется в имени объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, то в других двух случаях [см. примеры рубрик (1.2.1.1) и (1.2.2.1.1)] эту валентность следует считать реализующейся в самом герундиальном инфинитиве.

(2) Инфинитив + глагол *cāhnā* 'хотеть', 'желать';

(2.1) с герундивным инфинитивом, следующим за именем объекта действия, стоящим в форме прямого падежа;

(2.1.1) с перфективной формой глагола *cāhnā*, "предписывающей выполняяющему функцию подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, — *māi ne kṣatāt māgnīcāhī*" (S, TY, 80) 'Я хотела было попросить прощение...', *pahle us ne citthiyōd ke kuch anō tōg dene cāhe, tagar bād mē yah khayāl chor diyā* (MR, A, 136) 'Сначала она захотела (или хотела было) загнуть некоторые части писем, но потом оставила эту мысль';

(2.1.2) с формой глагола *cāhnā*, не являющейся перфективной, — *māi ek citthīt likhnī cāhtā hū* [124, с.317] 'Я хочу написать письмо';

(2.2) с герундиальным инфинитивом;

(2.2.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа;

(2.2.1.1) с перфективной формой глагола *cāhnā*, предписывающей выступающему в функции подлежащего имени субъекта принятие послеложно-падежной формы на *ne*, — *Holl ne bhāgnā cāhā* (B, D, 117) 'Холи хотела было бежать', *Nārad jīt ne līlā dekhne ke vatau ek paricit ko sāth lenā cāhā* (NK, 1961, VIII, 7) 'Во время представления Нарада хотел было взять с собой одного своего знакомого';

(2.2.1.2) с формой глагола *cāhnā*, не являющейся перфективной, — *ek cehrā bhūkhīt īkhō se iṣke śartār ko nigalnā cāh rāhā thā* (NK, 1962, I, 29) букв. 'Одно лицо [будто] жаждало поглотить его тело своими глазами', *ham ab gāv laut jānā cāhte the* (BG, S, 411) 'Теперь мы хотели вернуться в деревню';

(2.2.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа;

(2.2.2.1) с перфективной формой глагола *cāhnā*, "пред-
писывающей" выполняющему функцию подлежащего имени субъ-
екта принятие послеложно-падежной формы на *ne*;

(2.2.2.1.1) при отсутствии согласования финитной фор-
мы глагола *cāhnā* с именем объекта действия, обозначен-
ного стоящим в форме инфинитива глаголом, — *phir kisī mad-
hur evarpna kā bhāg samajhkar isne apnī ākhē band karnā cāhā...*
(NK, 1962, II, 48) 'Затем, приняв это за отрывок какого-то
сладкого сновидения, она захотела закрыть глаза...', *{Vi-
dyā ne} donō hāthō kā sahārā dekar karvāt badalvā denā cāhā*
(H, G, 6) '{Видья} хотела было своими руками помочь ему
(Каруншанкар) перевернуться на другой бок';

(2.2.2.1.2) при согласовании финитной формы глагола
cāhnā с именем объекта действия, обозначенного стоящим
в форме инфинитива глаголом (см. ниже);

(2.2.2.2) с формой глагола *cāhnā*, не являющейся пер-
фективной, — *is thand mē vah ibaltī hū cāy pīnā cāhtā thā*
(NK, 1962, IV, 5) 'В эту стужу он хотел пить горячий чай',
māi ek-do bātē tum se pūchnā cāhtā hū (G, DR, 179) 'Я хочу
задать вам несколько вопросов'.

Сказанное выше (см. с.65–67) о манифестиации предикативного цент-
ра в общем справедливо и по отношению к только что рассмотренным
предложениям. Здесь также можно говорить об явлении нивелирования
предложений разных рубрик. В частности, нивелирование, во-первых,
предложений, подпадающих под рубрики (2.1.1), (2.2.2.1.1) и (2.2.
2.1.2), и, во-вторых, предложений, подпадающих под рубрики (2.1.2)
и (2.2.2.2), иллюстрируется следующими примерами: ... *is ne āge*
bārkhar andar kā darvāzā kholnā cāhā ... (BG, S, 98) '... подаввшись
вперед, он хотел быть открытым внутреннюю дверь...', ... *māi bhīt dr ze*
aur is sabhā se ek praśna pūchnā cāhta hū (BG, S, 68) '... и я то-
же хочу задать вам и этой аудитории один вопрос'.

Однако в одном случае при подходе к анализу формальной сторо-
ны подобных предложений (в частности, в связи с трактовкой инфини-
тива) следует считаться, во-первых, со сравнительно малой употреби-
тельностью в литературном хинди предложений, подпадающих под руб-
рику (2.2.2.1.1), и, во-вторых, лишь с возможностью появления пред-
ложений рубрики (2.2.2.1.2.), возможностью, реализация которой
свойственна урду в произведениях ряда авторов (например, С.Х.Ман-
то, Исмат Чугтаи, Куррат уль-Айн Хайдар), о чем свидетельствуют
следующие примеры: *Safqat ne apne Hindūstān kī ābrū* бесānā cāhī
(M, MA, 35) 'Шафкат захотел вступиться за честь своей Индии (букв.
захотел защитить честь своей Индии)', *Kakkū ne bandarō se bahut*
jān churānā cāhī ... (Cu, 93) 'Какку хотел избавиться (букв. из-
бавить душу) от обезьян...', *Hari Šankar ne tarafdārī karnā cāhī*
(QH, A, 438) 'Хари Шанкар пожелал оказать поддержку'. В связи с
этим первое из приведенных предложений языка хинди должно быть
воспринято, скорее всего, как принадлежащее к предложениям рубри-
ки (2.1.1).

В другом случае следует иметь в виду нетипичность для литера-
турного хинди предложений, принадлежащих к рубрике (2.1.2), в свя-
зи с чем становится естественной трактовка второго предложения
как подпадающего под рубрику (2.2.2.2).

Характерной особенностью сочетания инфинитива с финитной формой глагола *cāhīd* является способность принимать отрицательную частицу перед своим первым компонентом, т.е. перед инфинитивом, хотя по смыслу выражаемое отрицание соотносится со значением глагола *āhīnā*, а не глагола, представленного в форме инфинитива: *māt is citra ko lambā nāhī khīcṇā cāhītā* (JK, K, 103) 'Я не собираюсь долго распространяться об этом (букв. рисовать эту картину длинной)', *Bholā isse īērit bankar na rāhīnā cāhte the* (P, G, 272) 'Бхола не хотел жить у нее нахлебником', ...*māt ne kabhī isve dñakhe mē nāhī rakhtā cāhā* (MR, A, 522) '...у меня никогда не возникало желания оставлять ее в заблуждении (букв. введенной в заблуждение)...' [ср. предложения, в которых отрицательная частица стоит после инфинитива непосредственно перед *cāhīnā*: *vah kisī se milnā-julnā nāhī cāhītā thā* (AN, S, 322) 'Он не хотел ни с кем встречаться', *isv ne voc mē dñube Keśav ko jagānā na cāhā thā* (NK, 1961, IX, 67) 'Она не захотела нарушить покой погруженного в свои мысли Кешава']. Отмеченную способность принимать отрицательную частицу можно считать наглядным показателем вхождения инфинитива, сочетающегося с финитной формой глагола *cāhīd*, в состав предикативного центра предложений в отличие, с одной стороны, от существительного, выполняющего при этом же глаголе-сказуемом функцию прямого дополнения [см. *tiyāz ve is ne kabhī kōt cīz nāhī cāhīt* (BG, S, 205) 'От мужа она никогда не желаила какой-либо вещи', *inhō ne bħī bādšāh ve isīt vākt is jħagħre kā faisla cāhā* (AN, S, 297) 'Она тоже пожелала от императора немедленного решения по поводу этого конфликта'] и, с другой стороны, от инфинитива, занимающего позицию прямого дополнения при каком-либо ином переходном глаголе [см. *vah parħnā nāhī jānti* ... (Aj, A, 106) 'Она не умеет читать...' при нарушении грамматической правильности в случае *nāhī parħnā jānti*, *mis Mälti ne dayā karnā na sīkhā thā* (P, G, 60) 'Мисс Малти не знала жалости (букв. не научилась проявлять милосердие)' при нарушении грамматической правильности в случае *na karnā sīkhā thā*].

(3) Инфинитив + располагающий признаком непереходности (и деагентивности) компонент (глагол или глагольно-именное сочетание) с фазисным значением, а именно *ħixi honā* и *ħarrambh honā* 'начинаться', *band honā* и *khatam (khatm) honā* 'кончаться', 'оканчиваться', 'прекращаться';

(3.1) с герундивным инфинитивом – *kuch mahīnō bād hī Keśav par dhūl parnī šurū ho gāi* ... (NK, 1962, II, 103) 'Уже спустя несколько месяцев на Кешаве стала оседать пыль...', *is par bħī log ekatrit hone ħarrambh ho gae the* (G, DR, 46) 'Тем не менее люди уже начали собираться', *ekāek golī cal-ni band ho gayi* (Aj, A, 37) 'Неожиданно стрельба прекратилась' (см. *golī* 'пуля' – существительное женского рода, *calnā* 'двигаться'), *is din se khat āne-jāne khatam hue* 'С того дня переписка прекратилась' [77, с.38], *is vakt khet kaṭne khatm ho jāte hāi* [92, с.58] 'В это время на полях заканчивается уборка урожая' (см. *khet* 'поля', *kaṭnā* эд. 'убираться');

(3.2) с герундиальным инфинитивом – *is sāl bādal jaldī ghumaġnā šurū ho gae the* (JK, S, 74) 'В том году тучи рано начали застилать небо (букв. кружить)', ...*aux tatiwya ke vicār uż-żané bharne ke stħān par jamnā šurū ho jāte hāi*

(NK, 1962, III, 41) '... и мысли человека начинают цепенеть вместо того, чтобы высоко парить'... *kīnatē baṭhna šūrū ho gaī thī* (JY, 31.I.1977, 1) '... цены начали расти', *us din subah hī ve avātī ānā šūrū hue* (BG, S, 108) 'В этот день арендаторы стали приходить с самого утра';

(3.3) с инфинитивом, в котором сведено на нет различие между его герундивным и герундиальным употреблением, — *phir vah bāṭgan mere bātme kharā honā šūrū ho jātā hai...* (A, BP, 17) 'Затем этот баклажан начинает возникать передо мной ...', *Bambat̄ ve angrezī tē "Nēšanal frant̄" prakāśit honā šūrū huā ...* (JY, 28.XII.1975, 50) '... в Бомбее стала издаваться на английском языке [газета] "Нэшил франт" ...'.

Рассмотренные предложения отличает согласование фазисного глагола или эквивалентного ему глагольно-именного словосочетания с выступающим в функции подлежащего именем субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом. Они, таким образом, воспроизводят активно-субъектную конструкцию.

Герундивный инфинитив [см. примеры рубрики (3.1)] включается в состав предикативного центра как своего рода квалификативно-предикативный член, а именно как своеобразный субъекто-квалифицирующий компонент, синтаксически связанный с финитным глаголом или глагольно-именным сречтанием, чему (согласно пониманию герундива как пристия необходимости будущего времени) может отвечать истолкование такого, например, предложения, как *khat̄ ḥne-jātē khat̄am hue* 'Переписка прекратилась', в смысле "Письма прекратились долженствующими поступать и отправляться (подлежащими поступлению и отправке)".

Герундиальный инфинитив [см. примеры рубрики (3.2)], будучи лишенным явных именных признаков, приобретает статус подлинно глагольного компонента составного сказуемого. Кстати сказать, предложения с таким инфинитивом широко представлены в урду, например, *Gaur ke siyāst̄ ḥālāt bīgaṛnā šūrū hue* (QH, A, 200) 'Политическое положение Гаура стало ухудшаться', *bāhar daraxtō par bāriš bārasnā šūrū* 'но gayī thī' (QH, A, 24) 'Снаружи на деревья начал лить дождь', *lekin jō hī unkī tāg hilnā band ho jātī ...* (M, PP, 45) 'Но как только его нога переставала двигаться ...'.

Однако для семантики рассмотренных предложений различие в использовании инфинитива является не столь существенным; важнее то обстоятельство, что глагол, выступающий в форме инфинитива, обозначает действие, приписываемое денотату имени-подлежащего.

От рассмотренных предложений конструктивно отличаются при всей их внешней схожести предложения, в которых:

а) не получает выражения имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива (причем непременно герундиального) глаголом, — *Dālmānd̄ tē ḥnā-jānā šūrū huā* (S, TY, 48) 'Началось посещение [района] Дальманди';

б) субъект действия, обозначенного стоящим в форме (герундиального) инфинитива глаголом, выражается предшествующим инфинитиву именем или местоимением с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением, например, *uskā ronā band hī na ho rahā thā* (BG, S, 446) 'Ее плач вовсе не прекращался', *tegā dhūmāyit honā band ho gayā hai ...* (HD, B, 254) '... я перестала чадить...';

в) финитный глагол или глагольно-именное сочетание не согласуется с предшествующим инфинитиву и выступающим без какого бы то ни было послелога именем субъекта действия—*ādhī calnā band ho gayā* [110, с.265] 'Ураган перестал бушевать' (см. *ādhī* 'буря', 'ураган', 'вихрь' — существительное женского рода, *calnā* 'двигаться').

Во всех трех случаях инфинитив предстает как заключительный компонент группы подлежащего. В первых двух случаях он, собственно говоря, и является подлежащим, с которым согласуется фазисный глагол или глагольно-именное сочетание в своей финитной форме. [Ср. предложения, где в функции подлежащего выступает имя существительное: *mukaddame kī sūnāvāt surū hūt* (BG, S, 658) 'Началось слушание дела', *phīr jang khatm ho gaī thī ...* (NK, 1961, XI, 132) 'Затем война окончилась...', *logō kī āvā-jāhī band ho gayā thī* (BG, S, 149) 'Хождение людей прекратилось'.] В третьем случае инфинитив входит в состав выступающего как подлежащее (на месте подлежащего) полуопределитивного словосочетания, т.е. сочетания нефинитной глагольной формы (в данном случае инфинитива) с предшествующим ей существительным, причем данное существительное выступает в форме прямого падежа как аналог подлежащего, связанного с финитным глаголом. [Ср. предложение иного состава с подлежащим — полуопределитивным словосочетанием: *do-do sītē milnā to batut hī mīskīl hai* (PL, 155) 'Найти же по два [свободных в автобусе] места неимоверно трудно' (букв. 'Два-два места найтись неимоверно трудно есть'); см. также предложения, где полуопределитивное сочетание занимает позиции, отличные от позиций подлежащего: *hṛday tē ādar aur prem honā āp burā nāhī samajhītī* (Y, Dd, 220) 'Ведь вы не считаете предосудительным наличие уважения и любви в сердце', *yunivarsiṭī khulne ke din āye* (BG, S, 43) 'Наступили дни открытия университета', ... *jhagre kā mūl kāraṇ tivalmānō kā ek rājnītik dal honā hai ...* (G, DR, 77) '... основная причина конфликта — наличие политической партии у мусульман...'].

(4) Супинный инфинитив + глагол *lagnā* 'быть приложенным', 'прикладываться' (>'приниматься', 'начинать'), служащий передаче значения начала действия;

(4.1) с обычным инфинитивом, т.е. инфинитивом какносителем словарного значения глагола, или инфинитивом активного залога, в ходе манифестации активно-субъектной конструкции — ...*motī-motī būdē* *raṛne lagī* (PL, 159) '... начали падать крупные капли', *is ke bād vah bistar par girkar phūt-phūṭkar rone lagī* (KC, G, 125) 'Потом, упав на постель, она зарыдала (=начала плакать навзрыд)', *vah jaldī-jaldī likhne lagā* (Aj, N, 185) 'Он начал поспешно писать', *bhītar jākar vah kapre badalne lagā* (Aj, N, 236) 'Войдя внутрь, он стал переодеваться (букв. менять одежду)';

(4.2) с инактивным инфинитивом, т.е. инфинитивом в форме инактивного залога;

(4.2.1) в составе инактивно-объектной конструкции — *sṭhān-sṭhān par jalse kie jāne lage ...* (G, DR, 110) 'Повсеместно стали устраиваться собрания...', *piknik kā vātān baṭorā jāne lagā* (PL, 119) 'Начался сбор вещей для пикника';

(4.2.2) в составе инактивно-нейтральной конструкции — *use bare-bare gharō tē bulāyā bhī jāne lagā* (Y, Dd, 208) 'Его

даже стали звать в энатные дома', ... *ive mahfilō tē utārā jāne lagtā* (AN, S, 281) '...ее начинали отправлять в компании'.

(5) Супинный инфинитив + глагол *rānā* 'получать' (‘получать разрешение’, ‘получать возможность’ с оттенком значения “удаваться” или “успевать”) в ходе манифестиции активно-субъектной конструкции – *vahā nau baje ke bād kōt* *rātne nāhī pātā*:.. (P, N, 94) 'Там после девяти часов никому не позволяют заниматься...', *tum uskā tūh bhī nāhī dekhne rāye* (P, N, 154) 'Тебе даже не удалось увидеть его лицо', ... *bētā, ghar calo, vahā tumhē kōt taklīf na hone rāvegī* ... (P, N, 112) '...вернись, сынок, домой. Там не будет у тебя никаких затруднений...'.

(6) Супинный инфинитив + глагол *denā* 'давать' (> 'разрешать', 'позволять', 'предоставлять возможность');

(6.1) с формой активного залога глагола *denā*, перфективной не являющейся, когда для имени (местоимения), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, характерна форма прямого падежа;

(6.1.1) при том условии, что субъект данного действия обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа, – ... *parantu Lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalne detī thi* (S, TY, 2) '... но Ладжаванти не позволяла Хемраджу выходить из дома';

(6.1.2) при условии оформления имени субъекта данного действия прямым падежом, – ... *āj se māt is par tumhārā vāyā bhī na rātne dūgī* (P, N, 133) '... отныне я не позволю и тени вашей упасть на нее', *aur tum aprā ghar rah jāne doge?* (Aj, A, 85) 'А ты допустишь, чтобы твой дом сохранился (букв. дашь остаться свой дом)?';

(6.2) с перфективной формой активного залога глагола *denā*, “предписывающей” имени (местоимению), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, принятие послеложно-падежной формы на *ne*;

(6.2.1) при условии, что субъект данного действия обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(6.2.1.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола (как правило, тогда, когда представленный инфинитивом глагол является непереходным) – ... *parantu putra-sneh ne is cintā ko der tak na ṭhaharne diyā* (S, TY, 7) '...но любовь к сыну не позволила этой мысли надолго задержаться [в сознании]', *pahredārō ne ive ghusne nāhī diyā* (U, SK, 98) 'Стражники не дали ему пройти внутрь', ... *māt ne apne māt-pitā ko is hālat tē kyō vāras jāne diyā?* (KC, G, 118) '... почек-

му при таких обстоятельствах я отпустил своих родителей (букв. позволил своим родителям уехать обратно)?', *Naval kī cācī aur Rāmāgar kī mā ne apne ghatō ko dhuākhori ke adde nañī banne diyā* (N, D, 55) 'Тетка Наваля и мать Рамсагара не допустили того, чтобы их дома превратились в курильни';

(6.2.1.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола – *Hūbart ne binā kisī virodh ke apne jūte, toge unhe utārne die* (PL, 124) 'Губерт без всякого сопротивления позволил ему (доктору – В.Л.) снять с себя обувь и носки', *pandit jī ne tujhe apnā vākyā pūrā nañī karne diyā* (KC, G, 73) 'Пандит не дал мне закончить предложение', *par māi ne vivek ko bhāvād par vijay na pāne dī* (B, D, 68) 'Но я не позволил разуму взять верх над чувствами' ;

(6.2.2) при условии оформления имени субъекта данного действия прямым падежом – *us ne āsū nañī āne die* (JK, S, 120) 'Он сумел сдержать слезы (букв. не дал выступить слезам)', *us ne kal kī ghatnā kā koñ ābhās bħt prakañ nañī hone diyā* (H, G, 87) 'Он не допустил, чтобы вчерашнее событие как-то дало о себе знать' (букв. 'Он не дал быть явным какое бы то ни было отражение вчерашнего события');

(6.3.) с формой инактивного залога глагола *denā*;

(6.3.1) при том условии, что субъект действия, названного стоящим в форме инфинитива глаголом, обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(6.3.1.1) при отсутствии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола – ...; *larkiyō aur striyō ko galiyō ke rāste bħt akele nañī āne-jāne diyā jātā thā* (Y, VD, 340) '...девушкам и женщинам не разрешалось ходить одним даже переулками' ;

(6.3.1.2) при наличии имени объекта в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола – *na to Rānt̄ ko us makān ke bāhar jāne diyā gayā, na h̄t iżko Bhārat mē kisī ko citthi likhne dī gaI* (G, DR, 215) 'Рани не было разрешено ни выходить из этого здания, ни писать письмо кому-либо в Индию' [первая часть приведенного примера служит также иллюстрацией к рубрике (6.3.1.1)];

(6.3.2) при условии оформления имени субъекта данного действия прямым падежом – *ūj̄ to kisī bħi tuisalħtan kī vat-patti kisī bħi hindū ke pās rahne nañī dī jāegi* (G, DR, 38) 'Просто так не будет дозволено, чтобы имущество кого-либо из мусульман оставалось у какого-либо индуся' .

Финитная форма сочетающегося с супинным инфинитивом глагола *denā*, вступая в синтаксическую связь с именными компонентами предложений, ведет себя по-разному:

а) согласуется с именем (местоимением), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом [см. примеры рубрик (6.1.1) и (6.1.2)];

б) согласуется с именем субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом [см. примеры рубрик (6.2.2) и (6.3.2)];

в) согласуется с именем объекта такого действия [см. примеры рубрик (6.2.1.2) и (6.3.1.2)];

г) принимает нейтральную форму, совпадающую с формой 3-го лица единственного числа мужского рода [см. примеры рубрик (6.2.1.1) и (6.3.1.1); такая форма допустима и в рубрике (6.3.1.2)].

В рассмотренных предложениях сочетание "супинный инфинитив + *denā*" обнаруживает в известной мере семантические черты побудительных глаголов. Поэтому то имя (или местоимение), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, оказывается семантически близким имени субъекта действия, обозначаемого побудительным глаголом в какой-либо из его разновидностей (побудительно-объектным, побудительно-адресатным, каузативным).

Имя же субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, соотносимо по смыслу:

а) при условии, что данный глагол лишен прямообъектной направленности, с именем (местоимением), в котором реализуется прямообъектная валентность переходного (в том числе и побудительно-объектного) глагола (ср. *is ne āsvi nañ̄i bahne die* – *is ne āsvi nañ̄i bahāye, Lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nīkalne detī thī* – *Lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nīkāltī thī*);

б) при условии, что данный глагол, будучи переходным, имеет при себе имя объекта, с именем (местоимением), в котором реализуется каузативно-объектная или адресатно-объектная валентность соответственно каузативного или адресатного глагола (ср. *Hūibart ne apnē jūte unhē utārme die* – *Hūibart ne apne jūte un se utarvāye, tā ne apne bacce ko dūdh pīne diyā* – *tā ne apne bacce ko dūdh pitayā*).

Частое употребление таких сочетаний, как *jāne denā, āne denā, hone denā*, возможно, объясняется отчасти отсутствием в хинди переходных глаголов, производных от *jānā* 'идти', 'уходить', *ānā* 'приходить', 'прибывать', *honā* 'быть', 'становиться'.

Имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, оформляется косвенным падежом с послелогом *ko* или (что касается местоимений) объектным падежом, если оно указывает на лицо. Вместе с тем такое оформление имени субъекта призвано служить (вне зависимости от его лексического значения) созданию контраста на синтагматической оси между этим именем и именем объекта или аналога предикатива, выступающим в форме прямого падежа в окружении представленного инфинитивом глагола [см. примеры рубрики (6.2.1.2), где особенно показателен контраст между *vivek ko* и *vijay* третьего из примеров, пример рубрики (6.3.1.2)], а также последний пример рубрики (6.2.1.1), в котором налицо контраст между *gharā ko* и *udde* в окружении связочного глагола *bannā* 'становиться', 'делаться'].

Сочетание "супинный инфинитив + *denā*" соотносимо также с сочетанием "супинный инфинитив + *pānā*", входящим в состав предложений, иллюстрированных выше примерами рубрики (5). Здесь усматривается своеобразное противопоставление залогового характера, проявляющееся прежде всего в том, что при использовании второго из

сочетаний има субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, выступает в функции подлежащего предложений, манифестирующих активно-субъектную конструкцию, тогда как при использовании первого из сочетаний (т.е. сочетания "супинный инфинитив + *denā*") такое имя наделяется в предложениях иной синтаксической функцией в связи с появлением в них (на месте подлежащего) имени (местоимения), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление соответствующего действия (ср. *āvī na-hī bahne pāye – is ne āvī na-hī bahne die*, *Hemrāj ghar se bāhar na nikalne pāta thā – Lājavantī Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalne detī thi, dākṭar Hyūbarṭ ke jūte utārme pāye – Hyūbarṭ ne apne jūte dākṭar ko utārme die*), и только в одном из случаев с формой инактивного залога глагола *denā* [см. пример рубрики (6.3.2)] имя субъекта действия может выступать в качестве подлежащего (ср. *āvī na-hī bahne pāye – āvī na-hī bahne diye gaye*).

Для других случаев с инактивной формой глагола *denā* [см. примеры рубрик (6.3.1.1) и (6.3.1.2)] характерны такие соотношения: *Hemrāj ghar se bāhar na nikalne pātā thā – Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalne diyā jātā thā, dākṭar Hyūbarṭ ke jūte utārme pāye – dākṭar ko Hyūbarṭ ke jūte utārme diye gaye*. Здесь компонент *Hemrāj ko* (см. второе предложение первой пары примеров) сочетает черты, с одной стороны, прямого дополнения предложений, реализующих инактивно-нейтральную конструкцию в ее объектном варианте (ср. *Hemrāj ko ghar se bāhar na nikālā jātā thā*), и, с другой стороны, компонента конструкции, выражющей долженствование (ср. *Hemrāj ko ghar se bāhar na nikalnā partā thā*), а компонент *dākṭar ko* (см. второе предложение второй пары примеров) – черты, с одной стороны, дополнения адресата предложений, воплощающих инактивно-объектную конструкцию (ср. *dākṭar ko Hyūbarṭ ke jūte diye gaye*), и, с другой стороны, компонента конструкции, выражющей долженствование (ср. *dākṭar ko Hyūbarṭ ke jūte utārme pare*).

Оценивая именные компоненты предложений, предикативный центр которых представлен сочетанием "супинный инфинитив + *denā*", с точки зрения выполнения такими компонентами синтаксических функций членов предложения, можно констатировать следующее:

а) имя (местоимение), денотат которого изображается способным санкционировать осуществление действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, выступает в функции подлежащего предложений с формой активного залога глагола *denā* [см. примеры в рубриках (6.1) и (6.2)];

б) имя объекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом, может в зависимости от синтаксических условий употребления быть прямым дополнением [см. примеры рубрики (6.2.1.2)] или подлежащим [см. пример рубрики (6.3.1.2)];

в) имя субъекта такого действия, будучи оформлено прямым падежом, выступает в зависимости от синтаксических условий или в функции подлежащего [см. пример рубрики (6.3.2)], или в функции своеобразного второстепенного члена предложения – агентивно-прямого дополнения [см. примеры рубрик (6.1.2) и (6.2.2)];

г) имя субъекта такого действия, оформленное косвенным падежом с послелогом *ko* или (что может касаться только местоимений) объектным падежом, может в зависимости от синтаксических условий употребления быть агентивно-прямым дополнением [см. примеры рубрик (6.2.

1.1) и (6.3.1.1), а также пример рубрики (6.1.1)] или своеобразным второстепенным членом, который следует квалифицировать как *агентно-адресатное дополнение* [см. примеры рубрик (6.2.1.2) и (6.3.1.2)].

Рассмотренные предложения репрезентируют конструкцию, которую при учете их семантики можно назвать *пермиссионной* (ср. термин "пермиссивные глаголы", используемый для обозначения сочетаний инфинитива с *denā* [111, с.267]). Однако отдельными своими разновидностями эта конструкция обнаруживает принадлежность к ряду тех конструкций, которыми воплощается структурно-грамматический каркас предложений языка хинди, а именно:

- а) к активно-субъектной [см. примеры рубрик (6.1.1) и (6.1.2)];
- б) к активно-объектной [см. примеры рубрик (6.2.1.2) и (6.2.2)];
- в) к активно-нейтральной в ее объектном варианте [см. примеры рубрики (6.2.1.1)];
- г) к инактивно-объектной [см. примеры рубрик (6.3.1.2) и (6.3.2)];
- д) к инактивно-нейтральной в ее объектном варианте [см. пример рубрики (6.3.1.1)].

Отрицательная частица (*na*, *nahī*), помещенная перед супинным инфинитивом глагола, не служит показателем того, что выражаемое отрижение относится исключительно к действию, выраженному данным глаголом: *na nikalne detī thī* [см. пример в рубрике (6.1.1)] 'не позволяла выходить', а отнюдь не 'позволяла не выходить'.

(7) Супинный инфинитив + глагол *jānā* 'идти', 'уходить' (> 'собираться', 'быть на пути к скорому и сообразному с логикой вещей осуществлению') в процессивной форме (обычно в форме настоящего актуального или прошедшего актуального времени)¹ – *māī vahī kahne jā rahā thā* (AN, S, 406) 'Как раз это я и собирался сказать', *āīye panditjī*, *māī to āp ko khat likhne jā rahī thī* (P, N, 56) 'Входите, почтенный пандит. А я вот собиралась писать вам письмо', ... *ek mukaddamatā khatm huā, to ab dūsrā cālī hone jā rahā hai* (B, G, 640) '... один судебный процесс завершился, а тут уже надвигается другой', *hamārā larkā Arun*. *vah ab tīn sāl kā hone jā rahā hai* (MR, A, 14) '[Это] наш сын Арун. Ему теперь исполняется три года'.

(8) Герундияльный инфинитив в форме на *-ne* с послелогом *ko* + глагол *hōtā* 'быть', 'становиться' (> 'собираться', 'проявлять готовность к скорому осуществлению') – ...*Nityabābū Dukhmosan ke pairō par girne ko hue* ... (N, D, 132) 'Нитьябабу был готов пасть к ногам Дукхмочана...', *uski ākhō tē āīye hue āī pīce girne ko ho rahe the...* (PL, 158) 'Выступившие на ее глазах слезы готовы были скатиться по щекам (букв. упасть вниз)...', *lo badhāt ho, tumhārā pariēram saphal hone ko hai* (S, TY, 7) 'Поздравляю, ваши старания не будут напрасны (≡ готовы принести свои

¹ Ср. конструкцию "*to be going* + инфинитив" в английском языке.

плоды)', *treñ chūtne ko thī ...* (N, D, 56) 'Поезд готов был вот-вот отправиться...'.

(9) Инфинитив + глагол *honā* 'быть', 'становиться' (> 'надлежать', 'следовать', 'предстоять', 'становиться необходимым в силу взятых обязательств, предварительной договоренности, принятой условности или в интересах успешного осуществления намеченного плана');

(9.1) при отсутствии прямопадежного оформления имени субъекта действия, когда субъект действия 'если он подлежит выражению) обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(9.1.1) с именем объекта действия в форме прямого падежа;

(9.1.1.1) с герундивным инфинитивом перед финитной формой глагола *honā*, согласуемой с именем объекта, — *iz vyakti ko kisī kes mē Polhorām se salāh lenī thī* (B, D, 21) 'Тому человеку необходимо было получить совет у Польхрама по какому-то судебному делу', *bas kī sītē rizav kar-vāne ke lie caprāstī ko rupaye dene hai* (PL, 100) 'Для того чтобы забронировать места в автобусе, надлежит дать деньги посыльному', *ise gharō tē jhātū denī hotī hai...* (KC, A, 85) 'Она должна подметать в домах...', *kuch zarū-rī kitābē bhī kharidnī thī* (BG, S, 394) 'Следовало купить также и несколько нужных книг'²;

(9.1.1.2) с герундиальным инфинитивом;

(9.1.1.2.1) при отсутствии согласования финитной формы глагола *honā* с именем объекта действия, когда данная форма совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода, — *tujhe ek hazār rupaye lēnā hai...* (NK, 1961, IX, 65) '[Если] тебе необходимо взять тысячу рупий ...';

(9.1.1.2.2) при согласовании финитной формы глагола *honā* с именем объекта действия — ... *aur bāyad ist̄lie Dar-šī ko rāt bhar jāgnā partā thā aur Šekobā ze naqarē curānā hotī ...* (B, D, 25) '... и, быть может, именно поэтому Дарши приходилось бодрствовать всю ночь и надлежало отводить глаза от Шекоши ...'.

Примеры, относящиеся к рубрике (9.1.1.2) [т.е. (9.1.1.2.1) и (9.1.1.2.2)], не столь уж типичны для современного литературного хинди. В урду, в частности в языке произведений С.Х. Манто, обычны предложения с согласованной финитной формой, т.е. отвечающие рубрике (9.1.1.2.2): ... *use Tāj Maḥal pikara ke ek film kī nigrānī karnā thī* (M, PP, 43) '... ему надлежало следить за производством одного из фильмов [компании] "Тадж Махал пикчарс"', ... *koī*

² Ср. постулируемый случай с инактивной формой герундивного инфинитива: *babhā bulāyī jānī hat* 'Собрание должно быть созвано' [26, с.546], когда возможность появления косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа для оформления субъекта действия вообще исключена.

davāxarīdnāthī (M, PP, 61) '... необходимо было купить какое-нибудь лекарство'.

Формальное различие между предложениями рубрик (9.1.1.2) и (9.1.1.1) сводится на нет при условии пересечения граммем "мужской род" — "единственное число" в имени объекта действия: *dākiye kābhikām postnāstar ko hīkarnā hotāthā* (N, D, 70) 'Почтмейстеру же надлежало также выполнять работу и почтальона';

(9.1.2) без имени объекта действия в форме прямого падежа, когда финитной формой глагола *honā* сопровождается герундияльный инфинитив, — *tujhē das baje fāinten painbanāne vālīek faiktrītmē* rāhūcnāthā (NK, 1961, X, 34) 'В десять часов мне следовало прибыть на фабрику авторучек', *unhē abhīek-do marīzōke ghar jānāthā* (PL, 125) 'Ему еще предстояло посетить на дому нескольких больных'; *hatēšikgāke dvārātānāvātāko jagānāhai* (Si, 111) 'Посредством просвещения мы должны пробудить человечность' (содержащееся в данном примере имя объекта действия, названного стоящим в форме инфинитива глаголом, оформлено послелогом *ko: tānavtāko*);

(9.2) с именем субъекта действия, выступающим в форме прямого падежа, — *tīsre caranmēbapraileko Nayē Dillēt mēvansad ke sāttēek jan-satyāgrah honāthā* (JY, 28.XII.1975, 43) 'На третьем этапе 6 апреля должна была состояться массовая сатьяграха перед зданием парламента в Нью-Дели', ... *parjīt to merīhīhonīthī* (B, D, 11) '... но победе суждено было быть моей'. (В обоих приведенных примерах налицо герундивный инфинитив, сопровождаемый согласуемой с именем субъекта финитной формой глагола *honā*.)

(10) Инфинитив + глагол *raṭā* 'падать', 'случаться' (> 'приходитьсья', 'становиться необходимым в силу внешних по отношению к субъекту-лицу и независимо от него сложившихся обстоятельств'). Субъект действия, названного стоящим в форме инфинитива глаголом, обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(10.1) с именем объекта действия в форме прямого падежа;

(10.1.1) с герундивным инфинитивом перед финитной формой глагола *parnā*, согласуемой с именем объекта, — *dāktar Dev ko moṭar roknīraṭī* (AP, D, 93) 'Доктору Дэву пришлось остановить автомашину', *ākhir tujhēghosnākarnīraṭī* (KC, G, 76) 'Наконец я был вынужден сделать заявление', *yāhāārātākebadlekosnesunnepaṭtehai* (P, N, 35) 'Здесь вместо отдыха приходится выслушивать брань';

(10.1.2) с герундияльным инфинитивом;

(10.1.2.1) при отсутствии согласования финитной формы глагола *raṭā* с именем объекта действия, когда данная форма совпадает с формой 3-го лица единственного числа мужского рода, — *tumko kitāblānāraṭegā* [98, с.483] 'Вам придется принести книгу';

(10.1.2.2) при согласовании финитной формы глагола *raṭmā* с именем объекта действия — *aur do varṣa kī āyu tē hī iše bājre kī roṭī khānā partī hai* (КС, А, 84) '... и уже в двухлетнем возрасте ему приходится есть просыпные лепешки', *tum ko kitāb lānā raṭegī* [98, с.483] 'Вам придется принести книгу'.

Предложения, подводимые под рубрику 10.1.2 [т.е. (10.1.2.1) и (10.1.2.2)], не являются для литературного хинди типичными. Однако предложения, отвечающие рубрике (10.1.2.2), шире представлены в произведениях на урду ряда авторов (С.Х.Манто, Исмат Чугтаи, Курратуль-Айн Хайдар): ...*inhē uskī gāliyā aur ghūrkiyā sahnā raṭī hāī* (М, РР, 98) '... им приходитсяносить его брань и угрозы', *in cīzō ke banāne tē inhē bhī mehnat denā raṭī thī* (Су, 99) 'В процессе изготовления этих вещей им тоже пришлось приложить свои усилия', *iše arpit zindagī tē aj tak itnī bartmandgī nañī uṭhānā raṭī thī* (QH, А, 434) 'До сего дня ей никогда в жизни не приходилось испытывать такой стыд'.

При выражении значения единственного числа применительно к существительному мужского рода формальное различие между предложениями рубрик (10.1.1) и (10.1.2) оказывается сведенным на нет: *yañā tujhe bahut bañā parīśram karnā raṭā* (КС, Г, 22) 'Здесь мне пришлось выполнять колоссальную работу';

(10.2) без имени объекта действия в форме прямого падежа, когда финитной формой глагола *raṭmā* сопровождается герундияльный инфинитив, — *abkī Sudhā ke sāth Nirmala ko ānā raṭā* (Р, Г, 162) 'На этот раз Нирмала была вынуждена приехать вместе с Судхой', *tujhe pachṭānā raṭegā* (С, ТУ, 272) 'Придется тебе раскаиваться', *tumhē vivāḥ ho tujhī ko sundartā kī rānī cunnā raṭegā* (КС, Г, 140) 'Именно меня вам поневоле придется избрать королевой красоты'.

(11) Инфинитив + предикативное наречие *cāhiye* (< *cāhnā* 'хотеть', 'желать') 'желательно', 'нужно', 'надо', 'следует' [+ глагол *honā* в форме простого имперфекта];

(11.1) с обычным инфинитивом, или инфинитивом активного залога;

(11.1.1) при отсутствии прямопадежного оформления имени субъекта действия, когда субъект действия (если он подлежит выражению) обозначается именем (или местоимением) в форме косвенного падежа с послелогом *ko* либо местоимением в форме объектного падежа;

(11.1.1.1) с именем объекта действия в форме прямого падежа;

(11.1.1.1.1) с герундивным инфинитивом, когда форма простого имперфекта от глагола *honā* согласуется с именем объекта, а *cāhiye* (*cāhiie*) может принимать согласуемую форму множественного числа — *cāhiyē* (*cāhiē*), *inhē zarūrat par merī madad karnī hī cāhiie* (В, Г, 445) 'Им ведь следует оказывать мне помочь в случае необходимости', *hamē ruk*

kar larnā cāhie, aur inkē ghore chīn lene cāhie (Aj, A, 37) 'Нам нужно остановиться, завязать бой и отбить у них лошадей', ... *ive Bambāl ke bacce dekhne cāhiē* (KC, S, 128) '... ему нужно видеть бомбейских детей', ... *ive Yūrop se ḫne ke bād hī yahā do-ek pradarśan kar dene cāhiē the* (MR, A, 186) '... по прибытию из Европы ей следовало [бы] устроить здесь несколько выставок', *tumhē aj ye sab bātē nāhī karnī cāhiē thi* (MR, A, 423) 'Сегодня тебе не следовало говорить все это';

(11.1.1.1.2) с герундиальным инфинитивом;

(11.1.1.1.2.1) при отсутствии показателей согласования с именем объекта действия у формы простого имперфекта от глагола *honā* и/или у *cāhiye* (*cāhie*) – ... *inkē ha-māre ghar ḫnā cāhie thā, pitājī ve bāt karnā cāhie thā?* (BG, S, 162) '... [разве тогда] им нужно было приходить к нам в дом и вести с отцом беседу?', *tijhē inkē vevā karnā cāhiye thā* [98, с.482] 'Мне нужно было ухаживать за ними', ... *ab tijhē is prakār kī bātē socnā bhī nāhī cāhie ...* (S, TY, 125) '... теперь мне не подобает даже думать о подобных вещах ...', *islie mitti khānā cāhie* (NK, 1961, VI, 10) 'Поэтому нужно есть землю';

(11.1.1.1.2.2) при появлении таких показателей – *tijhē inkē vevā karnā cāhiye thi* [98, с.482] 'Мне нужно было ухаживать за ними' (см. пример из урду: *aīt̄ choṭ̄i choṭ̄i cīṭ̄e to tumhē xud dho lenā cāhiyē* 'Такие мелкие вещи вам нужно постирать самим' [31, с.71]);

Предложения, подпадающие под рубрику (11.1.1.1.2), не столь характерны для хинди, как предложения рубрики (11.1.1.1.1). Формальное различие между предложениями обеих рубрик сводится на нет при условии пересечения граммем "мужской род" – "единственное число" у имени объекта действия: *śānt rāhne kā abhyās karnā cāhiye* (Si, 20) 'Надо уметь сохранять спокойствие', *Rambhā ko tumhē samay denā cāhie* (NK, 1961, XI, 115) 'Рамбхе вы должны предоставить время';

(11.1.1.2) без имени объекта действия в форме прямого падежа, когда *cāhiye* (вместе с формой простого имперфекта от глагола *honā* или без нее) следует за герундиальным инфинитивом, – *tumhē to kīsī bāzī-sī mil kā mainejar honā cāhie thā* (MR, A, 67) 'Вам следовало бы быть управляющим на какой-либо крупной фабрике', *śāraṇārthiyō ke ad-hikārō kī rakṣā ke līye kyā hamē daṭ̄ kar na lāgnā cāhiye?* (KC, A, 17) 'Разве нам не следует решительно выступать в защиту прав беженцев?', ... *hamē is bāt ko bhūl jānā cāhie* (MR, A, 437) '... нам нужно забыть об этом', *vyaktigat jhagṛō ko mol na lenā cāhiye ...* (Si, 20) 'Надо избегать личных ссор...';

(11.1.2) с именем субъекта действия в форме прямого падежа;

(11.1.2.1) с герундивным инфинитивом, когда форма имперфекта от глагола *honā* согласуется с именем субъек-

та, а *cāhiye* (*cāhie*) может принимать согласуемую форму множественного числа — *cāhiyē* (*cahiē*), — *tumhārī rāy mē kitnī tankhvāh mahriyō ko milnī cāhiye?* (N, D, 80) 'А какое, по нашему мнению, жалованье должны получать служанки?', *aīsī jagah kam ve kam tīn ādmī hone cāhiē* (Y, VD, 331) 'В таком месте нужно находиться по меньшей мере трем человекам', *pahinne ke vastra āvātī ve cāphne utarne vāle hone cāhiē* [98, с.271] 'Одежда, предназначенная для ношения, должна легко надеваться и сниматься', ... *ek ālīśān koṭīt unhē yañā bhī milnī cāhiē thī* ... (KC, G, 9) '... и здесь тоже ему должен был достаться великолепный особняк ...', *hamārī senāē ... pāhūc jānī cāhiē thī* (G, DR, 61) 'Нашим войскам ... следовало прибыть ...';

(11.1.2.2) с герундиальным инфинитивом [возможность такого случая, совсем не типичного для хинди, подсказывается примером из урду — ... *hal-cal* масnā cāhiye thī... (P, Gd, 202) '... сумятица должна была возникнуть...', где форма *thī* от глагола *honā* является показателем отнесения существительного *hal-cal* к существительным женского рода];

(11.1.2.3) с инфинитивом, в котором сведено на нет различие между его герундивным и герундиальным употреблением вследствие выражения значения единственного числа существительным мужского рода — именем субъекта, — *yañā tum ko kisī kisī kā ḍāg nañī lagnā cāhiē* (G, DR, 213) 'Здесь вы не должны испытывать никакого страха', *āj to kāī tušāyārā honā cāhiē thā* (P, G, 95) 'Сегодня следовало бы быть состязанию поэтов', ... *Avadh ke takhtotāj kā mālik donō or se ālā khāndān kā honā cāhiē* (AN, S, 55) '... владыка престола Аудха должен быть высокого происхождения по обеим линиям'.

Данная рубрика обязана своим появлением выделению рубрики (11.1.2.2); практически же — если учесть нетипичность для хинди предложений, которые могли бы быть отнесены к рубрике (11.1.2.2), — ее предложения едва ли стоит отличать от предложений рубрики (11.1.2.1) и дробить единую рубрику (11.1.2) на более частные;

(11.2) с инактивным инфинитивом, т.е. инфинитивом в форме инактивного залога;

(11.2.1) с герундивным инфинитивом, согласуемым со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия, — ... *ganne kī khetī nāl bhūti par kī jānī cāhiē* (HN, 170) '... возделывание сахарного тростника должно производиться на новых землях', ... *śartō mē parivartan kā savāl nañī uthāyā jānā cāhiē* (JY, 27.VI.1974, 1) '... вопрос об изменении условий не должен подниматься';

(11.2.2) с герундиальным инфичтивом — ... *apīl ko svīkār kiyā jānā cāhiē* ... (JY, 12.VIII.1975, 1) '... апелляцию следует удовлетворить ...' (в данном примере имя объекта действия, представленное существительным женского рода *apīl* 'апелляция', имеет при себе послелог *ko*).

С учетом семантики предложений, подпадающих под общие рубрики (9), (10) и (11), **репрезентируемые этими предложениями конструкции принято именовать конструкциями дополнствования.**

В зависимости от того, какой лексической единицей сопровождается имеющийся в составе таких предложений инфинитив, в их употреблении обнаруживаются следующие закономерности:

1) предложениям с *ratnā* [см. рубрику (10)] в отличие от предложений с *honā* и *cāhiye* [см. рубрики (9) и (11)] не свойственно включать имя субъекта в форме прямого падежа;

2) для предложений с *cāhiye* [см. рубрику(11)] в отличие от предложений с *honā* и *ratnā* [см. рубрики (9) и (10)] характерна способность принимать инфинитив в форме инактивного залога.

В плане семантики предложения с *ratnā* отличаются таким смысловым моментом, как "подчинение субъекта-лица внешним обстоятельствам", т.е. значением вынужденной необходимости; предложения с *cāhiye* – способностью указывать на желательность осуществления действия и/или на его сообразность с обстановкой; предложения с *honā* – нацеленностью на выражение таких значений, как обязанность или обусловленная факторами субъективного свойства (договоренностью, взятыми обязательствами) необходимость осуществления действия субъектом-лицом, необходимость как нечто предстоящее или предусмотренное, диктуемая логикой вещей неизбежность.

Сказанное следует дополнить некоторыми частными замечаниями, касающимися семантических особенностей предложений:

1) прямой падеж имени является показателем инактивности обозначенного данным именем субъекта действия (именно поэтому косвенным падежом с послелогом *ko* оформляется по преимуществу имя субъекта-лица);

2) для предложений, в которых *cāhiye* сопровождается формой имперфекта от глагола *honā* (т.е. *thā*, *the*, *thī*, *thī*), характерна способность указывать при определенных условиях на то, что действие, которое должно было осуществиться, не осуществилось, или (в случае наличия отрицательной частицы) что действие, которому не надлежало быть осуществленным, на самом деле имело место, — *āj to šikār khelne ke lāyak din nañi hāi*. *āj to koñ tiseñayārā honā cāhiye thā* (Р, G, 95) 'Сегодняшний день не подходит для охоты. Сегодня следовало бы быть состоянию поэтов', '*tumhē īj ye sab bātē nañi karnī cāhiē thī*', *uske cale jāne par māi ne Harbans se kahā* (MR, A, 423) '"Сегодня тебе не следовало говорить [ай] все это", – сказал я Харбансу, когда она ушла'; в этой связи показательно утверждение Ш.К.Вермы [141, с.129], что *ise kal vahā jānā cāhiye thā* означает *vah nañi gayā*, а *ise nañi jānā cāhiye thā* означает *vah gayā* [ср., однако, пример, где "семантический компонент нереальности", о котором говорит Ш.К.Верма, отсутствует: ... *ek alīsān koñhē unhē yahā bhī milnī cāhiye thī, so bhagvān kī kṛpā se unhē Sayyad Karāmat Alt ūhā kī nañi banī-banāt koñhē mil gañ* (KC, G, 9) '... и здесь тоже ему должен был достаться великолепный особняк, вот по божьей милости ему и достался только что выстроенный особняк Сейида Карамат Али Шаха'];

3) предложения, в которых за инфинитивом следует глагол *honā* в форме будущего времени, могут семантически сближаться с предложениями, содержащими после инфинитива глагол *ratnā*, благодаря приобретаемой ими способности указывать на категорическую необходимость

мость, исключающую невыполнение подлежащего осуществлению действия, — ... *kanyā-pāṭhālā bārī buri hālat mē hai*, *iskī vyavasthā kā bhār āp ko sābhālnā hogā* (N, D, 162) '... школа девочек находится в бедственном положении. Вам предстоит нести бремя управления ею' (данное явление отмечено Ш.К.Вермой [141, с.133], который отрицает допустимость таких высказываний, как *Mohan ko jānā hogā par vah naī jāegā* и *Mohan ko jānā paregā par vah naī jāegā*, противопоставляя их принимаемым за правильные высказывания: *Mohan ko jānā cāhiye par vah naī jāegā* и *Mohan ko jānā hai par vah naī jā sakegā*);

4) отрицание, относящееся к модальному компоненту смысла (т.е. выражение значения "не следует" и т.п.), обычно передается предложениями с *cāhiye*, причем для отрицательной частицы (*naī* или *na*) нормальной является позиция перед инфинитивом (в том числе и перед инфинитивом инактивного залога), — *tumhē āj ye sab bātē naī karnī cāhiē thī* (MR, A, 423) 'Сегодня тебе не следовало говорить все это', *phir mere pati ko kisē kā naukar na honā cāhiye* (NK, 1962, I, 103) 'А еще мой муж не должен быть чьим-либо слугой', ... *śartō mē parivartan kā savāl naī uṭhāyā jānā cāhiye* (JY, 27. VI.1974, 1) '... вопрос об изменении условий не должен подниматься'.

Предложения рубрики (11.2.1) можно считать принадлежащими инактивно-объектной конструкции, предложения рубрики (11.2.2) — инактивно-нейтральной конструкции, предложения рубрик (9.2) и (11.1.2) [включая (11.1.2.2)], где инфинитив не "отягощен" именными признаками — активно-субъектной конструкции.

Своебразием отличаются все другие предложения, относимые к конструкциям долженствования, а именно предложения, в которых есть инфинитив, не характеризующийся формой инактивного залога, и нет формы прямого падежа имени субъекта действия, обозначенного стоящим в форме инфинитива глаголом. Они распадаются на четыре серии, каждая из которых объединяет предложения с *honā*, *ratnā* и *cāhiye*:

(а) предложения, в которых все компоненты осложненного предикативного центра согласуются с именем объекта действия, стоящим в форме прямого падежа [см. рубрики (9.1.1.1), (10.1.1) и (11.1.1.1.)];

(б) предложения, в которых компоненты предикативного центра не согласуются со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия [см. рубрики (9.1.1.2.1), (10.1.2.1) и (11.1.1.1.2.1)];

(в) предложения, в которых согласование со стоящим в форме прямого падежа именем объекта действия распространяется только на тот компонент осложненного предикативного центра, который следует за инфинитивом [см. рубрики (9.1.1.2.2), (10.1.2.2) и (11.1.1.1.2.2)];

(г) предложения, в которых отсутствием имени объекта в форме прямого падежа имплицируется герундияльное использование инфинитива [см. рубрики (9.1.2), (10.2) и (11.1.1.2)].

Для предложений этих серий существенным в конструктивном отношении является, во-первых, то, что имя субъекта оформляется косвенным падежом с послелогом *ko* или (что может касаться только местоимений) объектным падежом, и, во-вторых, то, что оформление инфинитива как компонента предикативного центра подчиняется тем же правилам, что и оформление инфинитива при его сочетании в составе предикативного центра с перфективной формой таких глаголов,

как, например, *śury* (*ārambh*) *kartā* и *cāhnā* [см. выше рубрики (1.1.1.) и '(2.1.1), (1.2.2.1.1) и (2.2.2.1.1), (1.2.2.1.2) и (2.2.2.1.2), (1.2.1.1) и (2.2.1.1)].

Таким образом, форма косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа служит, как и послеложно-падежная форма на *ne*, для выражения функционального значения субъекта действия, а именно субъекта такого действия, которое обозначается стоящим в форме инфинитива глаголом. Однако если послеложно-падежная форма на *ne* находится в отношении дополнительного распределения с формой прямого падежа, служащего для выражения того же функционального значения, в связи с различием форм перфективных и форм неперфективных в рамках определенного подмножества глаголов, к которому, в частности, принадлежат *śury* (*ārambh*) *kartā* и *cāhnā*, то форма косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа дополнительным распределением подобного рода не характеризуется. Поэтому имя субъекта действия, оформленное косвенным падежом с послелогом *ko* или объектным падежом, не следует считать подлежащим предложений, воплощающих конструкции долженствования. (Ср. точку зрения Камтапрасада Гуру на такое имя как на подлежащее [98, с.523].)

Рассматривать такое имя как особого рода дополнение (ср. точку зрения В.А.Чернышева, согласно которой такое имя – дополнение адресата [77, с.94]) тоже не представляется возможным, поскольку сочетания инфинитива с *hōnā*, *rāgā* или *cāhiye* не трактуются на-ми как особого рода сложные глаголы (ср. бытующую точку зрения на такие сочетания как на сложные глаголы [95, с.178; 98, с.313]) и не расцениваются как особые финитные формы глаголов (ср. точку зрения К.Ч.Бахля на сочетания инфинитива с формами глагола *hōnā* как на регулярные члены парадигмы спряжения глаголов [85, с.234–237; 84, с.342]).

Имеются основания думать, что использование формы косвенного падежа с послелогом *ko* или объектного падежа для наделения имени (имени существительного или субстантивного местоимения) семантической функцией субъекта действия предопределяется составом предикативного центра, а именно тем, что за инфинитивом следует лексическая единица, не обладающая ни признаком агентивности, ни признаком переходности (известную оговорку можно сделать относительно *cāhiye*, поскольку *cāhiye* восходит к *cāhnā*). Отсюда вытекает не-обходимость трактовать это имя как компонент структурно-семантического каркаса предложений, воплощающих конструкции долженствования, а именно как детерминант с функциональным значением субъекта.

Правомерность такой трактовки подкрепляется наличием в хинди предложений следующих двух видов, где указание на необходимость или долженствование заключено в определенных лексемах:

1) *āp ko yah svāg bharne kī kūd zarūrat thī?* (КС, G, 37) 'Зачем Вам понадобилось так притворяться?', *so, is savāl ke bāre mē ārko cintā kartne kī zarūrat nañī rāregī* (BG, S, 106) 'У Вас, таким образом, не возникнет необходимости беспокоиться по этому поводу' (см. *zarūrat* 'необходимость');

2) ... *inhe kātī jal-vāyu badalne ke lie jānā zarūrī hai* (P, N, 126) '... ему для перемены климата необходимо куда-нибудь поехать', ... *Rāj ko sevāvrat mē dopahar se pahle hī rāhīc jānā āvaśyak thā* (Y, Dd, 97) '... Радж еще до полудня должна была прибыть

в "обитель служения" (см. прилагательные *zat̄yrt̄* и *ānabyak* 'необходимый').

Остается открытым вопрос о том, какова синтаксическая функция имени объекта в предложениях серий (а) и (в). Поскольку модальный компонент смысла этих предложений [как и предложений серии (б), и тех предложений серии (г), в которых имеющееся имя объекта оформлено косвенным падежом с послелогом *ko* или местоименным объектным падежом] не имеет прямого отношения к содержательной стороне данного имени, появление которого обусловлено валентностью представленного инфинитивом глагола, поскольку отмеченные выше факты согласования с именем объекта не могут служить достаточным основанием для того, чтобы принимать это имя за подлежащее. Более правомерной представляется трактовка этого имени [равно как и имени объекта в предложениях серий (б) и (г)] как прямого дополнения.

Однако в качестве структуры, исходной для формирования предложений всех четырех серий (особенно предложений с *honā* и *rātā*) следует рассматривать активно-субъектную конструкцию предложений с детерминантом *N-ko*, имеющим семантическую характеристику или субъекта, оказывающегося в зависимости от исходящих извне установок либо волеизъявления другого лица (других лиц), или субъекта, чье состояние определяется внешними факторами объективного свойства (см. выше, с.33–34). В соответствии с этим инфинитив предложений серии (а), т.е. герундивный инфинитив, должен возводиться к инфинитиву – субъекто-квалифицирующему компоненту предложения (*Sītā ko cītīt̄ parhīt̄ hai* 'Сита должна читать письмо' <'Сите есть письмо должествующим быть прочитанным'>), а инфинитив предложений серий (б) и (г) – к инфинитиву-подлежащему, реализующему субъектную валентность глагола. В предложениях же серии (в) за инфинитивом сохраняется исходный статус глагольного компонента составного глагольного сказуемого.

(12) Глагольное прилагательное (в форме активного залога) + глагол *honā* 'быть', 'становиться' (обычно в форме простого презенса или простого имперфекта) в связи с указанием на близкое осуществление предстоящего действия – *mis Latikā jaldī kījīe, bāriš ūrū hone vālī hai* (PL, 121) 'Поторапливайтесь, мисс Латика. Вот-вот начнется дождь', *us rāt ham Banāras se vidā ho rāhe the. hamārī trenē ādhī rāt ke bād rāvātā honevālī thi* (NK, 1961, XII, 65) 'В тот вечер мы расставались с Бенаресом. Наши поезда отправлялись после полуночи', *us din nagarī ke sabhī pratiṣṭhit nagarvāsi āne vāle the* (HD, B, 239) 'В тот день ождалось прибытие всех почтенных жителей городка' (или '... все почтенные жители городка готовы были прибыть').

(13) Герундий (в форме активного залога) + глагол *cāhna* 'хотеть', 'желать' (обычно в форме настоящего общего времени) в связи с указанием на предстоящее действие как на непосредственно наступающее – *abhī għantī ba jācā htī hai* (NK, 1962, VII, 22) 'Вот-вот раздастся звонок', *āth ba jācā cāhte hāi* (Y, VD, 195) 'Скоро [будет] восемь [часов]', ... *tuāmlā sangin huā cāhtā hai* ... (P, M-4, 69)

'... дело принимает серьезный оборот ...', *Bhajan bht̄ āyā h̄t̄ cāhtā hai* (Y, Dd, 282) 'Да и Бхаджан вот-вот придет'.

Предложения, подпадающие под рубрику (13), по передаваемому ими значению в общем совпадают с предложениями рубрик (7), (8) и (12).

Показательно то, что предикативные центры, свойственные всем таким предложениям, встречаются в первой части сложных предложений при сообщении о действии, не успевшем осуществиться к моменту наступления другого действия, о котором говорится во второй части, вводимой союзом *ki*, например: *ghar lautkar vah pānt̄ kā ghīt̄ riyā h̄t̄ cāhtā thā ki Rahīmgul kā ghīsbā iekī gardan par ā parā ...* (Y, Dd, 46) 'Вернувшись домой, он не успел выпить и глотка воды, как получил от Рахимгулы удар кулаком по шее ...', *māi kuch kahne jā rahā thā ki pati bīc mēbole ...* (JK, K, 11) 'Только я собирался (≠ Не успел я) сказать, как [ее] супруг проговорил ...', *māi uttar dene h̄t̄ ko thā ki sāmte se Pāro ītt̄ dikhāt̄ dī* (KC, S, 97) 'Не успел я ответить, как впереди показалась приближающаяся Паро', *māi lauṭne h̄t̄ vālā thā ki āp lautte hue nazar āye* (P, M-4, 301) 'Я собирался уже отправиться в обратный путь, как [вдруг] увидел, что он сам возвращается'.

Отмеченная синонимия распространяется в рамках структуры сложного предложения и на случаи с предикативным центром предложений рубрик (2), (4) и (5): *āsīt̄ jānā h̄t̄ cāhtī thī ki mahārāj ne use rupnāh īkarṣit̄ kiyā ...* (U, SA, 86) 'Служанка хотела было идти, как махараджа снова привлек ее к себе ...', *bīrīhā kuch uttar dene lagā thā ki use khāsīt̄ kā daurā huā* (A, VP, 13) 'Старик уже готов был ответить, как его одолел приступ кашля', *Dhanīyā abhī kuch kahne na pāyī thī ki vah phir cal dī ...* (P, G, 153) 'Не успела Джания что-либо сказать, как она (Пунни) снова [куда-то] пошла ...'.

(14) Простое адвербиальное причастие (как правило, имперфективное) + глагол *bannā* 'делаться', 'становиться';
(14.1) с формой глагола *bannā*, согласуемой с именем объекта действия, обозначенного стоящим в форме причастия глаголом, — ... *par usse kisī bhāti bhī kāthortā prakat̄ karte na bantī ...* (JK, S, 83) '... но она никак не могла проявить твердость ...', *usse duhkī ke māre bāt bhī karte na hīt̄ ban rahī thī* (AY-1, 12) 'Она от огорчения не могла даже говорить';

(14.2) с нейтральной формой глагола *bannā*, совпадающей с формой 3-го лица единственного числа мужского рода;

(14.2.1) при наличии имени объекта действия в форме прямого падежа — *bece ke liye pukār lagāte na bantā thā* (Y, VD, 490) '[Ему] было невмочь зазывать покупателей' (см. *pukār* 'зов' — существительное женского рода), *rotī huī larkī kī or ākh uṭhāte na bantā thā* (Y, DB, 111) '[Тара] не могла смотреть на плачущую девочку' (см. *ākh* 'глаз' — существительное женского рода, *uṭhānā* 'поднимать');

(14.2.2) при отсутствии имени объекта действия в форме прямого падежа — ... *usse bolte bhī na hīt̄ ban raṭ̄ rahā*

thā (Y, VD, 525) '... она была не в силах даже говорить';
... *Daljīt kī bāt se nikalte na bantā thā* (AN, S, 391) '[На-
сируддин] никак не мог не считаться с мнением Дальджи-
та'.

Подобные предложения характеризуются при условии наличия отрицательной частицы при глаголе *bantā* значением причинно обусловленной неспособности субъекта осуществить действие, относящееся к сфере его (субъекта) волеустремления. Без отрицательной частицы передается значение реализации действия в меру имеющихся у субъекта возможностей: *ghūr lēge jitnā unse ghürte banegā* (P, N, 143) 'Будет плятить глаза сколько ему влезет'. Однако Камтапрасад Гуру указывает также на выражение значения зависимости или вынужденности (*parādhintā vā vivasṭā*), приводя такой пример: *usse āte banā* 'Он вынужден был прийти' [98, с.321].

Имя субъекта действия, обозначенного стоящим в форме причастия глаголом, обычно оформляется косвенным падежом с послелогом *se*. Оформление имени субъекта косвенным падежом с послелогом *ko* (или местоименным объектным падежом) служит, о чем можно судить по приводимым в лингвистической литературе примерам, передаче значения зависимости или вынужденности: *bihīyā ko vahā se hatte hī banā* 'Старухе пришлось убраться оттуда' [63, с.265], *kāzī ko yahtī hukm dete banā* [98, с.511] 'Судья был вынужден вынести именно этот приговор'.

Имя субъекта играет в рассмотренных предложениях роль детерминанта, семантически близкого или агентивному дополнению, связанному с глаголом в форме инактивного залога, или (в случае оформления косвенным падежом с послелогом *ko*) детерминанту с функциональным значением субъекта в конструкциях долженствования. Встречающееся имя объекта целесообразно трактовать как прямое дополнение не только в предложениях рубрики (14.2), но и в предложениях рубрики (14.1).

Формальное различие между предложениями рубрики (14.1) и (14.2.1) сводится на нет, если именем объекта является существительное мужского рода, характеризующееся граммемой единственного числа: *isve hār chōrte na bantā thā* (SLK, 125) 'Он был не в силах расстаться с ожерельем' (см. *hār* 'ожерелье' — существительное мужского рода) *isve kuch uttar dete na banā* (AY-1, 41) 'Она не смогла дать ответ' (см. *uttar* 'ответ' — существительное мужского рода).

(15) Деепричастие (в краткой форме) + глагол *saknā* 'мочь', 'быть в состоянии';

(15.1) с деепричастием в форме активного залога при манифестиации активно-субъектной конструкции — *ab tū jā saktā hai* (NK, 1961, X, 37) 'Теперь ты можешь идти', *le-kin Jamnā bāt ek bħt bāt na kah sakī* (NK, 1961, VIII, 25) 'Но Джамна-бай не смогла вымолвить ни единого слова', *Dev ab lauṭ naħiż saktā thā ...* (AP, D, 59) 'Теперь Дэв вернуться не мог ...';

(15.2) с деепричастием в форме инактивного залога;

(15.2.1) в составе инактивно-объектной конструкции — ... *jħoppre mē din kātē jā sakte hái ...* (P, N, 54) '... в

лачуге могут быть проведены дни ...', ...*parantu vah na rakrā jā sakā* ... (S, TY, 168) '... но его поймать не удалось ...', *vetan us din bātā na jā sakā* (S, TY, 59) 'Жалованье в тот день выдать было нельзя', *iskē saldh kē ipekā na kī jā sakti thī* (P, G, 91) 'Его советом нельзя было пренебрегать';

(15.2.2) в составе инактивно-нейтральной конструкции—...*to unhe kisē samay bhī naukarī se alag kiyā jā saktā hai* (KC, G, 43) '... то их в любое время можно уволить со службы'.

(16) Деепричастие (в краткой форме) + глагол *cuknā* 'кончаться', 'оканчиваться' в связи с выражением значения завершенности (прекращения) действия, достигшего полной меры своего проявления;

(16.1) с деепричастием в форме активного залога в ходе манифестиации активно-субъектной конструкции — *rāt bīt cukī thī* (Aj, A, 138) 'Ночь уже прошла', *klark ghar jā cuke the* (S, TY, 59) 'Чиновники уже ушли домой', *mistar Singhā tumhāre bāre mē do bār pūch cuke hāī* (Y, DB, 97) 'Мистер Синха уже два раза спрашивался о вас', *māī is praśna kā uttar pahle de cukā hū* (KC, G, 69) 'Я уже раньше дал ответ на этот вопрос';

(16.2) с деепричастием в форме инактивного залога — *vivāh ke mantra paṛhe jā cuke the* (AP, D, 72) 'Были уже прочитаны свадебные мантры', ... *up mē se cāy rī jā cukī hai* (AP, D, 13) '... чай из них (чашек) уже выпит' (приведенными примерами представлена инактивно-объектная конструкция).

(17) Глагольная основа + глагол *pānā* 'получать' в связи с выражением потенциального значения, которое в зависимости от наличия или отсутствия отрицательной частицы проявляется или как невозможность осуществления действия, обусловленная внешними обстоятельствами, или как реализация предоставившейся в силу внешних обстоятельств возможности осуществления действия, нередко приобретая дополнительные оттенки ("удаваться", "успевать" в негативном или позитивном плане), — *Lakkhī sīdhe leṭ na pā ga-hī thī* ... (Y, VD, 524) 'Лежать прямо Лаккхи не могла ...', *maiḍān mē baīthe hue log so nahī pāye the* (Aj, A, 91) 'Сидевшим на площади людям уснуть так и не удалось', *māī ab tak iskā mirāj nahī samajh pāyā* (P, G, 90) 'Мне пока не удалось понять ее характер', *māī bahut kaṭhināt se aprā māī khol pāyā* (MR, A, 484) 'Я еле-еле открыл рот', "*māī hāī*" *Bhuvan itnā hī kah pāyā* (Aj, N, 33) '"Есть смысл", — только и успел сказать Бхуван', ... *aur us kothrī tak sūrya kā prakāś kabhī nahī ā pātā thā* (Aj, A, 48) '... и до этой каморки солнечный свет не доходил'.

Во всех приведенных выше предложениях рубрики (17) представлена активно-субъектная конструкция, что обусловлено утратой глаголом *rāpā*, сочетающимся с основой глагола, синтаксического признака агентивности. Однако для случаев с основой от переходных глаголов, предшествующей перфективным формам глагола *rāpā*, нельзя исключать возможность оформления имени субъекта послелогом *ne*, что подтверждается следующими примерами, воспроизводящими активно-объектную конструкцию: *tere viśay tē Rājārām ne aīst kyā ēkāyat sun rāyī hogī?* (Y, Dd, 287) 'И что за жалобу на меня мог услышать Раджарам?', *mātī ne uskā nāt pahī pūch rāyā* (Sa, K, 26) 'Я не успел спросить ее имя'. Как видно из приведенных примеров, отрицательная частица может занимать место как непосредственно перед основой, так и перед финитной формой глагола *rāpā*.

Предикативный центр отмеченного состава встречается в первой части сложных предложений при сообщении о действии, не успевшем осуществиться к моменту наступления другого действия: *sīpāhī lauṭ-kar naḥī ā rāye the ki ghāyal kā prāntānt ho gayā* (VV, M, 458) 'Не успели воины возвратиться, как раненый уже умер', *Sukhādā kuch kah bhī naḥī rāyī thī ki yuvak bhītar calā āyā* (Aj, A, 125) 'Не успела Сукхда что-либо сказать, как вошел юноша'. Тем самым расширяются рамки той синонимии, о которой говорилось в одном из предыдущих примечаний (см. с.87).

Существуют также предложения, в которых над одним из перечисленных центров "надстраивается", подчиняя его себе", другой предикативный центр, определяющий модальный и временной план высказывания: *Rāj iue jāne naḥī denā cāhtī* (Y, Dd, 314) 'Радж не хотела ее отпускать' [(6) + (2)], ... *mātī āp se darnā ārambh karnā cāhtā hū* (JK, K, 53) '... я хочу начать бояться вас' [(1) + (2)], *rājkaṇyā kahnā cāh-ne lagī ...* (JK, S, 11) 'Принцесса захотела сказать ...' [(2) + (4)], ... *mātī kabhī bhī tasvīrē banānā šurū kar sak-tā hū ...* (NK, 1962, VII, 80) '... я смогу рисовать картины ...' [(1) + (15)].

Глава III

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ КАК ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

В речевой цепи знаменательные слова объединяются синтаксической связью. Двумя основными, четко противопоставленными друг другу видами синтаксической связи между знаменательными словами являются сочинительная связь (сочинение) и подчинительная связь (подчинение).

Сочинительная связь характеризуется равноправием связываемых компонентов относительно друг друга и их функциональной тождественностью, обусловленной одинаковым отношением каждого из компонентов и всей группы компонентов в целом к определенному элементу (или фрагменту) остальной части речевой цепи. В своем возникновении сочинительная связь как таковая не опирается на различия в категориальных свойствах слов, вытекающие из принадлежности последних к разным частям речи.

Объединение слов сочинительной связью иллюстрируют следующие примеры: *dukān aur makān* 'лавка и дом', *kām hī naḥī*, *pratyut karttavya* 'не только обязанность, но и долг', *nihsaḥāy aur nirāśrit* 'беспомощный и беззащитный', *mrdu kintu ḍṛgh* 'нежный, но твердый', *cār yā ḫṭh* 'четыре или восемь', *dekhṭā hai aur hāstā hai* 'видит и смеется', *na badalnā, na sīkhnā* 'не изменяться, не учиться'.

Выражению сочинительной связи служат союзы, которые в соответствии с их назначением принято называть сочинительными. Они обеспечивают в рамках сочинения дифференциацию смысловых отношений между словами, таких, в частности, как соединительные, противительные, раздельные, градационные отношения (см. в вышеупомянутых примерах союзы *aur* 'и', *kintu* 'но', *yā* 'или', *pratyut* 'более того').

Бессоюзная сочинительная связь обозначает прежде всего перечисление, связанное с указанием на соединительные отношения: *striyā, būrhe, javān, bālak* 'женщины, старики, юноши, дети', *umr, anubhav, tahezb* 'возраст, опыт, воспитание', *kaṭhor, thos, patthar-sī /bhūmi/* 'твердая, непо-

датливая, камнеподобная [земля]'. Обозначение перечисления достигается также повтором разделительного союза: *bitār yā bēlā yā kuch aur* 'ситар, или скрипка, или что-либо еще'.

Показателем исчерпывающего характера перечисления служит одиночный соединительный или разделительный союз, помещенный перед последним компонентом перечислительного ряда, содержащего больше двух членов: *izzat, ūhrat aur daulat* 'честь, слава и богатство', *Prayāg, Hāthras tathā Fatehpur* 'Аллахабад, Хатхрас и Фатехпур', *jhūṭh, kāpat, beīmānī vā apuāy* 'ложь, лицемерие, бесчестность и несправедливость', *ārthik, sāmājik evam ādhyātmik [sanskṛti]* 'материальная, социальная и духовная [культура]', *āvarya, ānand vā tiraskār* 'удивление, радость или пренебрежение'. Сигналом же того, что перечисление не носит исчерпывающего характера, что перечислительный ряд полностью не развернут, служит используемое в качестве постпозитивной частицы какое-либо из таких слов, как *ādi, ityādi, vagairah (vagairā)*¹ 'и другие', 'и так далее', 'и прочее', например: *makkhiyā, macchar, cīte ādi* 'мухи, комары, муравьи и прочее'; *Haidarābād, Karācī, Peśāvar ityādi* 'Хайдарабад, Карачи, Пешавар и так далее'; *gavaie, sāzinde, cāplūs, vidūṣak vagairā* 'певцы, музыканты, листецы, шуты и другие'. Подобный сигнал может, как показывают помещенные ниже примеры, наличествовать и тогда, когда последнему слову в группе слов, объединенных сочинительной связью, предшествует одиночный соединительный союз: *Yuktaprānt, Madhyaprānt tathā Rājasthān ādi* 'Соединенные провинции, Центральные провинции, Раджастхан и так далее', *Lālmohar, Dhunnirāt aur Palatdās vagairah* 'Лалмохар, Дхуннирам, Палатдас и другие'.

При сочинении можно наблюдать тесную семантическую спаянность двух слов, базирующуюся на их принадлежности в силу присущего им лексического значения к одному ассоциативному ряду. Если каждое из таких слов в отдельности не имеет при себе каких-либо зависимых членов, то показателем этой спаянности является отсутствие союза, отображаемое на письме дефисом: *lark-e-larkiyā* 'мальчики и девочки' *chokrō-chokriyō [aur auratō kī bhīr]* '[скопление] ребят-девчат [и женщин]', *tāgō-moṭarō kī[bahut adhik bhīr]*

¹Слова *ādi* и *ityādi* (< *iti* + *ādi*) принадлежат к этимологическиому слою лексики татсама; слово же *vagairah* (*vagairā*) является словом видети арабского происхождения. Следует отметить, что *ādi* способно использоваться постпозитивно и в качестве показателя нереализуемой возможности образования перечислительного ряда. См., например, *yantrādi* в *vaijñānik yantrādi le jāne kā parmit* (Aj, N, 143) 'разрешение забрать научные приборы и прочее' (ср. конструкцию, содержащую слово-частицу *mātra* 'только': *vaijñānik yantrā-mātra le jāne kā parmit* 'разрешение забрать только одни научные приборы').

'[огромное скопление] повозок и автомашин'. В этих случаях синтаксические сочетания двух слов сближаются структурно со сложными словами типа двандва.

Сочинение может быть и комбинированным по своему характеру. В частности, для хинди характерен комбинированный тип сочинения, заключающийся в том, что соединительный союз связывает слова попарно, тогда как между парами слов, приводимыми в порядке перечисления, союз отсутствует, например: *Vārāṇasī aur Vindhyačal mē*, *Bambāl aur Bīlāvapur mē*, *Kāśmīr aur Kalkatte mē*, *Haidarābād aur Haridvār mē*, *Nepāl aur Nainītāl mē* 'в Бенаресе и Виндхьячале, в Бомбее и Биласпуре, в Кашмире и Калькутте, в Хайдарабаде и Хардваре, в Непале и Найнитале', *mātā aur pītā kī, bet̄ī aur bet̄e kī, bahan aur bhāī kī* [*muhabbat mē*] '[в любви] матери и отца, дочери и сына, сестры и брата'.

Подчинительная связь характеризуется иерархической организацией соединяемых единиц, опирающейся на существующие различия в категориальных свойствах знаменательных слов как представителей разных частей речи или на принадлежность слов к разным подклассам в рамках одной и той же части речи и заключающейся в том, что включение в речевую цепь одного слова (в определенной форме, если это слово изменяется) диктуется наличием другого, формально не обязанного своим появлением первому. Таким образом, в результате подчинительной связи возникают разного рода бинарные (двучленные) структуры, состоящие из разнофункциональных компонентов с внутренним отношением "хозяина" и "слуги", т.е. главенствующего (главного) и зависимого компонента. Бинарную структуру, образованную подчинением, следует назвать *подчинительной синтагмой* (или *подчинительным словосочетанием* в узком смысле, что квалифицируется О.Г.Ульциферовым как словосочетание на уровне "языка" [64, с.199, 201–202; 66, с.45]).

Формально-строевая роль (роль, заключающаяся в дифференциации "хозяина" и "слуги") компонентов внутри подчинительных синтагм, а также конкретный характер возникающих между компонентами семантико-синтаксических отношений (таких, например, как атрибутивное, обстоятельственное, объектное) обусловливается, прежде всего, взаимодействием компонентов как представителей определенных частей речи, т.е. как представителей таких классов слов, которые отличаются друг от друга в семантическом плане по признаку назывной направленности (номинативной ориентации). Этот признак отражает (в пределах каждой из частей речи вместе с местоименными субститутами охватываемых ею слов) единство общеграмматического (категориального) значения и основных (первичных) свойств сочетаемости (валентных свойств).

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ И ВИДЫ ВЫРАЖАЕМЫХ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В зависимости от того, к какой части речи принадлежит главное слово, т.е. то слово, наличием которого диктуется появление другого слова в синтагме, подчинительные синтагмы бывают:

- 1) субстантивными – *tīnō bahānē* 'все' три сестры', *tumhārā patra* 'ваше письмо';
- 2) адъективными – *nīhāyat dilcaspr* 'чрезвычайно интересный', *jān se rūrā* 'дороже жизни';
- 3) вербальными – *dārvāzā khaṭkhaṭāpā* 'стучать в дверь', *cor-nagar se dekhnā* 'смотреть украдкой';
- 4) адвебиальными – *bahut dhīme ze* 'очень медленно', *prāyah pūrmatayā* 'почти полностью';
- 5) нумеральными – *lag-bhag do vāi* 'прилизительно двести', *up tē ze do* 'из них два';
- 6) прономинальными – *ham tē se pratyek* 'каждый из нас', *do tē ze kōt* 'кто-либо из двух'².

Зависимые компоненты у субстантивных синтагм бывают представлены:

- 1) именем прилагательным – *ṭhanḍā pānī* 'холодная вода';
- 2) именем числительным – *pāc rupaye* 'пять рупий';
- 3) именем существительным – *bahānō kī ḍvāzzē* 'голоса сестер';
- 4) наречием – *pūrnatayā jñān* 'полное знание' (букв. 'знание полностью').

Зависимые компоненты адъективных синтагм бывают представлены:

- 1) наречием – *sarvathā nirāśrit* 'совсем беспомощный';
- 2) именем прилагательным – *baṛī lambī* /dāstān/ 'очень длинная [история]';
- 3) именем числительным – *donō se acchā* 'лучший из двух', 'лучше обоих';
- 4) именем существительным – *samāj ke liye āvāsyak* /66, с.297/ 'необходимый для общества'.

Зависимые компоненты вербальных синтагм бывают представлены:

- 1) именем существительным – *reṭ par carhnā* 'влезать на дерево';
- 2) наречием – *piyamatānusārātā* 'приходить регулярно';
- 3) именем прилагательным – *bhūkhā mārtā* 'умирать от голода' (букв. 'умирать голодный/голодным');
- 4) именем числительным – *pāc tē se ghatātā* 'вычитать из пяти'.

Зависимые компоненты адвебиальных синтагм бывают представлены:

² См. классы словосочетаний на уровне "языка", выделенные О.Г.Ульциферовым [64, с.209].

- 1) наречием – *bilku1 ūpar* 'совсем высоко';
- 2) именем существительным – *ghar se dūr* [66, с.315] 'прочь от дома';
- 3) именем числительным – *donō se šīghra* 'быстрее обоих'.

Зависимые компоненты в умеральных синтагм бывают представлены:

- 1) наречием – *lag-bhag pāc sau* 'приблизительно пятьсот';
- 2) именем прилагательным – *pūrī raccīs /rotiyā/* 'всего двадцать пять [лепешек]';
- 3) именем существительным – *ghaṭnāō mē se ek* [66, с.311] 'одно из событий';
- 4) именем числительным – *āṭhō mē se cār* [66, с.312] 'из восьмерых четверо'.

Использование местоимений в составе подчинительных синтагм в качестве главенствующих и зависимых компонентов в значительной мере определяется характером их (местоимений) лексического поля: они входят в состав синтагм как местоимения-существительные (*do mē ve koī* 'кто-либо из двух', *ham mē ve pratyek* 'каждый из нас'), местоимения-прилагательные (*aise kātre* 'такие комнаты', *koī javāb* 'какой-нибудь ответ'), местоимения-наречия (*vahā rāhīspā* 'приывать туда', *idhar āpā* 'приходить сюда') и местоимения-числительные (*kitne rupaye* 'сколько рупий', *itne varba* 'столько лет').

Таким образом, при разграничении компонентов подчинительных синтагм на зависимые и главенствующие с учетом их принадлежности к пяти частям речи (имя существительное – С, имя прилагательное – П, глагол – Г, наречие – Н, имя числительное – Ч) поддаются выделению 19 разновидностей синтагм, каждая из которых предстает как сочетание слова какой-то определенной части речи в качестве главенствующего компонента, с представителем той же или иной части речи в качестве зависимого компонента.

Как видно из вышеизложенного, в качестве главенствующего компонента существительное, прилагательное, глагол и числительное формируют по четыре разновидности синтагм (ПС, ЧС, СС, НС; НП, ПП, ЧП, СП; СГ, НГ, ПГ, ЧГ; НЧ, ПЧ, СЧ, ЧЧ), а наречие – три разновидности (НН, СН, ЧН); в качестве же зависимого компонента существительное, наречие и числительное формируют по пяти разновидностям синтагм (СС, СП, СГ, СН, СЧ; НС, НП, НГ, НН, НЧ; ЧС, ЧП, ЧГ, ЧН, ЧЧ), а прилагательное – четыре разновидности (ПС, ПП, ПГ, ПЧ). Зависимым компонентом подчинительной синтагмы не может быть глагол в финитной форме.

Синтагмами указанных 19 разновидностей обеспечивается выражение 14 видов семантико-сintаксических отношений. Эти отношения, специфика которых определяется в

семантическом плане функцией зависимого компонента относительно главенствующего, суть следующие:

1) *объектное* – *śabdō par tibāḥavā* [66, с.104] 'спор о словах' (СС), *samat̄ ke liye ḥnāšyak* [66, с.297] 'необходимый для общества' (СП), *dard ko dabānā* 'подавлять боль' (СГ), *rāc tē se ghatānā* 'вычитать из пяти' (ЧГ);

2) *субъектное* – *kīṣāṇd̄ dvārā pradarśan* 'демонстрация крестьян (букв. крестьянами)' (СС), *janatā dvārā nirvācīt* 'избранные народом' (СП), *uske dvārā dekhā jānā* 'быть увиденной им' (СГ);

3) *атрибутивное* – *ṭhanḍā rānī* 'холодная вода' (ПС), *iktīs janvarī* 'тридцать первое января' (ЧС), *tīnō kā,man* 'душа троих' (ЧС), *bahānō kī ḥnāgē* 'голоса сестер' (СС), *rūmatayā jñān* 'полное знание' (НС), *sadyaḥ viḍhavā* 'теперь вдова' (НС), *kānūnan adhikār* [66, с.179] 'право по закону' (НС), *āj kā akhbār* 'сегодняшняя газета' (НС);

4) *обстоятельственное* – *deś-videś tē paribhraman* [66, с.88] 'поездка по странам' (СС), *sarvatra ākārṣak* [66, с.308] 'везде притягательный' (НП), *sarak par ēkatrit* [66, с.293] 'сконцентрированный на улице' (СП), *per par carhna* 'влезать на дерево' (СГ), *nīyatāpiśār ānā* 'приходить регулярно' (НГ), *śādīt calī jānā* 'пойти прямо' (о женщине) (ПГ), *kal rāt* [66, с.314] 'вчера ночью' (НН), *ghar se dūr* [66, с.315] 'прочь от дома' (СН);

5) *признакоопределительное* (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть показателем интенсивности признака, степени его проявления или показателем оттенка признака") – *bilkul aparicit* 'совершенно незнакомый' (НП), *sarvathā nirāśrit* 'совсем беззащитный' (НП), *barī lambī [dāstān]* 'очень длинная [история]' (ПП), *halkā bāvīlā [rang]* 'слегка смуглый [цвет]' (ПП), *śuddha ahinsātmak* 'чисто ненасильственный' (ПП), *bhāyānak amīr* 'ужасно богатый' (ПП), *mīlō gahrā [vatudra]* '[океан] глубиной в несколько миль' (СП), *bilkul īpar* 'совсем высоко' (НН), *prāyaḥ rūmatayā* 'почти полностью' (НН), *ādh mīl dūr* 'на расстоянии полумили' (СИ), *koṭī dūr* 'на удалении во много косов' (СН);

6) *квантификативное* – *rāc rupaye* 'пять рупий' (ЧС), *tīnō ba-hanē* '[все] три сестры' (ЧС), *gharō rānī* 'целые кувшины воды', 'не один кувшин воды' (СС), *bīghō zamīn* 'не одна бигха земли', 'бигхи земли' (СС), *darjanō bhāṣāē* 'десятка (букв. дюжины) языков' (СС);

7) *прецизиентное*, или *числоопределительное* (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть показателем степени точности числового выражения"), – *lag-bhag rāc sau* 'примерно пятьсот' (НЧ), *rūri raccīs [frotiyā]* 'всего двадцать пять [лепешек]', 'итого двадцать пять [лепешек]' (ЧЧ);

8) *компаративное*, или *сравнительное* (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть положенным в основу сравнения"), – *pahle se accā* 'лучше, чем прежде' (НП), *do-tīn sau se kam* [66, с.308] 'меньше двухсот-трехсот' (ЧП), *jān se ryārā* 'дороже жизни' (СП), *goṭī*

ve šīghra [66, с.52] 'быстрее пули' (СН), *pahle se šīghra* 'быстрее, чем прежде' (НН), *dont̥ ve šīghra* 'быстрее обоих' (ЧН);

9) **элективное** (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть сферой выбора") – *għat-nād tē se ek* [66, с.311] 'одно из событий' (СЧ), *ātħo tē se cär* [66, с.312] 'из восьмерых четверо' (ЧЧ);

10) **присвязочно-квалификативное** – *dūlhan bannā* 'становиться невестой' (СГ), *dür honā* 'быть далеко' (НГ), *ruārī laqtā* 'казаться милой' (ПГ), *chaħi honā* 'быть [в количестве] шестью' (ЧГ);

11) **комплетично-квалификативное** (зависимый компонент синтагмы раскрывает содержание действия через квалификативное отношение к его объекту) – *khilaupā vatājhna* 'считать игрушкой' (СГ), *sundar vatājhna* 'считать красивым' (ПГ), *ek kartā* 'объединять', букв. 'делать одним' (ЧГ);

12) **спецификативное** (зависимый компонент синтагмы имеет семантическую характеристику "быть признаком, выделяющим действие своим отношением к его субъекту") – *bħu-kħā mattā* 'умирать от голода', букв. 'умирать голодный/голодным' (ПГ), *akel taliż jānā* 'отправляться одной' (ПГ);

13) **модально-связочное** (зависимый компонент синтагмы выступает как модификатор связки) – *taħbi honā* 'казаться' (ср. *taħbi* 'известный', 'очевидный', 'явный', *honā* 'быть') (ПГ), *siddha honā* 'оказываться' (ср. *siddha* 'доказанный', 'установленный', *honā* 'быть') (ПГ);

14) **вербо-конститутивное** (зависимый компонент синтагмы выступает как "грамматически неоформленный лексический показатель действия" [66, с.20]) – *ārambħ honā* 'начинаться' (ср. *ārambħ* 'начало', *honā* 'быть', 'становиться') (СГ), *kwasja kartā* 'прощать', 'извинять' (ср. *kwasja* 'прощение', 'извинение', *kartā* 'делать') (СГ).

Один и тот же вид семантико-синтаксических отношений может характеризовать синтагмы с различным составом компонентов и, наоборот, синтагмы с одинаковым составом, т.е. с одними и теми же компонентами, представленными в терминах частей речи, могут характеризоваться разными семантико-синтаксическими отношениями. Это обстоятельство позволяет выделить синтагмы 46 видов, что находит отражение в таблице 1, где синтагме какого-либо одного из 46 видов соответствует знак "плюс" на "пересечении" графы состава компонентов синтагм с графой семантико-синтаксических отношений.

Из таблицы яствует, что в качестве главенствующего компонента синтагм существительное обслуживает 5 видов семантико-синтаксических отношений, прилагательное – тоже 5, глагол – 8 видов, наречие – 3 и числительное – 2 вида, а в качестве зависимого компонента синтагм существительное обслуживает 11 видов семантико-синтаксических отношений, прилагательное – 8, наречие – 6 и числительное – 7 видов. При этом главенствующим компонентом существительное является в 9 синтагмах из общего числа 46,

Таблица 1

Семантико-синтакси- ческие отношения	Состав компонентов синтагм																	
	ПС	ЧС	СС	НС	НП	ШП	ЧП	СП	СГ	НГ	ПГ	ЧГ	НН	СН	ЧН	НЧ	ПЧ	С.Ч
1. Объектное			+						+	+		+						
2. Субъектное		+		+						+								
3. Атрибутивное			+															
4. Обстоятельственное				+														
5. Признакоопределя- тельное					+													
6. Квантиративное			+			+												
7. Президентное						+												
8. Компаративное							+											
9. Элективное								+										
10. Присвязочно-ква- лификативное									+									
11. Комплементивно-ква- лификативное	+									+								
12. Спецификативное											+							
13. Модально-связочное												+						
14. Вербоконститутив- ное													+					

прилагательное – в 10, глагол – в 16, наречие – в 7, числительное – в 4 синтагмах; в качестве же зависимого компонента существительное выступает в 20 синтагмах, прилагательное – в 8, наречие – в 10 и числительное – в 8 синтагмах.

Итак, каждому из отмеченных выше семантико-синтаксических отношений соответствует определенный набор составов компонентов, что находит отражение в следующих формулах:

1. $\begin{bmatrix} C & \left\{ \begin{matrix} C \\ H \\ \Gamma \end{matrix} \right\} \\ \hline Q & \Gamma \end{bmatrix}$	8. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} H \\ C \\ Q \end{matrix} \right\} & \left\{ \begin{matrix} \Pi \\ H \end{matrix} \right\} \end{bmatrix}$
2. $\begin{bmatrix} C & \left\{ \begin{matrix} \Gamma \\ CC \\ \Pi \end{matrix} \right\} \end{bmatrix}$	9. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} C \\ Q \end{matrix} \right\} & Q \end{bmatrix}$
3. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} \Pi \\ Q \\ C \end{matrix} \right\} & C \\ \hline H & C \end{bmatrix}$	10. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} C \\ H \\ \Pi \\ Q \end{matrix} \right\} & \Gamma \end{bmatrix}$
4. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} H \\ C \end{matrix} \right\} & \left\{ \begin{matrix} \Pi \\ \Gamma \\ H \end{matrix} \right\} \\ \hline C & C \\ \Pi & \Gamma \end{bmatrix}$	11. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} C \\ \Pi \\ Q \end{matrix} \right\} & \Gamma \end{bmatrix}$
5. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} H \\ C \end{matrix} \right\} & \left\{ \begin{matrix} \Pi \\ H \end{matrix} \right\} \\ \hline \Pi & \Pi \end{bmatrix}$	12. $\begin{bmatrix} \Pi & \Gamma \end{bmatrix}$
6. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} Q \\ C \end{matrix} \right\} & C \end{bmatrix}$	13. $\begin{bmatrix} \Pi & \Gamma \end{bmatrix}$
7. $\begin{bmatrix} \left\{ \begin{matrix} H \\ \Pi \end{matrix} \right\} & Q \end{bmatrix}$	14. $\begin{bmatrix} C & \Gamma \end{bmatrix}$

Среди разных составов компонентов в синтагмах, служащих выражению какого-то одного определенного вида семантико-сintаксических отношений, некоторые составы могут быть выделены с учетом первичных валентных свойств частей речи как наиболее типичные для данного вида. Так, для объектного отношения наиболее типично быть представленным составом СГ, для атрибутивного отношения — составом ПС, для обстоятельственного — составами НГ и СГ, для признакоопределительного — составом НП, для прецисентного — составом НЧ, для компаративного составом СП, для присвязочно-квалификативного и комплективно-квалификативного — составами СГ и ПГ.

В порядке дальнейшей конкретизации приведенной классификации важно отметить следующие моменты.

1. Обстоятельственное отношение в синтагмах с глаголом как главенствующим компонентом предстает по преимуществу или как собственно-обстоятельственное (см., например, *per par cārhnā* 'влезать на дерево', *rīche phīrnā* 'поворачивать назад'), или как определительно-обстоятельственное (см., например, *dhyān se dekhnā* 'смотреть внимательно', *dhi-te se kahnā* 'говорить тихо').

2. Среди синтагм, характеризующихся атрибутивным отношением между их компонентами — именами существительными, особое место занимают синтагмы, которые могут быть охарактеризованы как субъектно-атрибутивные (см., например, *māhārāj kā iśārā* 'знак, поданный махараджей', *ḍāktar kī hiḍāyat* 'наставление доктора', *taḍdūrō kī unṇati* 'прогресс рабочих'), и противопоставляемые им синтагмы, которые можно назвать объектно-атрибутивными и распределить в зависимости от лексического значения главенствующего компонента (имя действия или имя деятеля) по двум разрядам (см., например, *garībō kī sahāyatā* 'помощь бедным', *deś kī rakṣā* 'защита страны', с одной стороны, и *śānti kā samarthak* 'сторонник мира', *taḍdūr kā rakṣak* 'защитник рабочего человека', — с другой)³.

3. Вне круга охваченных предложенной классификацией синтаксических единиц оказались: (а) соединения слов, опирающиеся на индивидуальное лексическое значение одного из слов, например, *adhik yuktisangat* 'более логичный', *zūdā tez* 'более острый', *kam kuāl* 'менее квалифицированный', 'обладающий низкой квалификацией', где слова *ad-*

³ Так, О.Г.Ульциферов среди 11 разновидностей словосочетаний "существительное+существительное" с послелогом-транспозитором *kā*, сопровождающим зависимый компонент, различает "субстанциальные посессивно-агентивные словосочетания" [66, с.68] и "субстанциальные объектные словосочетания" [66, с.76]. Вообще же о семантическом многообразии синтагм отмеченного строения (С + *kā* + С) можно судить по тому, что те из них, компоненты которых представлены только конкретными именами существительными, поддаются разбиению, как это показано на материале урду в работе Г.М.Дашенко, на 17 семантических классов [22].

hik и *zūādā* 'больший/больше', 'большой/много', 'значительный/значительно', сочетаясь с прилагательным, выступают как показатели повышенной степени обозначенного прилагательным качества, а слово *kat* 'меньший/меньше', 'малый/мало' – как показатель пониженной степени качества; (б) соединения слов, опирающиеся на индивидуальный случай употребления одного из слов, например, *rasās ek* 'около пятидесяти', где числительное *ek* 'один', следуя за другим числительным, служит для выражения значения приблизительного количества, *kōt cār* 'около четырех', где для выражения того же значения служит местоимение *kōt*, используемое перед числительным в качестве особой частицы со значением "около" (семантически эти соединения слов примыкают к синтагмам, характеризующимся прецизентным отношением); (в) соединения, основанные на повторе одного и того же слова, например, *lambe-lambe [bāl]* 'длинные-длинные [волосы]', *korā kā korā* 'глупый-преглупый', *bare se barā* 'наибольший', *ek se ek* букв. 'один из одного' в значении "исключительно" (см., например, *ek se ek barāhiyā* 'исключительно хороший', 'лучший из лучших', где все сочетание-повтор *ek se ek* предстает как зависимый компонент синтагмы, семантически примыкающей к синтагмам, характеризующимся признаком определительным отношением), *kat ve kat* 'самое меньшее', 'по крайней мере' (см., например, *kat ve kat bārhe tīn* 'по крайней мере три с половиной', где сочетание-повтор *kat ve kat* предстает как зависимый компонент синтагмы, примыкающей к синтагмам, характеризующимся прецизентным отношением); (г) специализированные местоименные сочетания (в том числе и основанные на повторе), например, *sab kōt* 'все', 'каждый', *har kōt* 'любой', 'всякий', 'каждый', *kōt na kōt* 'кто-либо', 'кто-нибудь', *kōt ek* 'кто-то', *sab kuch* 'всё', *kuch na kuch* 'что-либо', 'что-нибудь', *kuch kā kuch* 'совсем другой', *kuch ek* 'несколько', 'некоторые', *ek na ek* 'всякий', *har ek* 'всякий', 'каждый', *ek dūsre ko* 'один другого'; (д) сочетания двух числительных, обозначающих близкие величины, – *rāc-sāt* 'пять-семь', *bīs-rācēs* 'двадцать – двадцать пять'.

4. Позиция зависимого компонента в синтагмах с главенствующим компонентом-прилагательным, характеризующихся признаком определительным отношением, а также в синтагмах с главенствующим компонентом – глаголом, характеризующихся обстоятельственным отношением, и в синтагмах, характеризующихся прецизентным отношением, является такой позицией, в которой противопоставление между прилагательным и наречием, будучи снятым в плане содержания, не находит внешнего выражения в той мере, в какой употребляемые в качестве зависимого компонента слова обходятся без форм словоизменения и/или без словообразовательных примет определенной части речи (см., например, *nīhāyat dilcasp* 'чрезвычайно интересный', *khūb eatajhnā* 'хорошо понимать', *kul sāt haazār* [66, с.313] 'всего семь тысяч').

5. То или иное семантико-синтаксическое отношение, существующее между компонентами синтагм, может быть положено в основу наименования соответствующих синтагм, в связи с чем становится возможным говорить об объектных, атрибутивных, обстоятельственных, признакоопределительных и других синтагмах (см. выше перечень 14 видов семантико-синтаксических отношений), а при учете состава их компонентов — об объектных синтагмах структуры СГ, атрибутивных синтагмах структуры ПС, обстоятельственных синтагмах структуры НГ, признакоопределительных синтагмах структуры ПП и т.п. (см. выше упоминание о 46 видах синтагм и таблицу 1).

К 14 видам синтагм, различающимся между собой характером передаваемых семантико-синтаксических отношений, целесообразно добавить в качестве еще одного вида, по счету 15-го, *аппозитивные синтагмы* — паратактические или оформленные особыми служебными словами (в частности, пояснительными союзами) соединения существительных или их функциональных эквивалентов (т.е. субстантивированных слов, каковыми могут быть прилагательные, числительные и, разумеется, местоимения), относимых к одному и тому же референту (предмету, лицу и т.п.): *sikkā arthāt mudrā* 'монета, т.е. металлический денежный знак', *Rāmeśvar yā Rām* 'Рамешвар, или [просто] Рам', *Bholārāt urf Bholū* 'Бхоларам, или [просто] Бхолу' ('Бхоларам, по кличке Бхолу'), *Rāshīd kalaīgar* 'лудильщик Рашид', *sipahsālār Jaysinh* 'военачальник Джайсингх', *dākṭar Dev* 'доктор Дэв', *pāndit Śādīrām* 'пандит Шадирам', *inspektar Balvantsinh* '[полицейский] инспектор Балвантсингх', *śrīmatī Cōrprā* 'госпожа Чопра', *Lāhaur nāgar* 'город Лахор', *Yamunā nadī* 'река Джамна', *sunār-lārkā* 'мальчик-ювелир', *musalman kirāedār* 'съемщики-мусульмане', *ham garib* 'мы, бедняки', *ham mard* 'мы, мужчины' [см., например, *ham mardō kā kām* (S, TY, 255) 'занятие для нас, мужчин'], *ve tīnō 'oni troe'* ('они втроем'), *tū khud* 'ты сам', *māī svayat* 'я сам', *banīyā āp h̄* 'лавочник сам же'.

Своебразие аппозитивных синтагм заключается в том, что связь, объединяющая их компоненты, предстает как подчинение (как правило, с детерминацией идентификации, основанной на различении идентифицирующего и идентифицируемого членов, или с детерминацией включения класса предметов в другой класс либо какого-нибудь определенного элемента в класс, опирающейся на различение включающего и включаемого членов) в форме сочинения⁴.

⁴ Вот почему в языкоznании традиционной точке зрения, согласно которой аппозиция (приложение) рассматривается в кругу средств выражения атрибутивных (определительных) отношений, противостоит взгляд на аппозицию как на частный случай реализации сочинительной связи [11, с.123; 105, с.185]. Применительно к хинди такой взгляд нашел отражение в работе О.Г.Ульциферова, где аппозитивные соединения слов оставлены без рассмотрения согласно утверждению, что "соединения слов, возникающие на основе сочинительных отношений, не относятся к строю словосочетаний" [66, с.10]. Следует заметить, что

СИNTАГМЫ С ЗАВИСИМЫМ КОМПОНЕНТОМ — НЕФИНИТНОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА

Особого внимания заслуживают не рассмотренные выше подчинительные синтагмы с компонентами — нефинитными формами глаголов, в которых та или иная нефинитная форма выступает в качестве зависимого компонента.

К нефинитным формам глагола языка хинди относятся: (1) инфинитив, внутри которого, взятого как нечто целое, формально различаются герундияльный, супинный и герундивный инфинитивы; (2) причастия — имперфективное, перфективное и процессивное; (3) глагольное прилагательное, т.е. особого рода причастное образование с суффиксальной морфемой *-vālā*, присоединенной к инфинитиву (супинному); (4) деепричастие; (5) герундий. Все они могут выступать в качестве зависимых компонентов подчинительных синтагм, и для всех них характерна способность играть роль главенствующего компонента синтагмы.

Проявляясь как отглагольное имя, герундияльный инфинитив служит зависимым компонентом:

а) объектных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом, например, *batānā bhūl jānā* 'забыть сообщить', *parhñā jānnā* 'уметь читать', *lene par tulnā* 'собираться взять', *larne se rokñā* 'удерживать от сражения', *hatāne ko kahñā* 'велеть убрать' (ср. объектные синтагмы структуры СГ);

б) объектных синтагм с главенствующим компонентом — прилагательным, например, *laṭne ko taiyār* 'готовый сражаться', *rāgne mē līn* 'поглощенный покраской', *āne se khīz* 'довольный приездом', *dikhāne ke kābil* 'достойный {того, чтобы самому} показать', *socne kā ādāt* 'привыкший думать' (ср. объектные синтагмы структуры СП);

в) объектных синтагм с главенствующим компонентом — существительным, например, *karne mē sankoś* 'стыд от совершения (букв. в совершении)', *sīkhne se cīrñ* 'недовольство учением' (ср. объектные синтагмы структуры СС);

г) обстоятельственных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом, например, *āne ke bād baithnā* 'сидеть после прихода', *anurodh karne par bhī nāhī lenā* 'не брать, несмотря на просьбу' (ср. обстоятельственные синтагмы структуры СГ);

д) атрибутивных синтагм, например, *āne kā vādā* 'обещание прийти', *lene kā irādā* 'намерение взять', *dekhne kī utkānt̄hā* 'желание видеть', *dene kī tāg* 'требование предоставить', *kahne kī īvāsyakta* 'необходимость сказать', *urñe ke għante* 'часы полета' [66, с.163], *tairne kā tālāb* 'плавательный бассейн' [в подобных синтагмах инфи-

в рамках традиционной точки зрения отсутствует в ряде случаев ясность по поводу того, какое из слов считать зависимым (определяющим, модифицирующим), а какое — главенствующим [29, с.290; 112, с.39].

нитив сопровождается послелогом-транспозитором *kā* (*kī, ke*)⁵;

е) присвязочно-квалификативных синтагм, например, *mānā honā* букв. 'быть верить' [*dēkho Rāmlāl, hamārā kām netāō kā kāmā mānnā hai* (G, DR, 31)] 'Смотри, Рамлал! Наше дело верить словам руководителей'], *bhejne kā honā* букв. 'быть отправления' [... *unkī icchā tumhē yahā bhejne kī na thī* (P, N, 100)] '... у нее не было никакого желания (букв. ее желание не было) отправить тебя сюда'], *chūtne ko honā* 'быть готовым вот-вот отправиться' [*tren chūtne ko thī...* (N, D, 56)] 'Поезд готов был вот-вот отправиться...'⁶;

ж) комплетивно-квалификативных синтагм, например, *pichāvar karnā kāhnā* букв. 'называть жертвовать' [*aiā be-�aus ādm̄ ham ne naht̄ dekhā; dūsre par apne ko nichāvar karna iet ko kahte haī!* (BG, S, 151)] 'Такого бескорыстного человека я не видел. Это называется (букв. это называют) жертвовать собой ради других'] (ср. комплетивно-квалификативные синтагмы структуры СГ).

Супинный инфинитив служит зависимым компонентом:

а) обстоятельственных синтагм, в которых главенствующий компонент бывает представлен глаголом – обычно глаголом движения или перемещения (при этом внутри супинного инфинитива как инфинитива со значением цели можно различать инфинитив субъектный и инфинитив объектный), например, *khelne jānā* 'идти играть', *choṛne āpā* 'приходить провожать', *nahāne calā jānā* 'уходить купаться', *raṭhne baīthnā* 'садиться читать', *taḥalne le jānā* [66, с. 263] 'водить гулять', *lene bhejnā* 'посыпать взять';

б) объектных синтагм с главенствующим компонентом – прилагательным, принадлежащим к закрытому списку прилагательных, например, *rāne yogya* 'достойный [того, чтобы самому] получить', *dekhne kābil* 'достойный [того, чтобы] быть осмотренным', 'достойный созерцания';

в) объектных синтагм с главенствующим компонентом – глаголом *kāhnā* 'говорить' (> 'обещать'), например, *dene kāhnā* 'обещать отдать' [*Tum ne ūkh perkār rupae dene kāhā thā* (P, G, 155)] 'Ведь ты же обещал отдать деньги сразу же после выжимки сахарного тростника'].

⁵ Конкретные смысловые связи между компонентами таких синтагм в рамках устанавливаемого атрибутивного отношения различны. См. по данному вопросу работу О.Г.Ульциферова [66, с.158–164].

⁶ В первом из примеров инфинитив в форме на *-nā* занимает при связке то место, которое отводится в присвязочно-квалификативных синтагмах именам существительным в форме прямого падежа; во втором примере инфинитив, сопровождаемый послелогом-транспозитором *kā* (*kī, ke*), занимает место имен существительных с тем же послелогом-транспозитором или имен прилагательных. В третьем примере употребление инфинитива, сопровождаемого послелогом *ko*, в присвязочной позиции имеет специфический характер в связи с указанием на действие, осуществление которого представляется немедленным.

Кроме того, супинный инфинитив служит зависимым компонентом ряда особых синтагм, которые можно условно назвать *инцептивными*, *акквизитивными*, *пермиссивными* и *проспективными*⁷, а именно синтагм, в которых роль главенствующего компонента играет один из следующих глаголов:

глагол *lagñā* 'быть приложенным', 'прикладываться' (> 'приниматься', 'начинать'), например, *rone lagñā* 'заплакать', 'начинать плакать', *likhne lagñā* 'начинать писать'⁸;

глагол *rāñā* 'получать' (> 'получать разрешение', 'получать возможность' с оттенком значения "удаваться" или "успевать"), например, *nañ̄ jāñe rāñā* 'не получать разрешения идти', *rañhne nañ̄ rāñā* 'не получать возможности учиться', *na bītñē rāñā* 'не успеть пройти' (о времени);

глагол *denā* 'давать' (> 'разрешать', 'позволять', 'предоставлять возможность'), например, *na nikalne denā* 'не позволять выходить', *ghusne nañ̄ denā* 'не давать проникнуть', *utärne denā* 'позволять снимать';

глагол *jāñā* 'идти', 'уходить' (> 'собираться', 'быть на пути к скорому осуществлению'), например, *kahne jāñā* 'собираться сказать', *sunāñe jāñā* 'собираться рассказывать' (ср. 'идти сказать', 'идти рассказывать' применительно к случаю с *jāñā* как глаголом движения, выступающим в качестве главенствующего компонента обстоятельственной синтагмы).

Герундивный инфинитив может быть расценен как альтернативный герундиальный инфинитива на *-nā* (т.е. герундиального инфинитива в форме прямого падежа) в синтагмах, составляющих определенную часть сферы употребления последнего в качестве зависимого компонента, а именно в объектных синтагмах с главенствующим компонентом — глаголом, например: *māgnī cāhnā* (ср. *māgnā cāhnā*) 'хотеть просить' [*māñ ne kṣamā māgnī cāhī ...* (S, TY, 80) 'Я хотела было попросить прощения ...'], *denī samajhnā* (ср. *denā samajhnā*) букв. 'считать дать' [*Candra ne Mīrā ke dehñāt kī vīsnā sab se pahle mā ko denī usit samjhī* (G, DR, 297) 'Сообщить (букв. дать сообщение) о кончине Ниры Чандра счел уместным прежде всего матери'].

Однако можно считать допустимой и другую трактовку герундивного инфинитива как зависимого компонента синтагм, а именно трактовку, непосредственно вытекающую из понимания герундивного инфинитива как герундива, т.е. в значении причастия долженствования. Согласно такой

⁷ Ср. термины "инцептивный", "акквизитивный" и "пермиссивный", использованные для обозначения отдельных разрядов "сложных глаголов" [111, с.267–268].

⁸ См., однако, синтагму, в которой в качестве главенствующего компонента выступает *jut jāñā* 'взяться', 'приняться', а именно синтагму *dekhne jut jāñā* (*dekhne jut gayā*) следующего предложения: *gatāñā ... naye vijñāñ kā samatkār dekhne juç gayā* (AN, S, 314) 'Мир ... принял смотреть на чудо новой науки'.

трактовке, герундивный инфинитив двух приведенных выше примеров предстает в качестве зависимого компонента комплективно-квалификативных синтагм: *[kṣatā] tāgnī cāhnā* 'хотеть [прощение] таким, которое нужно просить', *[vīspā] denī [sic!]* *samatjhñā* 'считать /сообщение уместно/ таким, которое надлежит дать' (соответственно *kṣatā cāhnā* и *vīspā denā* должны быть восприняты как объектные синтагмы).

Такой подход к герундивному инфинитиву открывает возможность рассматривать его также в качестве зависимого компонента а) присязочно-квалификативных и б) спецификативных синтагм:

а) *milnī ho jānā* 'становится таким, которое должно быть получено', 'становиться подлежащим получению' [...] *mē tajūrī milnī bhī kāt̄hīn ho gayī* (P, G, 182) '... в деревне стало трудно даже жалование получить' (букв. '... в деревне жалование даже таким, которое должно быть получено, трудно стало'), *kāt̄nī ho jānā* 'становиться такими, которые предстоит проводить' [...] *Dillī mē ye do mahīnd kī chuttīyā bhī kāt̄nī dūbhar ho jātī hāi* (PL, 110) '... в Дели становится тяжко проводить даже эти двухмесячные каникулы' (букв. '... в Дели даже эти двухмесячные каникулы такими, которые предстоит проводить, тяжки становятся');

б) *raṛnī śurū ho jānā* 'начаться таким (в качестве такого), который должен наступить' [...] *raṛnī śurū ho gaī thī ...* (RY, S, 50) 'Уже начало холода ...' (букв. 'Холод таким, который должен наступить, начался ...'), *kahnī ānā* 'даваться (приходить) такими, которые следует говорить' [...] *sentimental bātē mujhe kahnī hī nāhī ātī, Gaūrājī* (Aj, N, 258) 'Совсем я не умею, Гаура, говорить сентиментальности' (букв. 'Сентиментальности мне такими, которые следует говорить, не даются, Гаура-джи');

Возможен и третий подход к трактовке герундивного инфинитива как зависимого компонента синтагм, заключающийся в том, чтобы, исходя из факта согласования герундивного инфинитива с именем существительным, рассматривать его в качестве зависимого компонента особого рода атрибутивных синтагм, что применительно к приведенным выше примерам-предложениям выглядит следующим образом: *kṣatā tāgnī* 'прощение, которое нужно просить', *sācṇā denī* 'сообщение, которое надлежит дать', *tajūrī milnī* 'жалование, которое должно быть получено', *chuttīyā kāt̄nī* 'каникулы, которые предстоит проводить', *ṭhāṇḍ raṛnī* 'холод, который должен наступить (наступление которого следует ожидать)', *bātē kahnī* 'вещи, которые следует говорить'. Такого рода атрибутивные синтагмы было бы проще назвать герундивными синтагмами, имея при этом в виду (помимо того, что зависимый компонент представлен герундивным инфинитивом) такие их особенности, как употребление имени существительного — главенствующего компонента только в форме прямого падежа и постпозиция зависимого компонента относительно главенствующего.

Причастиям свойственно выступать в качестве зависимого компонента следующих синтагм:

а) атрибутивных, например, *uhtī bhāp* 'поднимающийся пар', *āūi striyā* 'прибывшие женщины', *likhī pustakē* 'написанные книги', *[inām] rāyā huā larkā* 'получивший [прием] мальчик', *[karā] rahne striyā* 'одетые женщины', *raṭ rāhī bīdē* 'падающие капли';

б) обстоятельственных с главенствующим компонентом — глаголом, например, *sakucātē hue pūchnā* 'смущаясь, спрашивать', *leṭe hue dekhnā* 'смотреть лежа', *baithī tāknā* 'сидя [глядеть]' (о женщине), *[ākhē] mūde soscā* 'думать, закрыв глаза', 'думать с закрытыми глазами' (ср. обстоятельственные синтагмы структуры НГ и структуры ПГ);

в) присвязочно-квалификативных, например, *so gaye mālūm honā* 'казаться уснувшими', *ghūmtā huā lagñā* 'казаться врачающимся', *bichā huā honā* 'быть расстеленным', *likhā huā honā* 'быть написанным', *[jaiket] rahne hue honā* 'быть в жакете' (букв. '[Жакет] надевши, быть' ≈ 'быть с надетым жакетом'), *[dilcaspt] le rāhā pratīt honā* 'казаться проявляющим [интерес]' (ср. присвязочно-квалификативные синтагмы структуры ПГ);

г) комплетивно-квалификативных, например, *[dhūl] urti huī dekhnā* 'видеть [пыль] клубящейся', *[dūdh] bikhrā huā pānā* 'обнаруживать [молоко] разлитым', *[Mohan ko] sahme hue dekhnā* 'видеть [Мохана] напуганным', *[use] jātā huā dekhnā* 'видеть [его] идущим', 'смотреть, как [он] идет', *[hāth] barhāye rakhnā* 'держать [руку] протянутой', *[rājā ko kafn̄t] bādhē dekhnā* 'видеть [раджу] облаченным [в балахон]', *[use] phēkī huī pānā* 'обнаруживать [ее] брошенной', *[avhelnā] ho rahī dekhnā* 'видеть [пренебрежение] имеющим место' (ср. комплетивно-квалификативные синтагмы структуры ПГ);

д) спецификативных, например, *jātā mil jānā* 'встретиться идущим', *cartā huā nazar ānā* 'появляться пасущимся', *pakrā huā ānā* 'являться [будучи] пойманым' (ср. структуру ПГ спецификативных синтагм).

Итак, использование причастий в качестве зависимых компонентов синтагм сопоставимо с использованием прилагательного в синтагмах с главенствующим компонентом — существительным или глаголом, а также с использованием наречия в синтагмах с главенствующим компонентом — глаголом.

Следует особо отметить атрибутивные синтагмы типа *āte vakt* 'во время прихода', *laūtī velā* 'во время возвращения', где какой-то определенный отрезок времени характеризуется путем указания на приуроченное к нему действие, выраженное глаголом, стоящим в форме причастия (имперфективного).

Важно подчеркнуть, что в качестве зависимого компонента обстоятельственных синтагм причастие (имперфективное, перфективное) может служить базой абсолютных причастных оборотов.

Глагольное прилагательное выступает в качестве зависимого компонента:

а) в атрибутивных синтагмах, например, *āne vāle yātrī* 'приывающие путники', *[bakə] dhone vālā ādmī* 'человек, несущий [ящик]', *bolne vālī gix̄iyā* 'говорящая кукла';

б) в присвязочно-квалификативных синтагмах, приобретающих, как правило, семантические черты "проспективных" синтагм (см. выше с.105), например, *šurū hone vālā honā* 'быть готовым немедленно начаться', *lauṭne vālā honā* 'быть готовым немедленно возвратиться', 'собираться возвратиться'.

Деепричастие расценивается как зависимый компонент обстоятельственных синтагм с главенствующим компонентом — глаголом: *ghūmkar dekh lenā* 'провернувшись, поглядеть', *[kivang tē] paṛkar bigarmā* 'портиться, попав [в дурную компанию]'. Оно может служить при этом базой абсолютных деепричастных оборотов.

Кроме того, деепричастие (в своей краткой форме) выступает в качестве зависимого компонента особых синтагм, таковыми являются синтагмы с главенствующим компонентом — глаголом *saknā* 'мочь', 'быть в состоянии' и *ciknā* 'кончаться', 'оканчиваться': *jā saknā* 'иметь возможность идти', 'быть способным идти', *jā ciknā* 'уже уйти'.

Синтагму, образуемую герундием совместно с глаголом *cāhnā* 'хотеть', 'желать' как главенствующим компонентом, можно условно назвать дезидеративной⁹, не оставляя, однако, без внимания ее семантическое сходство с "проспективной" синтагмой: *āyā cāhnā* 'быть готовым немедленно прийти', *bajā cāhnā* 'вот-вот прозвенеть'¹⁰.

СИНТАГМЫ С ГЛАВЕНСТВУЮЩИМ КОМПОНЕНТОМ — НЕФИНИТНОЙ ФОРМОЙ ГЛАГОЛА

Среди субъектных и объектных синтагм существуют такие подчинительные синтагмы, специфика которых определяется входением в их состав нефинитной формы в качестве главенствующего компонента.

К субъектным синтагмам такого рода принадлежат:

а) синтагмы с главенствующим компонентом — герундиальным инфинитивом, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямого падежа, — *vītē milnā* 'получение мест' (букв. 'места доставаться'), *uy-*

⁹ Ср. термин "дезидеративные сложные глаголы" [111, с.266].

¹⁰ С упором на семантику можно говорить о "проспективных" синтагмах четырех видов, а именно: *bolne ko honā* (присвязочно-квалификативная синтагма, с зависимым компонентом — герундиальным инфинитивом), *bolne jāpnā* (с собственно "проспективная" синтагма), *bolnevālā honā* (присвязочно-квалификативная синтагма с зависимым компонентом — глагольным прилагательным), *bolā cāhnā* ("дезидеративная" синтагма).

*nivarsit̪ khulne [ke din] 'дни' открытия университета', *śūraj dūbne tē* 'при заходе солнца' (поскольку существительное выступает здесь как аналог подлежащего, связанного со сказуемым – финитным глаголом, такие синтагмы можно считать полупредикативными);*

б) синтагмы с главенствующим компонентом – герундияльным инфинитивом, в которых зависимый компонент представлен именем существительным или его местоименным субститутом с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением, – *kukīrti ke mitne tē* 'при исчезновении дурной славы', *mahilā ke [śor] macāne par* 'после того как женщина подняла (поднимет) [крик]', *dil kā calnā* 'биение сердца', *unkā ghūmnā* 'его блуждание', *ākramankā-priyōd kā [āge]* *baṛhnā* 'продвижение захватчиков [вперед]', *merā [rahaṭ]* *jānā* 'моя поездка [в горы]' (такие синтагмы удобно назвать атрибутивно-субъектными, имея в виду их противопоставленность, с одной стороны, полупредикативным синтагмам, только что отмеченным выше, и, с другой – субъектно-атрибутивным синтагмам, выделяемым внутри атрибутивных синтагм структуры СС; см. выше с.100);

в) синтагмы с главенствующим компонентом – герундияльным инфинитивом, не характеризующимся формой инактивного залога, в которых зависимый компонент оформлен послелогом *[ke]* *dvārā* 'посредством', 'при помощи', 'через', – *kendra dvārā [yah uttardāyitva]* *chōṛ dene par* 'после отказа центра [от этой ответственности]', *lekhakō dvārā [vatmelan tē bhāg lene]* *ānā* 'приезд писателей [для участия в конференции]';

г) синтагмы с главенствующим компонентом – перфективным причастием переходного глагола, в которых зависимый компонент представлен именем существительным или его местоименным субститутом с послелогом-транспозитором *kā* либо притяжательным местоимением, – *bālśāh kī māgāī huī [vasti]* 'заказанная императором [вещь]', *dādā-pardādā ke banvāye [makān]* 'возведенные предками [строения]', *unkī kī lagāyī huī [āg]* 'ею же разведенный [огонь]', *merī likhī [priyatākē]* 'написанные мной [книги]';

д) синтагмы с главенствующим компонентом – перфективным причастием непереходного глагола, выступающим как аналог зависимого компонента атрибутивной синтагмы, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямого падежа, – *sūrtā lagī [ākhē]* 'подвешенные сурьмой [глаза]' (букв. 'сурьма-прилипшие глаза' в смысле "глаза, к которым пристала сурьма"), *rāṇī parī huī [rākhī]* 'облитый водой пепел' (букв. 'вода-попавший пепел' в смысле "пепел, на который попала вода"), *konā-tūṛā [prannā]* 'страница с загнутым углом' (букв. 'угол-загнувшаяся страница' в смысле "страница, у которой загнулся угол");

е) синтагмы с главенствующим компонентом – причастием (имперфективным, перфективным), являющимся базой абсолютного причастного оборота, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямо-

го падежа, — *[rahla] tāhīnā guzarte hī* 'сразу же по истечении [первого] месяца', *[ādhī] rāt bīte* 'по истечении [половины] ночи' ;

ж) синтагмы с главенствующим компонентом — причастием (имперфективным, перфективным), являющимся базой абсолютного причастного оборота, в которых зависимый компонент представлен именем существительным или его местоименным субститутом с послелогом-транспозитором *kā* в форме *ke* либо притяжательным местоимением (в форме на *-e*), — *khirkī ke khulte hī* 'как только открылось (откроется) окно', *Latikā ke [khirkī] kholte hī* 'как только [окно] открыла (откроет) Латика', *mere bolte hī* 'как только я сказал (скажу)', *hamāre rahte* 'пока мы живы', *mere gōe bīt* 'несмотря на мой плач', *binā ārke* 'без *āye hue*' 'без вашего прихода';

з) синтагмы с главенствующим компонентом — деепричастием, являющимся базой абсолютного деепричастного оборота, в которых зависимый компонент представлен именем существительным, стоящим в форме прямого падежа, — *rāt bītkar* 'по прошествии ночи', *sardī lagkar* 'от холода', 'от простуды' (букв. 'холод пристав').

Говорить о субъектных синтагмах с главенствующим компонентом — герундивным инфинитивом, а именно инфинитивом, согласованным с именем субъекта соответствующего действия, допустимо лишь в том случае, если герундивный инфинитив расценивать как альтернативу герундиального в синтагмах, отмеченных выше в п. "а", — *sītē milnī* (= *sītē milnā*) 'получение места', *majūrī milnī* 'получение жалованья'. [Такая оценка герундивного инфинитива противостоит второму и третьему подходам к трактовке этой глагольной формы как зависимого компонента синтагм, упомянутым выше (см. с. 105–106).]

Выше уже говорилось, что субъектные синтагмы, отмеченные в п. "а", могут квалифицироваться как синтагмы полупредикативные. К числу полупредикативных синтагм можно отнести также и синтагмы, отмеченные в п.п. "д", "е", "з", так как в них, как и в синтагмах пункта "а", имя субъекта обозначенного нефинитным глаголом действия характеризуется формой прямого падежа, т.е. формой, свойственной имени, выступающему в роли подлежащего при сказуемом — финитном глаголе (иначе говоря, формой, которой бывает представлено имя, являющееся компонентом предикативной синтагмы). Согласно иной точке зрения, которая базируется на положении, что в таких синтагмах связь между компонентами имеет двустороннюю направленность, синтагмы всех четырех пунктов подлежат включению в разряд *социативных* синтагм [23].

Своебразие субъектных синтагм, отмеченных в п. "ж", состоит в том, что в них главенствующий компонент, представленный причастием, приобретает черты имени действия (помен *actionis*) и сближается функционально с герундиальным инфинитивом определенных синтагм, входящих в число субъектных синтагм пункта "б" (*khirkī ke khulte hī* ≡ *khirkī ke khulne par*).

Предложенному выделению субъектных синтагм пункта "г" может быть противопоставлена точка зрения, согласно которой в тех случаях, когда причастие сопровождается именем объекта соответствующего действия, их именной компонент следовало бы считать принадлежащим другим синтагмам, а именно зависимым компонентом атрибутивных синтагм с главенствующим компонентом – существительным, помещенным после причастия, уже связанного с данным существительным на основе атрибутивного отношения: *bādšāh kī* [tāgāt hū̄] *vastu* букв. 'императора [заказанная] вещь', *dādā-pardādā ke* [banvāye] *makān* букв. 'предков [возведенные] строения', *inħi kī* [lāgħuż hū̄] *āg* букв. 'ее же [разведенный] огонь', *meri* [likħi] *pustakē* букв. 'мои [написанные] книги'. В тех же случаях, когда за причастием следует связочный глагол, подобный именной компонент можно было бы принять за зависимый компонент присвязочно-квалификативных синтагм с главенствующим компонентом – связочным глаголом, помещенным после причастия, уже объединенного со связкой на основе присвязочно-квалификативного отношения: [*vastu*] *bādšāh kī* [tāgāt hū̄] *haġi* (*honā*) и т.п. Такой же ход рассуждения можно распространить и на комплетивно-квалификативные синтагмы применительно к тем случаям, когда за причастием следует переходный глагол типа *samajhna* 'думать', 'считать', *batānā* 'сообщать', 'привозглашать' и т.п.

Фактически же значение агенсности, благодаря которому последовательность слов "имя + *kā* + причастие" принимается за субъектную синтагму, есть функция семантического взаимодействия слов как зависимых компонентов синтагм с общим главенствующим компонентом, влекущего перестройку подчинения из радиального в последовательное (о радиальном и последовательном подчинении см. ниже). См., например, сочетание слов *bādšāh kī tāgāt hū̄ vastu*, где набору синтагм *tāgāt hū̄ vastu* и *bādšāh kī tāgāt hū̄* противостоит "изначальный" набор синтагм *tāgāt hū̄ vastu* и *bādšāh kī vastu*.

К объектным синтагмам, специфика которых как подчинительных определяется входением в их состав нефинитной формы в качестве главенствующего компонента, принадлежат:

а) синтагмы с главенствующим компонентом – герундиальным инфинитивом в форме инактивного залога, в которых зависимый компонент представлен именем существительным в форме прямого падежа (такие синтагмы могут быть расценены как полупредикативные на том основании, что существительное в них выступает как аналог подлежащего, связанного со сказуемым – финитным глаголом, – *ruħla diya* jāne ḥar 'после вручения чашки', [*do sawi logħo ke* tāġe jāne] [*kī ašantka*] 'Гласение, что] погибло [двести] человек';

б) синтагмы с главенствующим компонентом – герундиальным инфинитивом (в том числе с герундиальным инфинитивом в форме инактивного залога), в которых зависимый компонент, обозначающий имя объекта соответствующего действия, сопровождается послелогом-транспозитором *kā*,

например: *prāśnō kā tālnā* 'уклонение от ответа на вопросы' (см. *tālnā* 'отодвигать', 'отстранять'), *āgreṣṭ kā* *raṭhnā* 'изучение английского языка' (см. *parhñā* 'изучать'), *unkā phēk diyā jānā* 'их сбрасывание' ('их участь быть сброшенными'; см. *phēk denā* 'бросить'), *kāitṛḍ ke tōṛ* *diye jāne [ke virodh mē]* '[против] разрушения лагерей' (см. *tōṛ denā* 'разрушить'); такие синтагмы являются объектными синтагмами особого рода, а именно атрибутивно-объектными синтагмами.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ И РАДИАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

В речевой цепи одно и то же слово может быть компонентом более чем одной синтагмы. Это наблюдается в случаях последовательного и радиального подчинения. При последовательном подчинении определенный компонент выступает как главенствующий по отношению к одному синтаксически связанному с ним слову и как зависимый по отношению к другому слову. Так, например, в сочетаниях слов *kōṭ javāb denā* 'давать какой-либо ответ', *halvāt kī dukān par* *pañcīspā* 'добраться до лавки кондитера', *bāglā bolnevālī kaśmīrin* 'говорящая по-бенгальски кашмирка', *barāmde ke farś kā sīment* 'цемент пола веранды' каждое из таких слов, как *javāb* 'ответ', *dukān* 'лавка' с послелогом *par*, *bolnevālī* 'говорящая', *farś* 'пол' с послелогом-транспозитором *kā*, выступает как главенствующий компонент по отношению к предшествующему слову и как зависимый компонент по отношению к последующему, в связи с чем выделяются синтагмы: *kōṭ javāb* 'какой-либо ответ', *javāb denā* 'давать ответ'; *halvāt kī dukān par* 'до лавки кондитера' (ср. *halvāt kī dukān* 'лавка кондитера'), *dukān par pañcīspā* 'добраться до лавки'; *bāglā bolnevālī* 'говорящая по-бенгальски', *bolnevālī kaśmīrin* 'говорящая кашмирка'; *barāmde ke farś kā* 'поля веранды' (ср. *barāmde kā farś* 'пол веранды'), *farś kā sīment* 'цемент пола'. Нередко на основе последовательного подчинения возникают последовательности слов, содержащие более одного члена, обладающего качеством главенствующего компонента одной синтагмы и зависимого компонента другой, например: *kāt viśvavidyālayō ke kāt se sambaddha kāt* 'связанная с работой нескольких университетов деятельность', *ghirtī sājh ke ākāś ke pat par* 'на фоне неба опускающихся сумерек', *usī rāt dekhe hue film kā varṇan kārñā* 'давать (букв. делать) описание просмотренного тем же вечером фильма', где отмеченным качеством обладают слова *sambaddha* 'связанный', *kāt* 'работа' (с послелогом *se*), *viśvavidyālay* 'университет' (в форме косвенного падежа множественного числа с послелогом-транспозитором *kā* > *ke*); *pat* 'фон' (с послелогом *par*), *ākāś* 'небо' (с послелогом-транспозитором *kā* > *ke*), *sājh* 'вечер', 'сумерки' (с послелогом-транспозитором *kā* > *ke*); *varṇan* 'описание', *film* 'фильм' (с послелогом-транспозитором *kā*), *dekha* 'просмотренный' (в форме косвенного падежа мужского ро-

да, отражающей грамматическую характеристику существительного *film*). Словопорядок в речевой цепи, образованной последовательным подчинением, определяется принципом расположения зависимого компонента перед господствующим.

При радиальном подчинении определенный компонент выступает в качестве главенствующего по отношению к нескольким (двум и более) словам, не объединенным между собой сочинительной связью. Так, например, в сочетаниях слов *tamāśāiyō ko tīkat bātnā* 'раздавать зрителям билеты', *Gaurā se Bhuvan kā paricay* 'знакомство Бхувана с Гаурой', *jārō kī idās sandhyā* 'унылый зимний вечер', *vāvadhānī se āine ke sāmte ākkō mē vīkta sajānā* 'подводить перед зеркалом глаза сурьмой', таким качеством обладают слова *bātnā* 'раздавать' (см. синтагмы *tīkat bātnā* 'раздавать билеты' и *tamāśāiyō ko bātnā* 'раздавать зрителям'), *paricay* 'знакомство' (см. синтагмы *Bhuvan kā paricay* 'знакомство Бхувана' и *Gaurā se paricay* 'знакомство с Гаурой'), *sandhyā* 'вечер' (см. синтагмы *idās sandhyā* 'унылый вечер' и *jārō kī sandhyā* 'зимний вечер'), *vajānā* 'подводить' (см. синтагмы *vīkta vajānā* 'подводить сурьмой', букв. 'сурьму наносить', *ākkō mē vajānā* 'подводить глаза', букв. 'наносить в глаза', *āine ke sāmte vajānā* 'подводить перед зеркалом', *vāvadhānī se vajānā* 'подводить тщательно').

При радиальном подчинении зависимые компоненты разных синтагм, имеющих общий главенствующий компонент, оказываются дифференцированными в плане грамматической семантики, что обнаруживается в области синтаксических связей слов. Эта дифференциация зависимых компонентов сказывается на их взаимном расположении относительно друг друга в рамках предложений, и ей свойственно получать эксплицитное выражение в их различном оформлении (см., например, выше *tamāśāiyō ko* и *tīkat* в *tamāśāiyō ko tīkat bātnā*, *Gaurā se* и *Bhuvan kā* в *Gaurā se Bhuvan kā paricay*).

Последовательное и радиальное подчинение могут дополнять друг друга в ходе развертывания речевой цепи, например: *jangal ke arddha prakāśit ādhere mē rāstā dhūrhnā* 'искать дорогу в полуутяме (букв. в полуосвещенной темноте) леса' (здесь прослеживаются две линии последовательного подчинения, а именно: *jangal ke ādhere mē dhūrhnā* 'искать в темноте леса' и *arrrda prakāśit ādhere mē dhūrhnā* 'искать в полуосвещенной темноте', и два узла радиального подчинения, а именно: *ādhere mē rāstā dhūrhnā* 'искать дорогу в темноте' с главенствующим компонентом *dhūrhnā*, общим для двух синтагм, и *jangal ke arddha prakāśit ādhere mē* букв. 'в полуосвещенной темноте леса' с главенствующим компонентом *ādhere mē* 'в темноте', общим тоже для двух синтагм); *dīye kī battī ke pās jaltī hūt mācis ko barhānā* 'подносить горящую спичку к фитилю светильника' (здесь две линии последовательного подчинения, а именно: *jaltī hūt mācis ko barhānā* 'подносить горящую спичку' и *dīye kī battī ke pās barhānā* 'подносить к фитилю светильника', исходят из одного и того же узла радиального подчинения: *battī ke pās mācis*

ko baṛhānā 'подносить спичку к фитилю'); *per kī tahnī ko cākī se chīlkar chotī-bēt banā lenā* 'изготовить небольшую трость, обстругав ножом ветку дерева' (здесь прослеживаются три линии последовательного подчинения, а именно: *chotī-bēt banā lenā* 'изготовить небольшую трость', *per kī tahnī ko chīlkar banā lenā* 'изготовить, обстругав ветку дерева', *cākī se chīlkar banā lenā* 'изготовить, обстругав ножом', и два узла радиального подчинения, а именно: *chīlkar bēt banā lenā* 'изготовить трость, обстругав' и *tahnī ko cākī se chīlkar* 'обстругав ножом ветку').

Следует отметить, что радиальное подчинение проявляется не только тогда, когда синтагмы различаются семантико-сintаксически, как это имеет место в следующем примере: *skūl mē irdū parhnā* 'изучать урду в школе', где *urdū parhnā* 'изучать урду' – объектная синтагма, *skūl mē parhnā* 'изучать в школе' – обстоятельственная синтагма. Поскольку при одном и том же семантико-сintаксическом отношении семантические связи между словами бывают различными, поскольку радиальное подчинение проявляется также в рамках одного и того же семантико-сintаксического отношения, например объектного (*tamāśāiyō ko ṭikat bāṭnā* 'раздавать зрителям билеты') или атрибутивного (*vīḍā kā madhur svār* 'нежный звук вины', *apnī vālānā chutti* 'свой отпуск за год', *purānā vāptāhik vātācār-patra* 'старая еженедельная газета'). В таком примере, как *purānā vāptāhik vātācār-patra* 'старая еженедельная газета', однородность семантико-сintаксического отношения (в данном случае атрибутивного) синтагм *vāptāhik vātācār-patra* и *purānā vātācār-patra* нарушается тем, что слово *purānā* 'старый' относится по смыслу к *vāptāhik vātācār-patra* 'еженедельная газета'.

КОМБИНАЦИИ ПОДЧИНИТЕЛЬНОГО И СОЧИНИТЕЛЬНОГО ВИДОВ СВЯЗИ

В языке хинди, как и в других языках, встречаются различные комбинации подчинения и сочинения, например: *ṭīt aur patthar ke ṭukre* 'куски кирпича и камня', *Gulābkhā kī izzat, śūhrat aur daulat* 'честь, слава и богатство Гулабхана', *apne kamre kī sīlan aur ṭhand ve bacnā* 'спасаться от сырости и холода своей комнаты', *pairō kī bāp aur lālten kī rośnī ve cāikkar jāgnā* 'внезапно (букв. вздрогнув) просыпаться от звука шагов и света фонаря', *tathyā aur satya ke bāre mē Chandramādhav aur Bhuvan kī rāy* 'мнение Чандрамадхава и Бхувана относительно факта истины'. В первом из примеров группа слов, объединенная сочинением, а именно *ṭīt aur patthar* 'кирпич и камень' (с послелогом-транспозитивом *kā > ke*), занимает место "слуги", зависимого от одного "хозяина" (*ṭukre* 'куски'); во втором примере объединенная сочинением группа слов (*izzat, śūhrat aur daulat* 'честь, слава и богатство') занимает место "хозяина", которому подчинен один "слуга" (*Gulābkhā kī* 'Гулабхана'); в третьем примере объединенная сочинением группа слов,

а именно *sīlān aur ṭhānd* 'сырость и холод' (с послелогом *ve*), занимает место компонента, главенствующего по отношению к предшествующему ей знаменательному слову (*kamrā* 'комната', см. *kamre kī* 'комнаты') и зависимого от следующего за ней слова (*baṣṭā* 'спасаться'); в четвертом примере каждое из слов, связанных между собой сочинением, т.е. *cāp* 'звук [шагов]' и *roāñī* 'свет' (с послелогом *ve*), имеет при себе своего "слугу" (соответственно *pairō kī* 'букв. 'ног' и *lālṭen kī* 'фонаря'), но вся группа, объединенная сочинением, занимает место компонента, зависимого от своего "хозяина" (*jāgnā* 'просыпаться'); в пятом же из примеров на базе одного главенствующего компонента (*rāy* 'мнение') осуществляется радиальное подчинение двух объединенных сочинением словесных групп (*Candramādhab aur Bhuvan kī* 'Чандрамадхава и Бхувана' и *tathya aur satya ke bāre tē* 'относительно факта и истины').

В различных комбинациях подчинения и сочинения слова́, объединяемые между собой сочинительной связью, выступают в качестве зависимых компонентов, характеризующихся одинаковым в семантико-сintаксическом плане отношением к одному и тому же главенствующему слову, или в качестве главенствующих компонентов, характеризующихся одинаковым отношением к одному и тому же зависимому слову. Так, например, в сочетании слов *ṭīt aur patthar ke ṭukṛे* 'куски кирпича и камня' выделяются равнозначные в семантико-сintаксическом плане синтагмы *ṭīt ke ṭukṛे* 'куски кирпича' и *patthar ke ṭukṛे* 'куски камня', имеющие один и тот же главенствующий компонент (*ṭukṛe* 'куски'), а в сочетании слов *kamre kī sīlān aur ṭhānd* 'сырость и холод комнаты' налицо две равнозначные синтагмы *kamre kī sīlān* 'сырость комнаты' и *kamre kī ṭhānd* 'холод комнаты', располагающие одним и тем же зависимым компонентом (*kamre kī* 'комнаты'). Приминительно к двум отмеченным (в известной мере полярным) случаям возникает необходимость терминологически разграничивать между собой *дивергентное* (расходящееся из одной точки)¹¹ и *конвергентное* (сходящееся в одной точке) подчинение.

Слова, объединенные сочинительной связью со значением перечисления, могут вступать в аппозитивное отношение с обобщающим их словом, например: *Rauṇakī aur Pūrancand*

¹¹ Таким образом, дивергентное подчинение, в противоположность радиальному (см. выше), имеет дело с зависимыми компонентами синтагм, в семантико-сintаксическом плане друг от друга не отличающимися. Ср., например, *dhān aur lākṛī ḫonā* 'перевозить рис и древесину', с одной стороны, и *tamāśāīyō ko ṭikāt bāṭnā* 'раздавать зрителям билеты' – с другой. Оба этих подчинения подводятся под традиционное понятие *соподчинения*: в одном случае однородного, в другом – неоднородного. Если мы отвлечемся от признака семантико-сintаксической равнозначности/неравнозначности зависимых компонентов синтагм как признака, положенного в основу разграничения дивергентного и радиального подчинения, то соответствующие понятия окажутся одинаковыми по объему.

donō 'Раунаки и Пуранчанд — оба', *Hardvār, Rṣikeś, Mathurā, Vṛṇḍāvan, Bānāras, Jagannāth* — *sab sthānō tē* 'в Хардваре, Ришикеше, Матхуре, Вриндаване, Бенаресе, Джаганнатхе — во всех местах'. Тем самым так называемые перечисляющие приложения, взятые в совокупности, в аппозитивной синтагме предстают как единый ее компонент и находятся вне сферы как дивергентного, так и конвергентного подчинения.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОСЛОВНЫХ СТРУКТУР

Выше говорилось о синтагмах как бинарных структурах, состоящих из двух знаменательных слов. Однако следует считаться с факторами, ведущими к формированию структур, содержащих более двух знаменательных слов.

Одним из таких факторов служит отмеченное выше (см. с.114) несоблюдение однородности в рамках определенного семантико-синтаксического отношения. Так, например, тот факт, что в последовательности слов *purānā sāptāhik samācār-patra* 'старая еженедельная газета' или *pratyek kālī ghaṭā* 'каждое темное облако' слово *purānā* относится по смыслу к *sāptāhik samācār-patra* 'еженедельная газета', а слово *pratyek* — к *kālī ghaṭā* 'темное облако', мог бы служить основанием для утверждения, что в каждом из случаев на месте двух двусловных синтагм (*sāptāhik samācār-patra* и *purānā samācār-patra* — в одном случае, *kālī ghaṭā* и *pratyek ghaṭā* — в другом случае) выступает лишь по одной такой трехсловной структуре, бинарность которой обусловлена делением по непосредственно составляющим с границей между первым и вторым словами (*purānā sāptāhik samācār-patra* и *pratyek|kālī ghaṭā*).

Другой фактор — это использование определенного слова в качестве зависимого компонента одной синтагмы при условии его вхождения на правах главенствующего компонента в состав другой. Например, в таких последовательностях слов, как *pāc gailon petrol* 'пять галлонов бензина', *chāt ratti sonā* 'шесть ратти золота', *das borā sīment* 'десять мешков цемента', *cār ghare pānī* 'четыре кувшина воды', *tīn joṛī ākhē* 'три пары глаз', *tīn kanyā santān* 'потомство, состоящее из трех дочерей', существительное в форме прямого падежа единственного или множественного числа, служащее назвианием единицы измерения (см. *gailon* 'галлон', *ratti* 'ратти') или приобретающее значение такой единицы (см. *borā* 'мешок', *gharā* 'кувшин', *joṛī* 'пара' и даже *kanyā* 'девочка', 'дочь'), выступает как зависимый компонент квантификационных синтагм структуры СС (*gailon petrol*, *ratti sonā*, *borā sīment*, *ghare pānī*, *joṛī ākhē*, *kanyā santān*), однако это обусловлено его вхождением в квантификационные синтагмы структуры ЧС (*pāc gailon*, *chāt ratti*, *das borā*, *cār ghare*, *tīn joṛī*, *tīn kanyā*). Поэтому можно допустить, что в каждом из отмеченных случаев две двусловные синтагмы,

репрезентирующие последовательное подчинение, уступают место одной трехсловной структуре, бинарность которой базируется на делении по непосредственно составляющим с границей между вторым и третьим словами (*pāc gailon! petrol, chāh rattī|sonā, das borā|śūmen̄t, cār ghāre|pānī, tīn jorī|ākhē, tīn kānyā|santān*)¹².

Подобным же образом дело обстоит со случаями типа *das fut īcā* 'высотою в десять футов', букв. 'десять футов высокий' (*das fut īcā*), где на базе последовательного подчинения различны две синтагмы: признаком определительная структуры СП (*fut īcā*) и квантификативная структуры ЧС (*das fut*).

Третий фактор – семантическое несоответствие компоненту синтагмы другого ее компонента, обусловленное ролью последнего в другой синтагме, куда он входит, будучи общим компонентом двух синтагм. Например, в последовательности слов типа *rang iṛṭā lahāgā* 'вылинявшая юбка' (букв. 'цвет-улетучившаяся юбка' в смысле "юбка, цвет которой улетучился, стал блеклым") слову *lahāgā* 'юбка' как главенствующему компоненту атрибутивной синтагмы семантически не соответствует представленный причастием компонент *iṛṭā* (образование *iṛṭā lahāgā*, взятое само по себе, означало бы "улетевшая юбка", *iṛṭā* 'летать', 'исчезать', 'улетучиваться') в силу того, что данное причастие входит на правах главенствующего компонента в субъектную синтагму, а именно в синтагму *rang iṛṭā* 'такой, чей цвет улетучился' (> 'блеклый', 'вылинявший', 'бледный'). Наблюдаемое в плане семантики нарушение линии последовательного подчинения может служить основанием для утверждения, что в подобных случаях на месте двух двусловных синтагм, имеющих общий компонент, появляется одна трехсловная структура, бинарность которой базируется на делении по непосредственно составляющим с границей между вторым и третьим словами (*rang iṛṭā lahāgā*). Фактически же первое из непосредственно составляющих (т.е. субъектная синтагма) может быть подвержено процессу лексикализации, превращения в сложное слово, процессу, с завершением которого связано появление в хинди таких прилагательных, как *dim-katā* 'куцкий', *tan-calā* 'легкомысленный', *māh-jalā* 'низкий', 'подлый'.

Еще один фактор – это наблюдающееся в аппозитивных синтагмах распространение детерминации идентификации или детерминации включения на многословные образования: *mīstār Varmā fārest ḥāfir sāhab* 'мистер Варма – чиновник департамента лесов', *Māhīcan Raiḍās kī betī Mālārī* 'дочь Махичана Райдаса [по имени] Малари', *prakhyāt frānsvīt iṛapuṇyāskār Alegzāindar Dūmā* 'знаменитый французский романист Александр Дюма'.

¹² Существует, однако, точка зрения на такие трехсловные структуры как на характеризующиеся аппозитивным отношением [98, с.444].

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОЙ СИНТАГМЕ

Различным видам подчинительных синтагм противопоставляются *предикативные синтагмы*, т.е. синтагмы, семантико-сintаксическое отношение в которых раскрывается как приписывание определенного признака предмету и актуализация представления о данном признаком в плане категорий модальности и времени. Каждая предикативная синтагма служит конституированию элементарного предложения (самостоятельного предложения или части сложного, каковой может быть главное предложение, придаточное предложение, часть сложносочиненного предложения). Ей имплицируется двусоставность предложения, и каждый из ее двух компонентов предстает как вершина развертывания подчинительной связи на участке речевой цепи, ограниченном рамками элементарного предложения.

Одним из двух компонентов предикативной синтагмы бывает глагол в финитной форме, взятый сам по себе или, если он является связочным (включая случаи его сочетания с прилагательным – модификатором связки при манифестиации модально-связочного отношения), вместе с зависимым компонентом присвязочно-квалификативной синтагмы. Другой компонент предикативной синтагмы представлен именем существительным или его местоименным субститутом (равно как любым субстантивированным словом) в форме прямого падежа или в послеложно-падежной форме с послелогом *ne*. Свойство быть компонентом предикативных синтагм присуще герундиальному инфинитиву в форме на *-nā*. Трактовку же герундивного инфинитива как компонента предикативных синтагм следует считать допустимой лишь в том случае, если исключается возможность его рассмотрения в качестве зависимого компонента присвязочно-квалификативных и спецификативных синтагм и в качестве зависимого компонента особого рода атрибутивных синтагм (см. выше, с.106).

Не будучи связочным, финитный глагол обозначает в силу присущего ему лексического значения процессуальный (динамический) признак, приписываемый в рамках предикативной синтагмы предмету, и актуализирует своей формой времени и/или наклонения представление о данном признаком. Таким образом, две линии предикативного отношения, а именно приписывание признака предмету и актуализация представления о данном признаком в плане категорий модальности и времени, исходят в случаях с несвязочным финитным глаголом из слова-глагола как из одной точки.

В случаях же со связочным глаголом последний призван лишь актуализировать своей формой представление о признаком (непроцессуальном), получающем выражение в слове – зависимом компоненте присвязочно-квалификативной синтагмы. Тем самым две линии предикативного отношения, отмеченные выше, как бы существуют отдельно одна от другой, соединяя с именем предмета, которому приписывается актуализованный признак, в одном случае глагол-связку, а в

другом случае присвязочный член. Поэтому точке зрения на присвязочно-квалификативную синтагму как на единый компонент предикативной синтагмы может быть противопоставлена точка зрения, согласно которой каждый из компонентов присвязочно-квалификативной синтагмы является одновременно компонентом своей предикативной синтагмы из числа двух синтагм (актуализирующей и признаконаделяющей) с общим компонентом-именем, дифференцированных в рамках единого семантико-сintаксического отношения, а именно — предикативного.

Место каждого из двух компонентов предикативной синтагмы может быть занято группой слов, объединенных сочинением, чем обусловливается наличие предложений с однородными главными членами: подлежащими и/или сказуемыми.

Глава IV

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВ

Для обеспечения выражения синтаксических связей слов и для передачи многообразия семантико-синтаксических отношений между ними язык хинди использует разные средства, способные на том или ином участке речевой цепи дополнять друг друга, а именно: (а) словопорядок, т.е. взаимное расположение слов относительно друг друга; (б) служебные слова, как-то: послелоги, послеложные частицы-транспозиторы, союзы и частицы; (в) формы знаменательных слов и некоторых служебных слов (например, послелога-транспозитора *kā* и послеложных транспозиторов); (г) интонацию [77, с.7].

СЛОВОПОРЯДОК И ЕГО РОЛЬ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВ

Основные принципы, определяющие словопорядок, соответствующий конситуативной нейтральности высказываний на языке хинди, сводятся к следующим:

1) зависимый компонент подчинительной синтагмы предшествует главенствующему компоненту;

2) финитный глагол (сам по себе или же в сочетании с зависимым компонентом присвязочно-квалификативной синтагмы) выступает как заключительный компонент предикативной синтагмы и отделяется от ее компонента, находящегося на первом месте, теми словами, с которыми он (равно как и предикатив) сочетается в качестве вершины развертывания подчинительной связи.

Именно словопорядком создаются способы синтаксической организации слов, при реализации которых качество какого-либо слова как компонента, зависимого от другого компонента (или, шире, синтаксически связанного с другим компонентом), определяется исключительно или преимущественно его позицией по отношению к последнему.

Здесь следует различать следующие явления:

1) позиционное примыкание слова, когда то или иное слово обходится без формы словоизменения, выбор которой был бы зависим от оформления и/или грамматических (в пла-

не дифференциации граммем) свойств другого определенного слова, т.е. без формы, которая выступала бы как обусловленная связью данного слова с другим определенным словом, например, *āsān xāstā* 'легкий путь' (атрибтивная синтагма структуры ПС), *tīn sāl* 'три года' (квантиративная синтагма структуры ЧС), *sarvathā nirāśrit* 'со всем беззащитный' (признакоопределительная синтагма структуры НП), *sarvatra ākargak* 'везде притягательный' (обстоятельственная синтагма структуры НП), *lag-bhag rācās* 'приблизительно пятьдесят' (прецизентная синтагма структуры НЧ), *turgant kahnā* 'говорить немедленно' (обстоятельственная синтагма структуры НГ), *rāmatukhtam lekhak* 'виднейший писатель' (атрибутивная синтагма структуры ПС, в которой форма превосходной степени прилагательного не отражает ни родовой принадлежности существительного, ни его падежной формы, ни формы числа), *do ryālī dūdh* 'две чашки молока' (трехкомпонентное образование с двухступенчатым примыканием, возникшее на базе двух квантиративных синтагм), *das fuṭ ūcā* 'высотою в десять футов' (трехкомпонентное образование с двухступенчатым примыканием, возникшее на базе двух синтагм – квантиративной и признакоопределительной);

2) позиционное примыкание словоформы, наделенной особым значением, на основе семантической избирательности со стороны связанных с ней слов, а именно – (а) формы на *-ō* числительных, служащей для передачи значения сортированности (либо замкнутой совокупности), неопределенной множественности или приблизительного количества в квантиративных синтагмах структуры ЧС, например, *tīnō bhāt* 'трое братьев', *bārahō mahīne* 'все двенадцать месяцев', 'круглый год', *lākhō janatā* 'сотни тысяч людей', *hazārō log* 'тысячи людей', *bīsō gārīyā* 'десятика два по-возок'; (б) формы на *-ō* (т.е. формы косвенного падежа множественного числа в именной парадигме), отличающейся значением неопределенной множественности у существительных счетно-числовой семантики – первых компонентов квантиративных синтагм структуры СС, например, *bīsiyō dabbe* 'десятки (букв. двадцатки) банок', *saikrō musāfir* 'сотни путешественников', *darjanō bħāšēt* 'десятки (букв. дюжины) языков'; (в) той же формы, отличающейся тем же значением у существительных, выступающих в качестве наименований единиц измерения, – первых компонентов квантиративных синтагм структуры СС, а также признакоопределятельных синтагм структуры СП и структуры СН, например, *għarō pānī* '[целые] кувшины воды', 'не один кувшин воды', 'вода [целыми] кувшинами', *bīghō żemtān* 'бигхи земли', *mīlō għarrā* 'глубиной (букв. глубокий) в несколько миль', *koso dūr* 'на удалении во много косов';

3) позиционное примыкание деепричастия (деепричастной формы глагола), например, ... *ek mez ke pās jākar ba i tħayu* (MR, A, 194) '... подойдя к столу, сел', ... *vardi* *raħankar nikaltā* (Y, Dd, 22) '...появлялся, надев форму',

... *dāktar ke sir par hāth dharkar pūchā* (Y, Dd, 13) '... положив руку на голову доктора, спросила'¹;

4) стяжение слов (как правило, существительных), оцениваемое как результат грамматической компрессии, позволяющей обходиться без "морфологических и синтаксических показателей (послелогов и флексий)" связи слов [9, с.41], например, *Bhārat sarkār* 'правительство Индии', *dīpāvalī viśeṣāṅk* 'специальный номер [журнала, посвященный празднику] дивали', *kṛṣi utpādan* 'сельскохозяйственное производство' ;

5) аппозитивное сложение слов, например, *śrīmatī Cōṛḍā* 'госпожа Чопра', *dhabī patī* 'муж-прачка', *Lāhaur nāgar* 'город Лахор', *mitra tāgevālā* 'друг-извозчик' ;

6) изафетное объединение слов как результат реализации синтаксического приема, свойственного персидскому языку (сам изафет, этот морфологический показатель главенствующего компонента, занимающего в атрибутивной синтагме позицию перед зависимым компонентом, может и отсутствовать): *maidān-e jang* 'поле боя' [*īs maidāne-jang* mē (NK, 1962, III, 47) 'на этом поле боя'], *zabān-e-tibārak* (AN, S, 400) 'благословенный язык', *kurān pāk* (NK, 1961, XII, 103) 'священный Коран' ;

7) аранжировка слов, зависимых на основе радиального подчинения от одного и того же слова — главенствующего компонента синтагм, что ниже иллюстрируется примерами —

(а) с главенствующим компонентом — именем прилагательным — *bṛ̥haspati se kāṭī chotā* 'значительно меньше Юпитера', 'значительно меньше, чем Юпитер', *pahle se kāṭī adhik balvān* 'намного могущественнее, чем прежде' (в каждом из примеров зависимый компонент компаративной синтагмы, а именно *bṛ̥haspati se* и *pahle se*, предшествует зависимому компоненту признакоопределительной синтагмы, т.е. компоненту *kāṭī* и *kāṭī*, причем во втором примере прилагательное осложнено выступающим непосредственно перед ним показателем повышенной степени качества — словом *adhik* 'больший/больше', 'большой/много' > 'более');

(б) с главенствующим компонентом — именем существительным —

¹ Деепричастие представляется нам идеально примыкающей формой, во-первых, потому, что круг глаголов, способных сочетаться с ним, практически не ограничен (иначе можно было бы говорить о деепричастии как об управляемой форме), во-вторых, потому, что появление деепричастия как глагольной формы не определяется формой сочетающихся с ним глаголов (иначе можно было бы говорить о корреспонденции форм), и, наконец, в-третьих, потому, что деепричастие лишено морфологических показателей, способных отражать грамматические свойства имен (иначе можно было бы говорить о подверженности деепричастия согласованию и/или согласовательному управлению по категории рода).

(1) *larkī kā komal svar* 'нежный голос девушки' (зависимый компонент атрибутивной синтагмы, представленный существительным с послелогом-транспозитором *kā*, предшествует как носитель субстанциального значения² прилагательному, являющемуся тоже зависимым компонентом атрибутивной синтагмы);

(2) *merā bahādur sīpāhī* 'мой храбрый воин' (компонент атрибутивной синтагмы, представленный притяжательным местоимением, предшествует компоненту атрибутивной синтагмы, представленному прилагательным);

(3) *rāc lambī kahāniyā* 'пять длинных рассказов' (зависимый компонент квантитативной синтагмы предшествует прилагательному – зависимому компоненту атрибутивной синтагмы³);

(4) *gāv ke do-cār* *navauyvak* 'несколько (букв. двадцатыре) юношей деревни' и *śāhar ke cand pratiṣṭhit log* 'несколько уважаемых жителей города' (значением субстанциальности, присущим зависимому компоненту атрибутивной синтагмы, представленному существительным с послелогом-транспозитором *kā*, предопределяется помещение данного компонента в позицию перед зависимым компонентом квантитативной синтагмы⁴);

(5) *tumhārī do cīt̪hiyā* 'два ваших письма' (зависимый компонент атрибутивной синтагмы, выраженный притяжательным местоимением, предшествует зависимому компоненту квантитативной синтагмы);

(6) *merā cīnī sīlk kā slīping sūt'* 'мой спальный костюм из китайского шелка', *apnī lakṛī kī bandūk* 'свое деревянное ружье' (употребление имени существительного с послелогом-транспозитором *kā* в качестве зависимого компонента атрибутивной синтагмы не препятствует тому, чтобы позицию перед ним занимало притяжательное место-

² Однако с появлением значения квалификативности вместо значения субстанциальности связана возможность употребления такого компонента в постпозиции относительно прилагательного, например, *[yāh] būxhā inšorens kā ejen̄t* (NK, 1961, XII, 70) '[этот] старый страховской агент', *ek chotā-sā pītal kā sandūk* (P, N, 167) 'небольшой латунный ящик' [ср. *pītal kā ek baṛā-sā lotā* (Am, 11) 'довольно большой горшок из латуни', 'латунный большой горшок']. О "субстанциальности" и "квалификативности" как синтаксико-семантических признаках компонентов синтагм см. в диссертационной работе Г.М.Дашенко [22, с.9-10].

³ Однако такие прилагательные, как *aglā* 'будущий', 'следующий', 'последующий' и *pichlā* 'прошлый', 'истекший', 'минувший', выступают перед зависимым компонентом квантитативной синтагмы: *agle kāt din* 'несколько последующих дней', *pichle tīn-cār mahīne* 'истекшие три-четыре месяца'.

⁴ Ср., однако, пример: *tīn-cār ūp ke gole* 'несколько (букв. три-четыре) клубков шерсти', где зависимый компонент атрибутивной синтагмы, утрачивая значение субстанциальности, следует за компонентом квантитативной синтагмы.

имение, относимое к тому же самому главенствующему компоненту).

Приведенные выше в п. "б" примеры при всей их показательности не дают, однако, полного представления о сложности вопроса порядка слов в группе существительного (т.е. в группе слов, в которой роль главенствующего компонента принадлежит имени существительному). При рассмотрении данного вопроса следует еще учитывать по крайней мере три фактора.

1. Первый из этих факторов – это использование в составе группы существительного местоименных детерминативов, в качестве типичных представителей которых выступают указательные местоимения общевыделительного типа: *vah* ' тот (та, то)' и *yah* 'этот (эта, это)', неопределенное местоимение *kot* в значении "какой-то" ("какой-либо", "какой-нибудь"), неопределенное местоимение *ek* 'один', 'какой-то' (< числительное *ek* 'один').

Прежде всего надо сказать, что для упомянутых указательных местоимений типична препозиция относительно зависимого компонента квантивативной синтагмы (в частности, числительного): *un tīn lāinō ko* (PL, 18) 'те три строки', *us ek pal hīt mē* (NK, 1961, XII, 64) 'всего лишь за один тот миг', *ve do larke* (RY, S, 156) 'те два мальчика', *in tīn sammān-patrō mē* (KC, G, 98) 'во всех этих трех приветственных адресах', [*pichle*] *in chač varədō mē* (NK, 1961, XII, 118) 'за эти [истекшие] шесть лет'.

По отношению же к притяжательным местоимениям и другим словам, в атрибутивных синтагмах обозначающим субъекта обладания (т.е. оформленным при помощи послелога-транспозитора *kā* указательным местоимениям, местоимению *ār*, именам существительным), указательные местоимения-детерминативы, а также отмеченные выше неопределенные местоимения выступают, как правило, в постпозиции: *merā vah dost* (NK, 1961, XII, 126) 'тот мой друг' *ār kā yah chotā-sā kaimp* (Y, DB, 177) 'этот ваш небольшой лагерь', *bhat-tinī ke is dvidhāhīn, sankochīn spṛatā ādeś se* (HD, B, 262) 'от недвусмысленного, твердого и ясного указания браманки', *mere in kuch šabdō mē* (NK, 1961, XII) 'в этих моих нескольких словах', *tumhārā koī patra* (S, TY, 114) 'какое-либо ваше письмо', *merā ek naī sajīld kāpī* (NK, 1961, XII, 131) 'моя новая тетрадь в переплете'.

Таким образом, идеальная последовательность слов, зависимых от одного и того же существительного и представленных прилагательным, числительным, притяжательным местоимением (или функционально эквивалентной притяжательному местоимению именной формой с послелогом-транспозитором *kā*), а также местоимением-детерминативом, принимает следующий вид: *terā ye tīn dileasp [kitābē]* 'эти твои (букв. твои эти) три интересные [книги]' или *Sītā kī ye tīn dileasp [kitābē]* 'эти три интересные [книги] Ситы'⁵.

⁵ Такой порядок следования зависимых компонентов "именной фразы" принимается за грамматически правильный и в языке урду [91].

В общем же отмеченные выше детерминативы способны занимать в группе существительного (в "именной фразе") позицию:

(а) впереди всех относимых к данному существительному и зависимых от него слов, например, *vahī adher īyyu kā ādmī* (NK, 1961, XI, 15) 'тот же человек среднего возраста', *vah sundar, udās ākhō vālī larkī* (NK, 1962, VI, 61) 'та красивая, с печальными глазами девушка', *yahī bhavisya kī bhī-qaṇ cintā* (P, N, 178) 'эта же ужасная мысль о будущем', *yah bīḍhā insorens kā ejent* (NK, 1961, XII, 70) 'этот старый страховой агент', *koi barī īyyu kī strī* (NK, 1961, XII, 118) 'какая-то пожилая женщина', *koi avakāś prāpta faujī afasar* (NK, 1962, II, 14) 'какой-нибудь отставной офицер', *ek adher īyyu kā ādmī* (NK, 1961, XI, 15) 'человек среднего возраста', *ek gol-matol, bhārī tōdūvālā, nāṭā vyakti* (NK, 1962, VI, 66) 'тучный, с большим животом, невысокий человек';

(б) непосредственно перед данным существительным — главенствующим компонентом синтагмы (синтагм), например, *udāsī aur vyathā kā yah jādū* (NK, 1962, II, 48) 'это волшебство печали и страдания', *bīc mē ā patne vālī is asuvīdhā se* (Y, Dd, 80) 'из-за этого внезапно возникающего неудобства', *khūn kā koi bhī niśān* (BC, C, 28) 'хоть какой-нибудь след крови', *kainvas par banāyā gaṛ* koi *reṛ* (MR, A, 71) 'какое-либо изображение на холсте дерево', *Lakṣmī ke bāre mē praśnō kā ek jhund* (PL, 19) 'целый рой вопросов о Лакши', *ghūghrāle bālūvālā ek bālak* (NK, 1962, VI, 60) 'кудрявый мальчик';

(в) между словами — компонентами синтагм, зависимыми от данного существительного как главенствующего компонента, например, *sanniyāsīyōd kā vah chotā-sā varga* (Am, 32) 'та небольшая группа аскетов', *Alkā kī in ras bharī bātō par* (Am, 56) 'на эти сладкие речи Алки', *wafed mūchōvāle us vṛddha lekhak ko* (NK, 1962, II, 92) 'этому старому писателю с седыми усами', *kisī kī koi bahumūlya vastu* (S, TY, 68) 'чья-либо драгоценная (букв. какая-нибудь драгоценная) вещь', *nīyatpūrvak kām karmevālā koi karmaṭh vyakti* (NK, 1962, III, 35) 'какой-нибудь деятельный человек, регулярно занятый работой', *kahāniyōd kī ek tāmūlī pustak* (NK, 1962, VI, 61) 'обыкновенная книга рассказов', *ghūghrāle bālō vālā, śayārānā ākhō vālā, rangīn buśšarī vālā, ek sundar, lambā-saṅčā naavaṇvak* (NK, 1961, XI, 4) 'красивый, дородный юноша с кудрявыми волосами, с глазами поэта, в пестрой рубашке без рукавов'.

При реализации первой возможности сплоченность всех компонентов группы существительного получает внешнее синтаксическое выражение: зависимые компоненты такой группы (вместе со словами, в свою очередь зависимыми от

Ср., однако, точку зрения, согласно которой в хинди является одинаково допустимым любое (из двух) расположение "указательных и посессивных форм" относительно друг друга: *rājā ke ve larke* и *ve rājā ke larke* в значении "те сыновья раджи" [127, с.116].

них) оказываются "помещенными в рамку", образуемую существительным, замыкающим в качестве главенствующего компонента всю группу, и детерминативом-местоимением, относящимся к данному существительному и отражающим в той или иной мере (это зависит от набора форм словоизменения) его грамматические свойства в плане выражения значений именных грамматических категорий⁶. Для иллюстрации в дополнение к уже помещенным выше примерам можно привести следующие примеры: *vah phāṭā phūldār kannī kā mailāsā kapre kā tukrā* (ВС, С, 82) 'тот рвивый, с цветочной каймой, замызганный кусок материи', *is ghanī, gahrī safedī mē* (JK, S, 36) 'в этой густой, непроглядной белизне', *koī bhayānak, kālā-bhujang, badbūdar mūl vālā motā seṭh* (NK, 1962, III, 114) 'какой-то страшный [на вид], совершенно черный, с дурным запахом изо рта, толстый купец', *kisi ajñāt prāṇāntak bhay kī or* (Y, Dd, 9) 'навстречу (букв. в сторону) какому-то неведомому смертельному страху', *ek halkā bhūre rang kī reṣṭī sāṛī* (Am, 55) 'легкое, коричневое шелковое сари', *ek choṭa-sā pāc-chaṭ gharō kā purkā* (P, G, 101) 'крохотная деревушка из пяти-шести домов'.

Реализация второй возможности отвечает принципу максимальной ясности в выражении связи между данным существительным, являющимся вершиной всей группы существительного, и его детерминативом, а следовательно, принципу преодоления той двусмысленности в понимании группы существительного, которая могла бы иметь место в определенных случаях дистантного расположения детерминатива относительно данного существительного (а именно, в случаях наличия между детерминативом и данным существительным другого существительного) и была бы препятствием на пути универсального использования самой этой группы. Например, позиция детерминативов в таких группах существительного, как *Aśok ke is praśna par* (Am, 15) 'на этот вопрос Ашоки' и *midil skūl kī ek ghatnā* (BG, S, 72) 'событие (одно из событий), случившееся в средней школе (относящееся ко времени учебы в средней школе)', исключает возможность понимания этих групп (в отличие, допустим, от *is Aśok ke praśna par* и *ek midil skūl kī ghatnā*) также и в смысле "на вопрос этого Ашоки" и "событие, случившееся в одной из средних школ". Ср. такую группу существительного, как *us bārik frem ke cāśtevālī ḥṛtisṭ se* (NK, 1962, III, 103) 'с той артисткой в очках с изящной оправой', где (в отличие, скажем, от *bārik frem ke cāśtevālī us ḥṛtisṭ se*) нет формальных препятствий для понимания в смысле "с артисткой в очках с той изящной оправой", а правильное понимание подсказывается

---

⁶ Об обрамлении как способе "сплачивать, консолидировать группу существительного, превращая ее в грамматическое единство", см. в работе В.А.Чернышева [77, с.13–14], где за средства обрамления принимаются помимо указательных местоимений не сами существительные, а их флексии и послелоги.

контекстом. Позиция детерминатива обеспечивает универсальность использования (использования в разных окружениях) такой группы существительного, как *amerikan jāvīvīt iрапуās kī koī blaik-melar* (NK, 1962, II, 50) 'какая-то контрабандистка из американского детективного романа' (например, *amerikan jāvīvīt iрапуās kī kīsī blaik-melar ve* 'с какой-то контрабандисткой из американского детективного романа)', тогда как появление того же детерминатива (*koī*) на первом месте в группе (см. *koī amerikan jāvīvīt iрапуās kī blaik-melar*) воспрепятствовало бы универсальности в ее употреблении, поскольку в *kīsī amerikan jāvīvīt iрапуās kī blaik-melar ve* заключался бы скорее всего смысл "с контрабандисткой из какого-то американского детективного романа".

Реализация третьей возможности внешне предстает как средний путь между двумя полярными явлениями, рассмотренными выше. Воплощаясь, по сути дела, в частичном обрамлении зависимых от существительного слов, она тем самым служит дифференциации внераамочных и внутрирамочных компонентов в группе существительного. При этом детерминативам отводится роль сигналов того, что каждый внераамочный компонент оказывается связанным с данным существительным лишь через свое отношение по смыслу к сочетанию, состоящему из этого существительного и внутрирамочного компонента (внераамочных компонентов)⁷.

В случаях реализации второй и третьей возможностей в препозиции относительно детерминативов обычно встречаются (помимо притяжательных местоимений и их функциональных эквивалентов, для которых такая препозиция, как отмечалось выше, является правилом) существительные, осложненные послеложными транспозиторами (например, *kā, vālā*), и такие нефинитные глагольные формы, как глагольное прилагательное (инфinitив на *-ne + vālā*) и причастия (примеры см. выше)⁸.

2. Второй фактор, с которым надо считаться при рассмотрении вопроса о словопорядке в группе существитель-

⁷ В соответствии со сказанным такая группа существительного, как, например, *sannūāsiyōd kā vah chōta-sā varga* (Ам, 32) 'та небольшая группа аскетов', должна считаться соотнесенной на парадигматической оси с такой предикативной единицей, как *vah chōta-sā varga sannūāsiyōd kā hai* 'Та небольшая группа есть [группа] аскетов', в качестве отражения (или проекции) последней.

⁸ Указанные нефинитные формы нередко предшествуют также числительным и существительным собирательно-числовой семантики: *hāphte-khāste tīn vāddha* (NK, 1961, XII, 25) 'три задыхающихся и кашляющих старика', *sādhu kahlāne vāle chāppan lākh lōgō mē* (Ам, 31) 'среди пяти миллионов шестисот тысяч человек, зовущихся садху', *inspektor kī batāyī huī tīn fahristē* (ВС, С, 36) 'оба списка, затребованных инспектором', *cahcahātī huī kheltī kūdtī darjanō larkiyā* (NK, 1961, XII, 25) 'десятки (букв. дюжины) щебечущих и резвящихся девушек'.

ного, — это способность слов, непосредственно зависимых от данного существительного, подчинять себе другие слова и являться, таким образом, главенствующими компонентами синтагм, образованных внутри данной группы существительного (причем та или иная линия последовательного подчинения может быть продолжена и дальше). Действие этого фактора, ведущее к усложнению всей группы существительного, иллюстрируют многие из уже приведенных выше примеров. Взаимное расположение слов в синтагмах "второго яруса" (равно как и "третьего яруса" и других последующих ярусов в случае продления линии последовательного подчинения), возникающих внутри группы существительного, определяется тем общим принципом, согласно которому зависимый компонент предшествует в синтагме главенствующему. В результате расположенным в определенной последовательности оказываются внутри группы существительного не просто однословные компоненты, зависящие от данного существительного, а сочетания слов, возникшие на базе распространения этих компонентов зависимыми от них (подчиненными ими) лексическими единицами. Так, например, в *iske jīvan kī sab se barī abhilāṣā* (NK, 1961, XII, 26) 'самое большое желание в его жизни' такими сочетаниями (синтагмами "второго яруса", противопоставляемыми синтагмам "первого яруса", т.е. *jīvan kī abhilāṣā* 'желание в жизни' и *barī abhilāṣā* 'большое желание') являются *iske jīvan kī* 'в его жизни (букв. его жизни)' и *sab se barī* 'самое большое'. Зависимые компоненты синтагм "первого яруса", т.е. слова, подчиненные непосредственно существительному — вершине группы существительного, перемежаются с зависимыми компонентами имеющихся синтагм "второго яруса". [См. положение компонента *sab se* (зависимого компонента синтагмы "второго яруса") между *jīvan kī* и *barī*, а также положение компонента *jīvan kī* (зависимого компонента синтагмы "первого яруса" и соответственно главенствующего компонента синтагмы "второго яруса") между *iske* и *sab se*.]

3. Третий фактор — это тенденция к такому расположению зависимых компонентов внутри группы существительного, при котором более простой по строению и/или составу единице (имеется в виду и отдельное слово в том или ином его грамматическом оформлении, и словосочетание, состоящее из непосредственно подчиненного существительному компонента и зависимых от него слов, и сочетание слов, объединенных сочинительной связью) "отводится" место после более сложной единицы, т.е. ближе к существительному или непосредственно перед существительным — вершиной группы существительного. Действие этого фактора можно наблюдать в следующих примерах: *tujh̥e bahut chotā merā bhāt* (Nn, 1969, V, 77) 'намного уступающий мне по возрасту мой брат', *cādī ke rang vālā pānt kā cāvītā* (NK, 1961, XI, 43) 'водный источник цвета серебра', *ek gol-matol, bhārī tōdvālā, nātā vyakti* (NK, 1962, VI, 66) 'тучный, с большим животом, невысокий человек', *bahut hī*

bürhe-bürhe, bare-bare, bedau^l ām ke per (BG, S, 729) 'много старых-престарых, больших-пребольших, корявых манговых деревьев'.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ РОЛЬ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Огромная роль в обеспечении синтаксической связи полнозначных слов принадлежит таким служебным словам, как *послелоги* и *послеложные частицы-транспозиторы*. Эти служебные слова являются элементами оформления имен существительных (отчасти числительных) и субстантивных местоимений при включении последних в речевую цепь в качестве единиц, связанных определенными отношениями (грамматическими, смысловыми) с другими словами, т.е. в качестве единиц, которые проявляют себя как компоненты синтагм, передающих определенные семантико-синтаксические отношения, и/или как носители определенных функциональных значений уровня смысловой структуры предложения и вместе с тем как единицы грамматического (конструктивно-синтаксического) уровня предложения, или члены предложения.

Будучи показателями синтаксической зависимости существительных и субстантивных слов, послелоги обслуживают в плане содержания сферу выражения субъектно-объектных отношений и широкую сферу различного рода конкретных обстоятельственных (в том числе "локальных" в смысле "относящихся к пространству и времени" [42, с.319]) значений⁹.

В связи с существующим делением послелогов на первообразные (простые) и производные (сложные) важно отметить, что выражение субъектно-объектных отношений не обходится в хинди без первообразных послелогов (см., в частности, послелоги *ne*, *ko*, *se*), тогда как производные послелоги призваны в большей мере отвечать необходимости выражать разнообразные обстоятельственные значения.

Из высказанного положения отнюдь не следует, что употребление первообразных послелогов вообще исключено в сфере выражения обстоятельственных значений и что производным послелогам вообще чужда способность служить передаче значений, раскрываемых только в сфере субъектно-объектных отношений. Сошлемся, в частности, на

⁹ Некоторые из послелогов способны вносить дополнительные конкретизирующие оттенки в значение наречий и их субститутов, например: *āj tak* 'до сегодняшнего дня' (*āj* 'сегодня'), *vahā se* 'оттуда' (*vahā* 'там'). Отдельные послелоги могут выступать также в качестве вторичного показателя адвербиализации изменяемого прилагательного, например: *dhitme se* 'тихо' (*dhitmā* 'тихий'), *akele mē* 'наедине' (*akelā* 'одинокий').

такие языковые факты: (а) преимущественное употребление таких первообразных послелогов, как *tak* 'до', *par* 'на', *mē* 'в', в "локальных" функциях, например, *stēšan tak* 'до станции', *sarakō par* 'по улицам', 'на улицах', *kamrē mē* 'в комнате', 'в комнату', *sitambar mē* 'в сентябре'; (б) встречающиеся случаи использования первообразных послелогов *se* и *ko* для передачи обстоятельственных (в том числе "локальных") значений, например, *kamrē se nikalnā* 'выходить из комнаты', *get se guzarnā* 'проходить через ворота', *kaī dinō se soscā* 'думать на протяжении нескольких дней', *prassap-natā se uchalnā* 'подпрыгивать от радости', *daftarō ko calā jānā* 'отправляться в учреждения', *dopahar ko ghar jānā* 'идти домой в полдень', *cahal-kadatī ko nikalnā* 'выходить на прогулку (для прогулки)'; (в) специализация в связи с объектной функцией таких производных послелогов, как *ke prati* 'по отношению к', 'относительно', *ki bābat* 'о', 'об', 'относительно', например, *unke prati kartavya* 'долг по отношению к ним', *vidhvānō ke prati krtajñā honā* 'быть благодарным' [по отношению к] ученым', *Dhīrvālā ki bābat batānā* 'сообщать о Дириувале'; (г) встречающиеся случаи использования отдельных производных послелогов (в частности, *ke liye*, *ke sāth*, *ke pīche*) в связи с передачей объектных значений, например, *ekjuttā ke lie ābhārī honā* 'быть признательным за солидарность' (ср. *raksā ke liye logō ko bhejnā* 'посыпать людей для защиты'), *kisī ke sāth anyāy karnā* 'несправедливо поступать с кем-либо' (ср. *tezī ke sāth bhāgnā* 'бежать быстро'), *kisī ke pīche dīvānā honā* 'сходить с ума по кому-либо' (ср. *dīvār ke pīche khārā honā* 'стоять за стеной'); (д) широкое использование производных послелогов [*ke*] *dvārā* 'посредством', 'при помощи', 'через', *ke hāthō* и *ke hāth* 'посредством' (букв. 'от рук', 'руками', 'рукой'), 'при помощи', 'в руки', 'в руку' в сфере выражения субъектно-объектных отношений: *vikasit deśō dvārā bescī jāne vālt cīzē* 'продаваемые развитыми странами товары', *mantriyō dvārā bāpath graham* 'принятие присяги министрами', *tār dvārā bhejnā* 'посыпать по телеграфу', *dhāt deśō ke hāthō nirmat šoṣan* 'жестокая эксплуатация богатыми странами', *kārinde ke hāth kām-kāj sāipnā* 'поручать все дела управляющему'.

Статус того или иного конкретно взятого послелога как отдельного слова весьма наглядно проявляется в следующих случаях:

а) послелог замыкает всю группу слов, объединенных сочинительной связью, вместо того чтобы повторяться после каждого из слов, — *parvat aur khoh mē ... bhed* (S, TY, 74) 'разница ... между горой и ущельем' [ср., однако, *tmijhme aur tūttmē ... bhed* (S, TY, 74) 'разница ... между мной и вами'], *āśīrvād aur prārthnā* 'рат ... bharosā' (S, TY, 181) 'упование ... на благословение и мольбу', *lajjā, rāscāttāp, nirāśā aur pāgalpan* 'признаки стыда, раскаяния, отчаяния и безумия';

б) послелог отделяется от слова, которое он призван оформить, придаточной частью сложного предложения, вводимой относительным местоимением, — *do abhiyuktō, jin mē dākaito ke is gaing ki ring līdar ek mahilā bhī hai*, *ko* (JY, 28).

VI. 1978, 3) 'двух преступников, один из которых женщина, являющаяся вожаком этой банды грабителей', *śrī Dayā-nandlāl Vasant Rāy, jo pichle dinō Dillī āe, ke vāttān vātāroh mē* (Ns, 1978, II, 16) 'на приеме в честь господина Даянандлала Васант Рая, который на днях прибыл в Дели'.

Среди послелогов языка хинди отличается своеобразием первообразный послелог *kā*, который:

(1) осуществляет перенос существительных и других слов (причем не только субстантивных) в позицию прилагательного, т.е. слбва, называющего признак "предмета", и служит тем самым показателем применимого (присубстантивного) употребления оформленяемого им слова;

(2) обладает способностью к словоизменению, а именно согласуется по адъективной парадигме, принимая помимо формы *kā* форму *ke* (*ke'*, *ke''*, *ke'''*) и форму *kī*, с существительным, к которому оформленяемое им слово синтаксически относится;

(3) выступает в качестве первого компонента производных (сложных) послелогов – в форме *ke*, если второй компонент производного (сложного) послелога восходит к имени существительному мужского рода, причастию, наречию или синтаксически-относительному прилагательному, и в форме *kī*, если второй компонент восходит к имени существительному женского рода.

Итак, по своему назначению, отмеченному выше, послелог *kā* является послелогом-транспозитором, что находит отражение в его трактовке как послелога адъективирующего [7, с.38], атрибутивного [36, с.74], атрибутивно-притяжательного [33, с.100]¹⁰.

Способностью осуществлять перенос существительных и других субстантивных слов в позицию прилагательного и отличаться при этом словоизменением по адъективной парадигме обладают наряду с послелогом *kā* также и следующие слова:

vālā, например, *kīlō vālī plēt* 'тарелка с гвоздями' ('тарелка, наполненная гвоздями'), *dīye vālā ālā* 'ниша с лампой', *rangiñ tasvīrō vāli kitāb* 'книга с цветными рисунками', *do sītō vālā dibbā* 'двуеместное купе';

sarīkhā, например, *Bhuvan sarīkhā ādmī* 'такой человек, как Бхуван', *tum sarīkhī sundarī* 'такая красавица, как вы', *dibiyā sarīkhī rotiyā* 'лепешки наподобие коробочек', *kāle keśo ke puṣpa-sarīkhe gucche* 'черные локоны наподобие цветка';

¹⁰ Однако в тех случаях, когда послелог *kā* служит показателем приадъективного использования оформленяемого им субстантивного слова в связи с выражением определенного вида отношения между "предметом" и признаком, он не выполняет своей транспонирующей (в смысле "адъективации" субстантивного слова) функции: *ākh kā andhā* 'слепой на один глаз', *bāt kā rakkā* 'верный своему слову', *parhne kā icchuk* 'желающий учиться'. Но и в этих случаях он остается подверженным словоизменению, согласуясь с существительным, с которым прилагательное оказывается синтаксически связанным.

vā, например, *rūl-sī larkī* 'девушка, как цветок' ('девушка-цветок'), *tum-sā ādmī* 'человек вроде вас', *in-vā kalavant* 'певец, подобный ему', *rūl ke gālō-sī baraf* 'снег наподобие клочьев ваты' ('крупные хлопья снега');

jāvā, например, *kaicī jāvī zabān* 'язык, как бритва (букв. ножницы)', *tom kī putlī-jaisī larkī* 'девушка, по-подобная восковой фигуре', *gubbāre jāise safed bādal* 'белые облака наподобие воздушных шаров', *ār-jāise sajjān* 'такие благородные люди, как вы', *tijh jāise vyakti ko* 'такому индивиду, как я', *rājkumārō jāisā lāvanāya* 'пригожесть, как у принцев', *billī-jāvī ākhē* 'глаза, как у кошки';

jitnā, например, *hathelī jitnā dvīp* 'остров с ладонь', *rahār jītnā vātān* 'целая гора багажа', *kamre jitnī arājaktā* 'такой же беспорядок, как в комнате';

aīvā, например, *ār-aise log* 'такие люди, как вы'.

Транспонирующая функция является определяющей для *vālā* как "служебного слова послеложного типа, используемого главным образом в целях приспособления к функции определения имен существительных и целых атрибутивных оборотов, для которых данная функция не является типичной" [78, с.273]. В отличие от остальных перечисленных слов *vālā*, подобно послелогу *kā*, не употребляется, как было уже отмечено в лингвистической литературе [27, с.102], с собственно личными местоимениями – местоимениями 1-го и 2-го лица. Его употребление с формой косвенного падежа указательных местоимений, выступающих в функции личных местоимений 3-го лица, явно не отвечает норме литературного хинди (см. *isvālā* 'принадлежащий ему' на месте *iskā* – сочетания формы косвенного падежа указательного местоимения с послелогом *kā*, сочетания, выполняющего функцию притяжательного местоимения 3-го лица). Встречающееся же использование этого служебного слова с притяжательными местоимениями, принимающими форму косвенного падежа, носит в основном просторечный характер и бывает связанным с обозначением "при надлежности как временного", обставленного определенными условиями пользования чужим имуществом, например, ... *tere vālā* 'мой (т.е. используемый мною, но принадлежащий другому лицу)' [76, с.146]. При таком использовании слово *vālā*, разумеется, не играет никакой транспонирующей роли¹¹.

Использование остальных слов, приведенных выше, связано, как видно из примеров, с передачей сравнительно-уподобительного значения. Но если *varīkhā* является послеложной частицей, выступающей исключительно в роли транспозитора сравнительно-уподобительной семантики ("подобный", "сходный", "такой, как", "наподобие"), то

¹¹ Вместе с тем *vālā* может быть словообразовательной суффиксальной морфемой (*gātīvālā* 'извозчик', *pulīvālā* 'полицейский') и показателем такой нефинитной формы глагола, как глагольное прилагательное (*likhnevālā* 'пишущий', *daurnevālā* 'бегущий').

в случае с *sā* налицо употребление сравнительно-уподобительной частицы в качестве послеложного транспозитора¹², в случаях с *jaisā* и *jitnā* – употребление относительных местоимений в качестве послеложных частиц-транспозиторов сравнительно-уподобительной семантики, в случае с *aisā* – употребление указательного местоимения в качестве послеложного транспозитора той же семантики¹³.

Транспонирующая роль таких слов, как *sā*, *jaisā*, *jitnā*, проявляется еще в том, что они способны осуществлять перенос субстантивных слов в приадъективную позицию, а именно в позицию наречия и/или прилагательного, фиксирующегося в составе признакопредиктивной синтагмы степень интенсивности признака, обозначенного прилагательным: *him-sā šītal* [jal] 'холодная, как лед, [вода]', *phūl sīt khūbsūrat* [larkī] 'красивая, как цветок, [девушка]', *baraf jaisī thandī* [tarāzī] 'холодные, как лед, [весы]', *tote-jaisī gol* [ākhe] 'круглые, как у попугая, [глаза]', *is larkī jitnī khūbsūrat* 'красивая, как эта девушка', *mujh jitnī sundar* 'красивая, как я' (ср. *bahut šītal* 'очень холодный', *barī khūbsūrat* 'очень красивая', *bilkul gol* 'совсем круглые' и т.п.). При этом они изменяются по адъективной парадигме, отражая грамматические свойства существительных.

Своебразная транспозиция, осуществляемая при помощи таких слов, как *jaisā*, *jitnā*, *aisā*, касается притяжательных местоимений и состоит в помещении последних на месте личных местоимений (точнее – на месте формы косвенного падежа личных местоимений) в приадъективной и присубстантивной позициях: *tere jaistī sacēt* [stri] '[женщина] верная, как ты', *mere jitnā balvān* 'сильный, как я', *terī jaistī vīrātmā* [mā] '[мать,] доблестная, как ты', *tumhāre jaistī bahādur bhābhī* 'такая храбрая невестка, как вы', *tumhāre jaistī admī* 'такой человек, как вы', *tumhārī aisī parī* 'такая красавица, как вы' (однако в таком примере, как *mere jaistī jīvan* 'такая жизнь, как у меня', 'жизнь наподобие моей', транспонирующая роль слова *jaisā* сводится на нет; ср. *merā jīvan* 'моя жизнь')¹⁴.

¹² Ср., однако, следующие примеры, где частица *sā*, оставаясь постпозитивной и согласованной с именем (местоимением), в роли транспозитора не выступает: *baccō kī-sī bātē* (P, G, 262) 'словно детские (букв. детей) речи', *Rauṇakī par bijlī sī gir parī* (S, TY, 65) 'Рунаки словно поразила молния', *māi to cārpāt par āte hī mar-sī jātī hū* (P, N, 149) 'Стоит мне добраться до кровати, как я тут же словно умираю'.

¹³ Интересно отметить, что оттенок уподобления, вносимый словами *sarikhā*, *sā*, *jaisā*, *jitnā*, *aisā*, может послужить причиной их трактовки как средств присоединения приложения [77, с.70–71].

¹⁴ При этом, как показывают примеры, притяжательное местоимение не всегда выступает в форме на *-e*: иногда оно принимает согласованную форму, в частности форму женского рода (см. *terī jaistī vīrātmā mā*, *tumhārī aisī parī*).

Ряд послеложных транспозиторов пополняется в хинди лексической единицей *sambandhī* 'связанный с', 'относящийся к', принадлежащей к слову лексики татсама. Присоединяясь к существительным, причем не только к существительным татсама, а также и к субстантивным словосочетаниям (иначе говоря, к существительным – главенствующим компонентам подчинительных синтагм и к существительным, объединенным сочинительной связью), она "по своей синтаксической роли ... благодаря своему грамматикализовавшемуся характеру и вместе с тем в силу определенной синтаксической самостоятельности ... приближается к послелогу хинди *kā*" [9, с.78–79]: *kaṭ-ek prṛtya-kalā sambandhī rūstakē* (MR, A, 228) 'несколько книг по искусству танца', *ādhunik citrakalā sambandhī rūstak* (MR, A, 227) 'книга по современной живописи' (в данном примере статус *sambandhī* как самостоятельного слова подкрепляется тем, что прилагательное-определение *ādhunik* 'современный' относится к *citrakalā*, а не к *rūstak*), *bhāratīya iḍyogdā sambandhī nīti* (HN, 424) 'индийская политика в отношении промышленности' (статус *sambandhī* как отдельного служебного слова подкрепляется в данном примере формой косвенного падежа множественного числа существительного *iḍyog* 'промышленность', 'отрасль промышленности', тогда как прилагательное *bhāratīya* 'индийский' выявлению, данного статуса отнюдь не способствует, так как оно относится не к *iḍyog*, а к существительному *nīti* 'политика'), *vīśeṣ pūḍyālāy ke gathān sambandhī prastāvit vidhēyak* (JY, 2.XII.1978, 1) 'предложенный законопроект относительно формирования чрезвычайных судов' (здесь статус *sambandhī* как отдельного служебного слова подкрепляется наличием зависимого от *gathān* 'формирование' существительного *pūḍyālāy* 'суд' в форме косвенного падежа множественного числа с послелогом *kā* в форме *ke*, являющейся свидетельством того, что существительное *gathān* наделено граммемой косвенного падежа), *dhvani evan artha sambandhī parivartan* (DV-1, 38) 'фонетические и семантические изменения'. Использование слова *sambandhī* в форме *sambandhīnī* (санскритской форме женского рода) хотя и допустимо в случае принадлежности к женскому роду того существительного татсама, к которому относится оформляемое данным транспозитором имя, широкого распространения все же не получило: *arḍha-dhārmik tathā arḍha-śiksā sambandhīnī ek sansthā* (DV-1, 15) 'полурелигиозная и полупросветительская организация' (см. *sansthā* 'организация' – существительное женского рода).

Союзы связывают полнозначные слова, маркируя их синтаксическую равноправность (равнозначность) внутри элементарного предложения, или объединяют предикативные единицы в рамках сложного предложения, устанавливая между ними отношение синтаксической равноценности или отношение зависимости одной единицы от другой. Те из союзов, которые обеспечивают синтаксическую равноправность связываемых слов или объединяемых в одно синтак-

сическое целое предикативных единиц, называются сочинительными, остальные же — подчинительными¹⁵.

При посредстве сочинительных союзов внутри элементарного предложения передаются следующие отношения:

соединительные, например, *bhūt aur bhavīya* (Р, Г, 94) 'прошлое и будущее', *kalā tathā vānvṛkti* (КС, Г, 164) 'искусство и культура', *dhvanyātmak evam dhvaniitattvātmak* (С, 123) 'фонетический и фонологический';

разделительные, например, *pustakē yā citra* (Аj, N, 69) 'книги или фотоснимки', *fārsī athavā vānvṛkt* (DV-1, 37) 'персидский язык либо санскрит', *yā to unke pahle athavā unke bīc* (DV-1, 47) 'или перед ними (согласными звуками), или между ними';

противительные, например, *phatā magar bāf [tayliyā]* (U, SK, 68) 'рваное, но чистое [полотенце]', *lāl, par jyotiḥīn [netrō ve]* (Р, Г, 69) 'красными, но тусклыми [глазами]', *dhīre-dhīre parantu niścit rāp ve* (С, 150) 'медленно, но верно', *ek hī bhāsā nāhī varan kāt-ek parapar nīkaṭ vambandh vālī bolīyā* (С, 212) 'не один язык, а несколько близкородственных диалектов';

градационные (т.е. отличающиеся соединением элементов, противопоставляемых по степени выражения сходного содержания или по важности), например, *camatkī hūl balki cūdhyāt hūl [muskarāhaṭ]* (КС, Г, 140) 'не просто ослепительная, а прямо-таки слепящая [улыбка]', *vāvīlā balki kālā [frang]* (КС, Г, 143) 'не просто темный, а черный [цвет]', на *keval darśakō ko, balki mujhe bīt* (КС, Г, 139) 'не только зрителям, но и мне тоже', *sahmat hī nāhī prātyut adhīr* (S, TY, 189) 'не только согласный, но и охваченный нетерпением', *rājnītik dṛṣṭi ve hī nāhī varan ... ārthik dṛṣṭi se bīt* (DV-1, 8) 'не только с политической точки зрения, но также и ... с экономической точки зрения';

пояснительные, например, *hindvī arthāt purāṇī khaṛibolti* (DV-1, 24) 'хиндуви, то есть старый кхариболи', *gyārah, yāne ek kam pūrā darjan* (U, SK, 64) 'одиннадцать, то есть без одного целая дюжина', *hindū-sabhāt yā chotā lārkā* (U, SK, 8) 'представитель [общества] "Хинду сабха", или младший сын', *ārya athavā bhārat-īrānti [ipakul]* (DV-2, 39) 'арийская, т.е. индоиранская [ветви] [индоевропейских языков]', *māhārāṣṭri, višeṣṭāḥ jain māhārāṣṭri* (NS, VII) '[пракрит] махараши, в особенности джайн-махараши!'

Передаваемые отношения обычно составляют основу классификации союзов, т.е. основу их разбиения по отдельным рубрикам. Следует, однако, иметь в виду, что

¹⁵ Итак, подчинительными союзами обеспечивается формирование сложноподчиненных предложений. Такую же функцию выполняют помимо подчинительных союзов *сюзные слова* — относительные местоимения и относительные местоименные наречия. Подробнее об этом, а также об участии сочинительных союзов в формировании сложных предложений иного типа — сложносочиненных предложений см. нашу работу "Сложные предложения в хинди" [45].

один ряд с которым можно поставить союзы *balki*, *apitu*) и некоторые из союзов языка хинди используются для выражения и противительных отношений, и градационных отношений (выше это показано на примерах с союзом *varan*, в что разделительные союзы способны (как и в русском языке) выполнять функцию передачи пояснительных отношений (выше это показано на примерах с союзами *uā* и *athavā*). Для хинди типичен полисинтетон на базе разделительных союзов: *bitār uā bēlā uā kāsh aik* (Aj, N, 188) 'ситар, или скрипка, или что-либо еще'.

Служебные слова, составляющие разряд *частицы*, привносят в предложение дополнительные семантические оттенки логико-смыслового, эмоционального или модального плана, сопровождающие значение компонентов предложения, выраженных полнозначными словами, или предложения в целом. Сами по себе частицы, если только они не выступают в качестве транспозиторов, не служат цели синтаксической организации предложения. Однако во взаимодействии с союзами некоторые из них все же в некоторой степени участвуют в выражении синтаксических отношений внутри предложения. Так, например, выражению градационных отношений при помощи союза *varan* содействуют частицы *hī* и *bhī*, первая из которых предшествует отрицательной частице *nahī* в позиции перед данным союзом, а вторая – занимает определенное место после этого союза: *rājñītik dr̥sti se hī nahī varan ... ārthik dr̥sti se bhī* 'не только с политической точки зрения, но также и ... с экономической точки зрения' (ср. *rājñītik dr̥sti se nahī varan ārthik dr̥sti se* 'не с политической точки зрения, а с экономической точки зрения'). Такая линия использования частиц приводит к тому, что они становятся составной частью вновь образующихся сложных по своему строению союзов. [См., например, расчлененный градационный союз *na keval ... balki* 'не только ... но и' (ср. в немецком *nicht nur ... sondern auch*, в английском *not only ... but*), противительный союз *na ki* 'а не'.] Более того, встречаются союзы, возникшие из частиц. В частности, таким союзом является повторяющийся соединительный союз *na ... na* 'ни ... ни' (ср. отрицательную частицу *na* 'не').

Частицы принадлежат к неизменяемым словам. Исключением является согласуемая частица *sā*, которой свойственно передавать сравнительно-уподобительный оттенок (*bijli sī* 'нечто вроде молнии'), вносить в значение прилагательных оттенок высокой (хотя и непредельной) или неполной (недостаточной) степени качества (*acchī sī sārī* 'приличное сари', *lāl sā phūl* 'красноватый цветок').

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВ

Формы слов возникают в результате словоизменения.
Словоизменение в языке хинди, обслуживающее включение

слов в синтаксические построения, осуществляется в порядке падежного или послеложно-падежного оформления слов, характеризующегося определенной семантикой, либо в порядке реализации правил отражения/неотражения словами пересечения граммем, свойственных существительным или субстантивным словам.

Первая из отмеченных линий словоизменения касается существительных и других слов (в частности, субстантивных местоимений или местоимений при их субстантивном использовании), у которых из всех именных категорий только категория падежа предстает как синтагматически обусловленная. Падежными формами, какой бы широкой ни была их омонимия, определяется в самом общем виде характер синтаксической связи существительных или субстантивных слов с другими словами – компонентами предложения. Так, форма прямого падежа, или прямопадежная форма, – это форма имени, чьи грамматические свойства, раскрываемые в плане различия рода и/или числа, получают или могут найти отражение в финитном глаголе как согласуемом компоненте предложения, тогда как с именем, стоящим в форме косвенного падежа, финитный глагол согласованным быть не может. Формой финитного глагола также не отражаются в плане дифференциации значений рода, числа и лица свойства субстантивных местоимений, стоящих в форме косвенного или объектного падежа.

Показателями падежных форм (падежными показателями) существительных и субстантивных слов являются флексии. Однако падежные формы многих местоимений предстают как члены парадигматического ряда, объединяющего разные модификации местоименной основы (см., например, *māi* – *mijh*/*mijhē*, *vah* – *iv/ivee*, *ye* – *in/inhē*¹⁶).

Осложнение падежной формы послелогом (равно как и послеложной частицей-транспозитором) как элементом оформления слова, возникающим за рамками словоизменительно-го яруса, ведет к образованию послеложно-падежной формы. Эта последняя, наделяя данное слово семантико-синтаксической значимостью или определенным функциональным значением (а значит, и статусом члена предложения), относится на уровне синтаксиса с другими аналогичными формами, а также с падежными формами слов, обходящимися без послелога, а именно с формой прямого падежа имени или местоимения, объектного падежа местоимения, с формой косвенного падежа имени, выступающего в обстоятельственной функции.

¹⁶ В этом факте отражен один из фрагментов местоименной парадигмы, проявляющейся в хинди в двух вариантах, один из которых касается личных местоимений [43, с.119], другой – местоимений обще-выделительного типа в кругу местоимений, образующих изоморфные ряды [43, с.131]. Местоименная парадигма противостоит субстантивной парадигме с ее четырьмя вариантами, соответствующими четырем типам словоизменения существительных [43, с.20, 67, 70, 72, 74], а также алькетивной парадигме [43, с.85] и глагольной парадигме.

В качестве морфологической основы послеложно-падежных форм выступает форма косвенного падежа существительных и субстантивных слов¹⁷. Исключением является послеложно-падежная форма на *ne* у личных местоимений, поскольку личные местоимения (при том условии, что они не входят в аппозитивную синтагму) принимают перед данным послелогом форму прямого падежа.

На базе падежного и послеложно-падежного оформления слов (существительных и субстантивных слов) возникают такие способы их синтаксической организации, как *корреспонденция и управление*.

Вторая линия словоизменения лежит в основе способа синтаксической организации слов, известного как *согласование*, а также способы, который целесообразно трактовать как *несогласование*.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

При корреспонденции устанавливаются определенные виды соответствия одних форм другим, а именно падежных и послеложно-падежных форм существительных и субстантивных слов формам, имеющим иную грамматическую природу, тех слов, которые синтаксически связываются с существительными или субстантивными словами¹⁸. Корреспонденция как способ синтаксической организации слов играет существенную роль в формировании конструкций, воплощающих структурно-грамматический каркас предложений языка хинди.

В самом общем виде она проявляется в сочетании прямопадежной формы имени существительного или субстантивного слова с финитным глаголом: финитному глаголу в форме активного залога соответствует прямопадежная форма слова, имеющего функциональное значение субъекта действия, а финитному глаголу в форме инактивного залога — прямопадежная форма слова, имеющего функциональное значение объекта действия.

¹⁷ Вот почему имеются веские основания для того, чтобы трактовать косвенный падеж как падеж послеложный. Однако нельзя не отметить и того факта, что при нулевой флексии существительного или субстантивного слова послеложно-падежная форма имеет вид просто послеложной формы. Попутно возникает мысль о существовании собственно послеложной формы там, где послелог следует за словом, приналежащим к разряду неизменяемых слов или же к разряду слов, словоизменение которых к категории падежа отношения не имеет (см., например, местоимение *āp*, количественные числительные).

¹⁸ Термин "корреспонденция" мы находим в работе Л.С.Бархударова, где под корреспонденцией понимается "соответствие форм числа и лица глагола-сказуемого семантике числа и лица, выраженной в подлежащем" [11, с.170].

Другой случай корреспонденции, также основанный на трансформационных отношениях между разными структурами, касается послеложно-падежной формы на *se*, прямопадежной формы и послеложно-падежной формы на *ne*, наделенных функциональным значением субъекта: первая из форм обнаруживает соответствие финитному глаголу в форме инактивного залога (*laṛke se pustak paṛhī jātī hai* 'Мальчиком читается книга', *laṛke se pustak paṛhī gaī* 'Мальчиком книга была прочитана'), две остальные – финитному глаголу в форме активного залога (*laṛkā pustak paṛhātā hai* 'Мальчик читает книгу', *laṛke ne pustak paṛhī* 'Мальчик прочитал книгу').

Третий случай корреспонденции является отражением дополнительного распределения послеложно-падежной формы на *ne* и прямопадежной формы относительно форм активного залога глаголов, составляющих определенное подмножество: первая из форм используется с перфективными формами глаголов, вторая – с глагольными формами, не принадлежащими к перфективным (ср. предложения с глаголом *parhā* 'читать': *laṛke ne pustak paṛhī* и *laṛkā pustak paṛhātā hai*).

Наконец, в той мере, в какой в предложениях с финитным глаголом активного залога накладываются ограничения на оформление наличествующего имени объекта прямым падежом, можно говорить о соответствии глагольным формам активного залога послеложно-падежной формы на *ko* и о соответствии глагольным формам инактивного залога прямопадежной формы, характеризующейся тем же функциональным значением объекта (ср. *adhyāṭpak ne tūjh ko bulā liyā* 'Преподаватель позвал меня' и *tāī bulā liyā gayā* 'Меня позвали').

Корреспонденция лежит в основе строения конструкций, которые можно назвать *аффективными*. В них глагольным формам типа "основа полнозначного глагола + глагол *raṭṭā* (или *āṭā*, или *tiṭṭā*)" соответствует послеложно-падежная форма на *ko* имени (или объектного падежа местоимения) с функциональным значением субъекта действия: ... *tabhī use yah pad sun paṛā* (JK, S, 101) '... тогда ей послышалась эта строка' (ср. *us ne ... yah pad sunā* 'Она услышала эту строку'), *būṛhe ko dekhkar laṛke ko hās bāyā* [98, с.482] 'При виде старика мальчика разобрал смех' (ср. *laṛkā hās dīyā* 'Мальчик рассмеялся'), *bhāī ko kal naḥī ā milā* [130, с.89–90] 'Брат вчера не мог прийти' (ср. *bhāī kal naḥī dāyā* 'Брат вчера не пришел').

При управлении наличие существительного или субстантивного слова в его падежной или послеложно-падежной форме диктуется категориальными свойствами главенствующего слова вне зависимости от формы последнего. Это положение отвечает широкому пониманию управления, пониманию, при котором к данному способу синтаксической организации слов оказывается отнесенными почти весь круг явлений, дифференциация которых могла бы отразиться в таких терминах, как "сильное управление", "слабое

управление", "именное примыкание", используемых, в частности, при описании синтаксических связей слов русского языка [19, с.490, 511]¹⁹.

В зависимости от того, к какой части речи принадлежит главенствующее (управляющее) слово, управление является глагольным (*kitāb parhnā* 'читать книгу', *bena par letpnā* 'лежать на скамейке'), субстантивным (*kisvātō dvārā pradarśan* 'демонстрация крестьян', *sāhitya mē ruci* 'интерес к литературе'), адъективным (*pasīne mē tar* 'мокрый от пота', *ākrataṇ ke līye taiyār* 'готовый к нападению'), наречным (*makān se dūr* 'далеко от дома'), нумеральным (*ghaṭnātō mē ve ek* 'одно из событий'), местоименным (*in mē ve koṭi* 'кто-то из них').

Специфику управления как способа синтаксической организации слов наиболее полно отражает глагольное управление, поскольку глаголам в большей мере, чем словам других частей речи, присуща способность сочетаться с падежными и послеложно-падежными формами и поскольку при этом выражается самый широкий круг значений как объектных, так и обстоятельственных. Одним из существенных источников распространения субстантивного управления являются в хинди представленные сочетанием двух слов глагольно-именные образования типа "имя существительное + глагол *karnā* (*rakhnā*, *lenā* и др.)", именному компоненту которых предшествует послеложно-падежная форма (*yuddha se ghṛṣṇā karnā* 'ненавидеть войну', *bhagvān par bharosā karnā* 'уповать на бога', *sāhitya mē ruci rakhnā* 'интересоваться литературой'). Имя существительное таких образований становится способным сочетаться с предшествующей ему послеложно-падежной формой независимо от наличия или отсутствия глагола, обнаруживая тем самым известную автономность в качестве главенствующего слова (*yuddha se ghṛṣṇā* 'ненависть к войне', *bhagvān par bharosā thā* 'у них была надежда на бога', *inhe sāhitya mē ruci thī* 'у них был интерес к литературе'). Наиболее типичные случаи адъективного управления связаны с использованием обычно в функции предикатива синтаксически-относительных прилагательных (*jāne ko taiyār* 'готовый идти', *paṛṇne mē līlā* 'погруженный в чтение', *voste kā ādī* 'привыкший думать'). Специфический характер носит адъективное управление, основанное на использовании прилагательных, являющихся по происхождению санск-

¹⁹ Следует заметить, что четких и ясных критериев ограничения друг от друга сильного управления, слабого управления и именного примыкания пока еще не существует. Их не удалось выработать даже на материале хорошо изученных европейских языков. Широкое понимание управления с включением в него случаев "именного примыкания" отстаивается на материале русского языка Е.С.Скобликовой [57]. Его же придерживается В.А.Белошапкова [33].

ритскими причастиями прошедшего времени страдательного залога, когда формой управляемого слова передается субъектное значение (*rājā Gālibjang dvārā ařamānit* 'оскорбленный раджей Галибджаном', *un ke dvārā aňšāsit* 'управляемый ими'),

Функциональная (в плане грамматической семантики) роль слов, характеризующихся падежным или послеложно-падежным оформлением, бывает при управлении различной. Она детерминируется взаимодействием ряда факторов, из которых в том или ином конкретном случае на первый план выступают следующие:

1) сама послеложно-падежная форма управляемого слова, например, *bāzār-hāt ke māre* 'из-за базара-рынка' [см. предложение с глаголом *mīnā* 'встречаться', 'доставаться', 'предоставляться' – *bāzār-hāt ke māre use kitābē dekhne kā samay bīt na mīltā thā* (Р, N, 185) 'Из-за беготни по базарам ему некогда было (букв. время не предоставлялось) даже заглядывать в книги'], *kamte ke bhītar* 'внутрь комнаты' [см. предложение с глаголом *calā jānā* 'уходить' – *caprāsi kā sanket pāte hī māl kamte ke bhītar calā gayā* ... (КС, G, 36) 'По знаку слуги я сразу же вошел в комнату ...'], *šākhāō-tale* 'под ветвями' [см. предложение с глаголом *baithmā* 'сидеть', 'садиться' – *ia uğkəsa kī nangī šākhāō-tale ek strī baithī hūt thī* (Aj, A, 120) 'Под голыми ветвями того дерева сидела женщина'];

2) форма слова и его лексическое значение (т.е. форма слова данного лексического значения), например, *tār dvārā* 'телеграммой' [см. предложение с глаголом *bhejnā* 'посыпать' – *tār dvārā apnī svīkrti bhejo* (B, D, 143) 'Сообщите телеграммой о своем согласии'], *ādar se* 'с почетом', 'с почтением', 'почтительно' [см. предложение с глаголом *bīthānā* 'усаживать' – *is ke bād tujhē bare ādar ve un lekhakō kī sabhā mē bīthāyā gayā* (КС, G, 151) 'Затем меня с большим почтением усадили в обществе этих писателей'], *telīfon par* 'по телефону' [см. предложение с глаголом *bolnā* 'говорить' – *telīfon par bolī* ... (КС, G, 41) 'По телефону сказала ...'];

3) форма слова данного лексического значения и лексическое наполнение главенствующего (управляющего) слова, например, *moṭar ve* 'автобусом', 'на автобусе' с глаголом *āpā* 'приывать' [*dūsre dīn Manne pahīt moṭar ve vāras ā rahā thā* (BG, S, 729) 'На другой день Маннэ возвращался первым автобусом']; *dibbe par* 'к купе' с глаголом *pahīcna* 'приывать', 'достигать', 'доходить' [*Fahle hī stēban par gārī rukī to vah Rekhā ke dibbe par pahīc gayā* (Aj, N, 31) 'Когда поезд остановился на первой же станции, он подошел к купе Рекхи'], *benc par* 'на скамью' с глаголом *letnā* 'лежать', 'ложиться' [...] *vah benc par let̄ gayā* ... (Р, N, 101) '... он лег на скамью ...';

4) форма управляемого слова и лексическое наполнение главенствующего слова (т.е. форма управляемого слова при данном лексическом наполнении главенствующего слова), например, *dovtō ke pīche* 'из-за друзей' в пред-

ложении с глаголом *vatānā* 'мучить', 'докучать', 'донимать' – *magar āp dovtō hī ke pīche miūhe roz vatānā karte hāi* (P, N, 160) 'Но из-за друзей же он каждый день меня пилит';

5) лексическое наполнение главенствующего слова, например, в предложении, где направительное значение послеложно-падежной формы *sthān ko* (см. *sthān* 'место', 'местожительство', 'дом') детерминируется глаголом *calā jānā* 'уходить', 'отправляться' как глаголом движения, – *bixhīyā ... apne sthān ko calī gayī* (JK, S, 80) 'Старуха... отправилась к себе домой';

6) форма слова в позиции, предопределенной валентными свойствами главенствующего слова, например, форма прямого падежа существительного *ātā* 'мука' при глаголе *nikālnā* 'вынимать', 'доставать' [*is ne ek ghare se ātā nikālā*] (P, G, 84) 'Она достала муку из кувшина...', послеложно-падежная форма на *ko* существительного *tā* 'мать' при глаголе *rūkārnā* 'звать' [*is ne aprē tā ko rūkārā* (AP, D, 88) 'Она позвала свою мать'], послеложно-падежная форма на *se* существительного *mehnat* 'труд', 'работа' при глаголе *darnā* 'бояться' [*Gobar mehnat se nañ̄ darta* (P, G, 152) 'Гобар не боится работы'];

7) форма слова в позиции, предопределенной сочетанием главенствующего слова с лексической единицей определенной семантики, например, послеложно-падежная форма на *ko* существительного *bhāt* 'брать' при глаголе *honā* 'быть', сочетающемся с существительным *cāv* 'желание', 'стремление', ' страсть' [*bare bhāt ko parhne kā barā cāv thā ...* (S, TY, 175) 'У старшего брата была большая страсть к чтению ...'], послеложно-падежная форма на *tē* собственного имени *Siyārāt* (Сиярам) при глаголе *honā* 'быть', сочетающемся с существительным *āxt* 'обычай', 'обыкновение', 'привычка' [*Siyārāt mē kāt-karaṭ kī ādat na thā* (P, N, 178) 'Сиярам не имел привычки лицемерить'], послеложно-падежная форма на *ko* собственного имени *Nirmalā* (Нирмала) при глаголе *āpā* 'приывать', 'приходить', сочетающемся с существительным *dayā* ' сострадание', 'милосердие', 'жалость' [*Nirmalā ko is vakt up par barī dayā āt* (P, N, 195) 'Теперь Нирмала почувствовала к нему большую жалость'].

Выше в пунктах с первого по шестой отражена в порядке возрастания степень участия лексико-грамматических особенностей главенствующего слова в детерминации функциональной роли управляемого слова. В случаях максимальной степени такого участия (пункт 6) падежная или послеложно-падежная форма предстает как строго отвечающая требованиям, исходящему от главенствующего слова в силу наличия в его лексическом значении компонента, служащего субстратом его валентности. Применительно к таким случаям представляется уместным говорить об управлении в узком смысле.

Для языка хинди наиболее типичными формами, в которых реализуется такого рода управление, являются в приведённой позиции следующие формы:

а) форма прямого падежа, когда она принадлежит

(1) имени прямого объекта (имени, выступающему в синтаксической функции прямого дополнения) — *is ne cābī se darvāzā kholā* (Sa, K, 16) 'Он ключом открыл дверь';

(2) имени объекто-квалифицирующего комплемента (имени, выступающему в синтаксической функции объектно-предикативного члена) —...*mere bagčce ko svarga kahte hāī* (Nn, 1975, XI, 123) '... мой сад называют паем';

б) послеложно-падежная форма на *ko* или местоименная форма объектного падежа, когда она принадлежит

(1) имени прямого объекта — *tab koscān ne barī kat-hināī se arpe ghoře ko uṭhāyā ...* (S, TY, 33) 'Тогда возница с большим трудом поднял своего коня ...';

(2) имени адресата (имени, выступающему в синтаксической функции одного из косвенных дополнений) — *gāī parosin ko sāīrī ...* (S, TY, 10) 'Корову [она] доверила соседке ...';

(3) имени реципиента (имени, выступающему в синтаксической функции одного из косвенных дополнений) — *mis Vud ko larkiyō kāyah gul-gapāṛā akhrā ...* (PL, 105) 'Для мисс Вуд стал невыносимым этот гвалт, поднятый девушками ...';

(4) имени лица, отвечающему адресатно-объектной валентности глагола, конкурирующей с каузативно-объектной валентностью, — *is ne tujhe pūre Lakhnāī kī sair karāī* (NK, 1961, XII, 67–68) 'Он поводил меня по всему Лакхнау' (ср. *sair karnā* 'совершать прогулку');

в) послеложно-падежная форма на *se*, когда она принадлежит

(1) имени лица, отвечающему каузативно-объектной валентности глагола, — *tum ne arpe kisān se tujhe pitānāyā kyōd thā?* (PP, 38) 'Почему ты велела своему мужу-крестьянину побить меня?' (ср. *pītā* 'бить');

(2) имени лица — субъекта такого действия, которое может быть обозначено глаголом того же корня, что и употребленный медиопассивный глагол (т.е. имени, выступающему в синтаксической функции агентивного дополнения), — *aur do-cār bār vah pres ke mainejar se bhit burī tarah pītā* (KC, A, 149) 'И несколько раз его сильно поколотил и сам управляющий типографией' (*pītā* 'избиваться', 'подвергаться побоям'; ср. *pītā* 'бить', 'избивать').

Что же касается последнего (седьмого) пункта из перечисленных выше, то здесь участие лексико-грамматических особенностей главенствующего слова-глагола в детерминации функциональной роли управляемого слова осуществляется через отношение глагола к имени, совместно с которым он образует предикативную основу предложения.

СОГЛАСОВАНИЕ И НЕСОГЛАСОВАНИЕ

Суть согласования состоит в том, что слова, вступающие в синтаксическую связь с существительными или субстантивными словами, оформляются в зависимости от грамматических свойств последних, отражая своими формами их характеристику как исходных экспонентов грамматических категорий рода, числа, падежа и, что касается личных местоимений, лица. Кроме того, в порядке реализации данного способа формы слов могут отражать горорифическое использование имен существительных, а также вовлечь существительных.

Формами согласования в хинди располагают следующие единицы: 1) изменяемые прилагательные; 2) причастия (включая и те, которые входят в состав аналитических глагольных форм); 3) глагольное прилагательное; 4) инфинитив (инфиритив, характеризующийся формами согласования, считается герундивным); 5) порядковые числительные; 6) притяжательные местоимения; 7) местоимения, образующие изоморфные ряды, а именно: указательные ближнего плана, указательные дальнего плана, относительные, соотносительные и вопросительные, — следующих семантико-синтаксических типов: общевыеделительные, общекачественные, количественно-определительные и выделительные с оттенком избирательности²⁰; 8) вопросительное местоимение *kūd?* 'какой?', 'каков?', 'что за?'; 9) неопределенное местоимение *kot?* 'какой-то', 'какой-либо', 'какой-нибудь'; 10) определительное местоимение *dūsrā* 'иной', 'другой'; 11) финитный глагол; 12) послелог-транспозитор *kā* и другие изменяемые послеложные транспозиторы, функционально близкие послелогу *kā*; 13) частица *vā*.

Значимость той или иной формы как формы согласования зависит от того, в какую парадигму данная форма входит и какое место она в своей парадигме занимает. В языке хинди формы согласования распределяются в основном по трем парадигмам.

Одна из этих парадигм — это парадигма словоизменения местоимений общевыделительного типа. Включенные в нее формы указательных местоимений ближнего и дальнего плана, относительных, соотносительных и вопросительных местоимений предстают как формы согласования, когда дейктическое поле соответствующих местоимений характеризуется ориентированностью на инвариантное значение имени прилагательного (иначе говоря, когда соответствующие местоимения выступают в качестве местоимений-прилагательных): *yah* 'этот (эта, это)', *vah* 'тот (та, то)', *jo* 'какой', 'который', *vo* 'тот (та, то)', *kaip?* 'какой?', 'который?'.

²⁰ О разрядах местоимений, образующих изоморфные ряды, и типах этих местоимений см. в нашей работе [43, с.130–149].

В эту же парадигму "вписываются" формы вопросительного местоимения *kyā?* и неопределенного местоимения *kōī*, поскольку формы первого местоимения совпадают с формами вопросительного местоимения *kaip?*, а формы второго местоимения предстают в виде эмфатических вариантов местоимения *kaip?*.

Выполняя функцию согласования, формы, включенные в данную парадигму — местоименную парадигму в одном из ее вариантов (см. прим. 16), отражают число (единственное или множественное) и падеж (прямой или косвенный) имен существительных, как это показано в таблице 2.

Таблица 2

Местоимение	Единственное число		Множественное число	
	прям. пад.	косв. пад.	прям. пад.	косв. пад.
Указательное ближнего плана	<i>yah(yahī)</i>	<i>is(isī)</i>	<i>ye yah(yahī)</i>	<i>in(inhī)</i>
Указательное дальнего плана	<i>vah(vahī)</i>	<i>us(usī)</i>	<i>ve vah(vahī)</i>	<i>un(unhī)</i>
Относительное	<i>jo</i>	<i>jis(jisī)</i>	<i>jo</i>	<i>jin(jinhī)</i>
Соотносительное	<i>so</i>	<i>tis(tisī)</i>	<i>so</i>	<i>tin(tinhī)</i>
Вопросительное	<i>kaip? kyā?</i>	<i>kis?</i>	<i>kaip? kyā?</i>	<i>kin?</i>
Неопределенное	<i>kōī</i>	<i>kisī</i>	<i>kōī</i>	<i>kinhī</i>

Примечание: в круглых скобках приведены эмфатические варианты форм.

В основе второй парадигмы лежит соотнесенность различающихся между собой форм финитного глагола с местоимениями, а именно с характеризующимися формой прямого падежа личными местоимениями 1-го лица (*māī* 'я' и *ham* 'мы') и 2-го лица (*tū* 'ты' и *tum* 'вы', 'ты'), с указательными местоимениями *yah(ye)* и *vah(ve)*, выступающими в роли отсутствующих в языке хинди личных местоимений 3-го лица, и с местоимением *āp*, используемым в качестве личного

местоимения 2-го лица ("Вы", "вы") или в значении личного местоимения 3-го лица и отличающимся при этом гонорифической функцией.

Объединяя ряд частных парадигм, эта парадигма отражает словоизменение глаголов в зависимости от значения лица в простой форме сослагательного наклонения (в настояще-будущем времени сослагательного наклонения), в повелительном наклонении и, что относится только к глаголу *hōpā* 'быть', в простой форме настоящего времени изъявительного наклонения. Данная парадигма включает и простую форму будущего времени изъявительного наклонения (будущее I), в которой, однако, флексивные изменения, совпадающие с таковыми простой формы сослагательного наклонения, сопровождаются изменением конечного гласного присущей ей морфемы *-gā* в зависимости от рода (*-gī* – ж.р., *-gā* и *-ge* – м.р.;) и – в случае мужского рода – от числа (*-ge* – мн. ч., *-gā* – ед. ч.).

Упомянутую выше соотнесенность форм финитного глагола с местоимениями, которую принято истолковывать как согласование в лице, отражает таблица 3, в которой индексом V обозначена глагольная основа, предшествующая окончаниям лица, косой чертой разделены варианты

Таблица 3

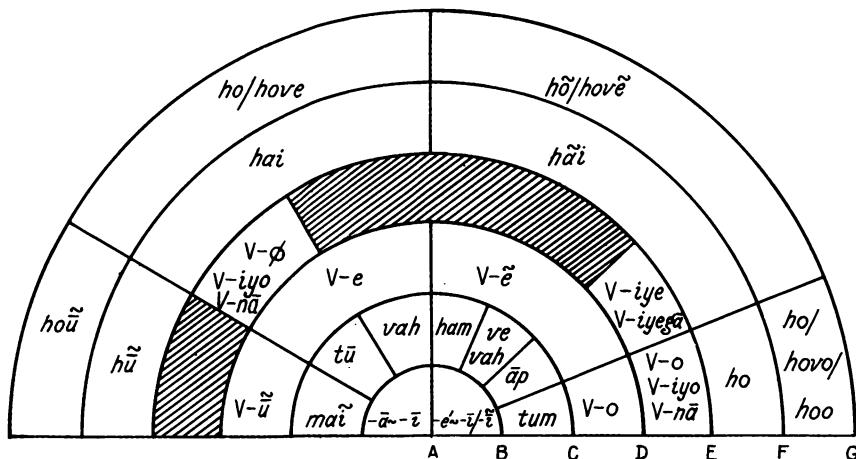
Местоимение	Наклонение			Глагол <i>hōpā</i> 'быть'		
	сослага- тельное (простая форма)	повели- тельное	изъяви- тельное (буду- щее I)	простая форма насто- ящего вре- мени	простая форма сослага- тельного наклоне- ния	буду- щее I
<i>taī</i>	V- <i>ū</i>	–	V- <i>ū-gā/</i> <i>-gī</i>	<i>hū</i>	<i>hōū</i>	<i>hū-gā/-gī</i> <i>hōū-gā/</i> <i>-gī</i>
<i>tū</i>	V- <i>e</i>	V- <i>ɸ</i> V- <i>iyo</i> V- <i>nā</i>	V- <i>e-gā/</i> <i>-gī</i>	<i>hai</i>	<i>ho/hove</i>	<i>ho-gā/-gī</i> <i>hove-gā/</i> <i>-gī</i>
<i>yah</i> <i>vah</i>	V- <i>e</i>	–	V- <i>e-gā/</i> <i>-gī</i>	<i>hai</i>	<i>ho/hove</i>	<i>ho-gā/-gī</i> <i>hove-gā/</i> <i>-gī</i>
<i>ham</i>	V- <i>ě</i>	–	V- <i>ě-ge/</i> <i>-gī</i>	<i>hāt̄</i>	<i>hōt̄/hovē</i>	<i>hōt̄-ge/-gī</i> <i>hovēt̄-ge/</i> <i>-gī</i>

морфемы *-gā*, с выражением значения лица непосредственно не связанный, и варианты приводимых личных форм глагола *honā*, спряжение которого имеет специфические черты.

Формы финитного глагола, соотносимые с указательными местоимениями, являются также формами согласования с существительными.

В соответствии с данной таблицей построена приводимая ниже схема 2, дающая наглядное представление об имеющихся глагольных формах согласования (без учета форм будущего I).

Схема 2

На схеме в полосе, соответствующей отрезку CD радиуса AG, представлены формы сослагательного наклонения; в полосе, соответствующей отрезку DE, – формы повелительного наклонения, в полосе отрезка EF – формы глагола *honā*, относящиеся к простой форме настоящего времени изъявительного наклонения; а в полосе отрезка FG – формы глагола *honā*, относящиеся к простой форме сослагательного наклонения.

В полуокружности же с радиусом AB представлены окончания форм, включаемых в третью парадигму – парадигму адъективную. Эти окончания (за исключением окончания *-ī*) обнаруживаются в вышеупомянутой морфеме *-gā* – примете будущего I изъявительного наклонения. Они же в силу присущего им противопоставления *-ā~-e'* и проявляющегося в более узкой сфере противопоставления *-ī~-ī* дают формальное основание для отнесения местоимений *mat* и *tū* к местоимениям единственного числа, а местоимений *hat* и *tum* к местоимениям множественного числа (т.е. для трактовки категорий числа личных местоимений как классифицирующей) и для рассмотрения местоимения *āp* как местоимения гонорифического. Эти же окончания являются формальными показателями граммемы числа (единственного или множественного,

причем с граммемой множественного числа может быть связана гонорифическая функция слова), которой наделяются местоимения общевыделительного типа (в первую очередь указательные) в качестве субститутов имен существительных. С противопоставлением $[-\bar{a}, -e] \sim [-\bar{t}, -\bar{\bar{t}}]$ связано указание на пол референтов местоимений (в первую очередь личных местоимений и местоимения $\bar{a}$ в функции местоимения 2-го лица) или на grammatischen род (мужской или женский) тех существительных, в качестве субститутов которых выступают указательные местоимения (равно как и другие местоимения общевыделительного типа) и местоимение $\bar{a}$ в функции местоимения 3-го лица.

Адъективная парадигма – третья из парадигм, по которым распределяются в хинди формы согласования. Помимо форм прилагательных она охватывает формы всех тех единиц, которые изменяются по образцу прилагательных, а именно: причастий, глагольного прилагательного, инфинитива, порядковых числительных, притяжательных местоимений и местоимений общекачественного, количественно-определительного и выделительного с оттенком избирательности типов, определительного местоимения *dīṣrā*, изменяемых служебных слов (*kā*, *sarīkhā*, *zā* и др.)²¹, а также финитного глагола, или морфологически совпадающего с перфективным (прошедшее аористическое время) или имперфективным (прошедшее неоднократное время, условное наклонение) причастием, или, что касается простого имперфекта от глагола *honā*, являющегося причастным по своему происхождению (см. формы *thā*, *the*, *th̄ī*, *th̄ī*). Под нее подводится и будущее I в силу тех изменений, которые претерпевает в этой финитной форме морфема *-gā*.

Формы, входящие в адъективную парадигму, характеризуются следующими флексиями:

$-\bar{a}$ – флексия прямого падежа единственного числа мужского рода;

$-\bar{e}'$ – флексия прямого падежа множественного числа мужского рода;

$-\bar{e}''$ – флексия косвенного падежа мужского рода;

$-\bar{t}$ – флексия женского рода вне зависимости от числа и – в той сфере, в которой действует оппозиция $-\bar{t} \sim -\bar{\bar{t}}$, – флексия единственного числа женского рода;

$-\bar{\bar{t}}$ – флексия множественного числа женского рода, появляющаяся у финитного глагола, морфологически совпадающего с причастием, или у простого имперфекта глагола *honā*.

Распределение этих флексий форм согласования относительно флексий существительных в связи с репрезентацией граммем, относящихся к категориям рода, числа и падежа²²,

²¹ В случаях употребления послелога-транспозитора *kā* и других послеложных транспозиторов согласование сопутствует управлению.

²² Перечень флексий имен существительных см. в нашей работе [43, с. 23–24]. В ней же приведены и флексии прилагательных [43, с. 85–86].

показано в двух приводимых ниже схемах (см. схемы 3 и 4), одна из которых отражает принадлежность существительных к мужскому роду, другая — к женскому.

Схема 3

Мужской род

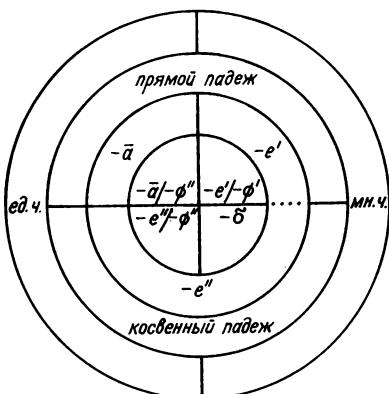
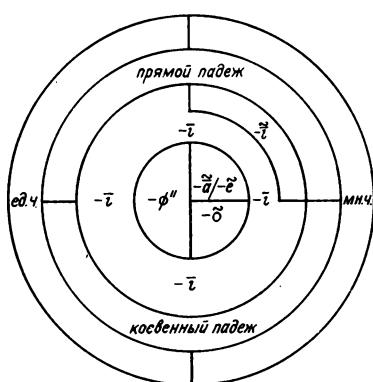

Схема 4

Женский род

Примечание. На схемах в центре кругов помещены флексии имен существительных, а флексии форм согласования занимают периферийное положение.

В добавление к вышеизложенному необходимо отметить еще два момента:

1) среди форм, включенных в адъективную парадигму, обнаруживается также форма согласования в вокативе, характеризующаяся флексией мужского рода -*e*, которую можно обозначить как -*e'''* (о вокативе имен существительных см. [43, с.24–25]);

2) у регулярно образуемых порядковых числительных и некоторых прилагательных флексии бывают представлены назализованными гласными -*ā*, -*ē*, -*ī*.

Согласование, если его брать в том широком понимании, в котором оно рассматривалось выше, не является однородным с точки зрения действующего механизма отражения категориальных признаков существительных и субстантивных слов.

В нем, в частности, различаются следующие разновидности:

1) согласовательное управление по категории рода, или обусловленное управлением согласование²³, заключающееся в том, что выбор форм согласования, которым приписывается различие по категории рода, определяется существительными, по ро-

²³ См. термин "governmental concord" у Ч.Ф.Хоккета [105, с.215].

дам не изменяющимися, например, *nīlī divār* 'голубая стена' – ж.р., но *nīlā ākāš* 'голубое небо' – м.р.;

2) *собственно грамматическое согласование* (согласование в узком смысле), предстающее как соответствие формы сочетающегося с существительным слова форме самого существительного, например, *tēre kāmṭe tē* 'в твоей комнате' (косв. пад.) – *terā kāmṭā* 'твоя комната' (прям. пад.), *acṣhe kāmṭe* 'хорошие комнаты' (мн.ч.) – *acṣhā kāmṭā* 'хорошая комната' (ед.ч.), *in kitābō tē* 'в этих книгах' (мн.ч.) – *is kitāb tē* 'в этой книге' (ед.ч.);

3) *восполнительное согласование*, предстающее как средство разрешения грамматической омонимии у тех слов, с которыми сочетаются согласуемые слова (согласуемые слова компенсируют своими формами отсутствие различий в формах существительных), например, *vāgē ghar* 'большие дома' (мн.ч.) – *vāgā ghar* 'большой дом' (ед.ч.);

4) *координация*, предстающая как соотнесенность форм финитного глагола с местоимениями, например, *tāī dekhū* 'погляжу-ка я' – *tū dekhe* 'пусть ты поглядишь' – *ve dekhē* 'пусть они поглядят'; *tum raṛhō* 'вы читайте' – *āp raṛhiye* 'Вы, пожалуйста, читайте';

5) *абстрактно-грамматическое согласование*, а именно согласование, призванное оставлять невыраженными значения, различаемые в плане тех категорий, которые выявляются в форме согласуемых слов, например, *vahā kaip thā?* 'Кто там был?', *izkā kūd huā?* 'Что с ним стало?' (форма *thā*, будучи формой единственного числа мужского рода, отнюдь не является показателем того, что под словом *kaip* имеется в виду только одно лицо и притом мужского пола; форма *huā* и форма *kā*, будучи формами единственного числа мужского рода, вовсе не служат показателями того, что местоимение *kūd* выступает как субститут существительного мужского рода в форме единственного числа);

6) *смысловое согласование*, суть которого состоит в том, что выбор формы рода у согласуемого слова определяется полом лица – референта того имени или местоимения, с которым сочетается согласуемое слово, например, *Matħuxā āyā* 'Матхура пришел', *kharidī huī gulāt* 'купленная рабыня' (букв. 'купленная раб'), *mai jātī* 'я ходила' – *tāī jātā* 'я ходил' ;

7) *классификационное согласование* (согласовательное управление по категории числа), например, *tāī jātā* 'я ходил', *tū jātā* 'ты ходил' (*tāī jātī* 'я ходила', *tū jātī* 'ты ходила') – *ham jāte* (*ham jātī*) 'мы ходили', *tum jāte* (*tum jātī*) 'вы ходили', *āp jāte* 'Вы ходили', 'он ходил' (*āp jātī* 'Вы ходили', 'она ходила').

В формах согласуемых слов (особенно в формах финитного глагола) могут перекрещиваться разные линии согласования. Например, в случае с *vāgē ghar* 'большие дома' налицо согласовательное управление по категории рода (м.р.) и восполнительное согласование (мн.ч.); в случае с *acṣhe kāmṭe* 'хорошие комнаты' – согласовательное управле-

ние по категории рода (м.р.) и собственно грамматическое согласование (мн.ч.); в случае с *taī jaūgī* 'я пойду' – координация (1-е л.) и смысловое согласование (ж.р.); в случае с *tum raṭhoge* 'вы будете читать' – координация (2-е л.), смысловое согласование (м.р.) и классификационное согласование (мн.ч.).

Согласуемое слово, относящееся по смыслу к группе существительных одного и того же рода, объединенных сочинительной связью, или принимает такую форму, которой ему свойственно характеризоваться при сочетании с существительным соответствующего рода в форме множественного числа, или же, что менее типично, отражает категориальные признаки ближайшего из существительных. В тех же случаях, когда объединенные сочинительной связью существительные принадлежат к разным родам, согласуемое слово или отражает категориальные признаки ближайшего существительного, или принимает форму, которой ему свойственно характеризоваться при сочетании с существительным мужского рода в форме множественного числа [77, с.138–139, 142; 94, с.155–156, 158; 98, с.447–451; 128, с.289–291, 295–297, 299–300; 137, с.359–361]. В тех случаях, когда сочинительной связью объединяются местоимения (личные и указательные в функции личных в форме прямого падежа), форма согласуемого слова финитного глагола определяется одним из них, а именно местоимением 1-го лица либо – при отсутствии такового – местоимением 2-го лица, или же предстает как форма 3-го лица множественного числа, отвечающая требованиям согласования по смыслу [77, с.140; 98, с.449; 111, с.509; 128, с.289, 296].

Согласованию противопоставляется несогласование. Его суть состоит в том, что слово, способное принимать формы согласования, выступает, однако, в форме, в которой грамматическая характеристика существительного или субстантивного слова, употребленного совместно с данным словом, оказывается неотраженной с точки зрения категорий рода и числа и отчасти категории падежа. Форма несогласования предстает таким образом как форма нейтральная по отношению к роду, числу и отчасти падежному или послеложно-падежному оформлению имеющегося существительного или субстантивного слова.

Несогласованию подвержены слова, изменяемые по адъективной парадигме, в особенности причастия и прилагательные. В качестве форм несогласования (нейтральных форм) в хинди встречаются форма на *-e* и форма на *-ā*.

В форме на *-ā* встречаются прилагательные, а также причастия (перфективные от непереходных глаголов и имперфективные), выполняющие функцию объектно-предикативного члена, при том условии, что имя объекта действия, обозначенного тем глаголом, с которым сочетается соответствующее прилагательное или причастие в качестве зависимого компонента комплетивно-квалификативной синтагмы, стоит в послеложно-падежной форме на *ko* или в местоименной форме объектного падежа: *Rukmīṇī Devī ko*

akelā chormā (Sa, K, 41) 'оставлять Рукмини Деви одну', *Gopīcand ko voc mē raṭā dekhkar* (SV-2, 35) 'увидев Гопичанда погруженным в думы', *apnī mā ko ēōne ke hūdole mē jhūltā dekhkar* (SV-3, 17) 'увидев, что его мать качается на золотых качелях'.

Формой на *-e* характеризуются причастия в обстоятельственной функции и в функции объектно-предикативного члена: (а) *Nāth ne ... kurēt par baiṭhte huye kahā ...* (Y, DB, 705) 'Натх, ... сядься на стул, проговорил ...' (явление здесь формы согласования у причастия маловероятно ввиду послеложно-падежной формы на *ne* имени субъекта действия); *Bhūgī nāk-bhāū sikortे gayī ...* (P, N, 89) 'Бхунги, нахмурившись, ушла ...' (здесь форма несогласования конкурирует с формой согласования), ... *vah ḫkhē mūde voc rahī thī* (PL, 117) '... она думала, закрыв глаза (с закрытыми глазами)'; (б) ... *us ne Sudhā ko tāge se utarte dekhā* (P, N, 199) '... она увидела, что Судха слезает с тонги' (здесь форма несогласования на *-ā* конкурирует с формой несогласования на *-ā*), *rājā ko kafnī bādhē dekh* (SV-2, 36) 'увидев раджу облаченным в балахон отшельника'.

Перфективное причастие переходного глагола принимает форму несогласования (нейтральную форму) на *-e*, выступая в качестве предикатива, субъектно-предикативного члена или атрибутивного определения, чему соответствует вхождение причастия на правах зависимого компонента в состав присвязочно-квалификативной, спецификативной или атрибутивной синтагмы: *hāth mē vah ek thailā liye thī* (PL, 128) 'В руке она держала (букв. взявшая была) сумку', *in-hō ne dekhā burihiyā ek lohe kā sandūk khole baiṭhī hai* (SV-3, 7) 'Они увидели, что старуха сидит, открывши железный сундук', *idās, mailē karṛē pahne striyā leṭī yā baiṭhī hūī thī* (Y, DB, 480) 'Печальные, облаченные в грязную одежду женщины лежали или сидели'.

Причастия в нейтральной форме на *-e* служат образованию абсолютных причастных оборотов: *bāt karte hue mīs Pāl kī ḫkhē jhukī jā rahī thī* (PL, 148) 'Когда мисс Пал говорила, ее взор устремлялся вниз' (букв. 'Ведя разговор, глаза мисс Пал опускались'), *tumhē aīsī bātē mīh se nikalte śarm naītī ātī?* (P, N, 48) 'И тебе не стыдно так говорить?' (букв. 'Тебе, такие слова из уст появляясь, стыд не приходит?').

У финитного глагола формы несогласования совпадают (при максимальном наборе учитываемых граммем) с формами 3-го лица единственного числа мужского рода: ...*kaunsi pārṭī ne āp ko khaṭā kiyā hai ...?* (KC, G, 38) '... какая из партий выдвинула вашу кандидатуру ...?', *āp ko kal choṛ diyā jāegā* (G, DR, 124) 'Вас выпустят завтра'.

О РОЛИ ИНТОНАЦИИ

Каждое предложение характеризуется в речевой цепи комплексом просодических элементов, т.е. выступает ин-

тонационно оформленным. Непреходящую роль интонации в оформлении всего предложения как целого фокусирует то обстоятельство, что благодаря именно интонации и одно слово может приобрести характер законченного предложения: *Nirū cillā uthā – āg! āg!* "Пожар! Пожар!" – закричал Ниру' [77, с.18].

Интонация разграничивает предложения, различающиеся между собой в зависимости от цели высказывания (в зависимости от коммуникативного задания), а именно: предложения повествовательные, предложения вопросительные и предложения побудительные совместно с близкими им предложениями оптативно-волитивной семантики: (а) *māi yah ḫabda kabīt na kahīgā* (S, TY, 264) 'Я никогда не произнесу этого слова', *ek din ek patra āyā* (S, TY, 185) 'Однажды пришло письмо'; (б) *to āp ne yah nīscay kiyā hai?* (S, TY, 263) 'Именно такое решение вы приняли?', *tum inkār karte ho?* (S, TY, 265) 'Вы отказываетесь?'; (в) *āge na baṛh!* (S, TY, 272) 'Ни шагу вперед!', ... *merā baccā bac jāy* (S, TY, 97) '... ушел бы только мой ребенок', *calo koī aur jūtā hī kharid lū...* (KC, A, 154) 'Куплю-ка я другие ботинки ...'.

Интонация позволяет разграничить эмоционально-нейтральные и эмоционально-окрашенные предложения (для последних характерна восклицательная интонация, отражающая количественную сторону эмоциональной окрашенности): (а) *māi Baṭālē rāhīcā* (S, TY, 129) 'Я приехал в Баталу', *tum ne rājputnī kā dūdh piyā hai?* (S, TY, 225) 'Ты вскормлена раджпуткой?', *yah apne ḥyday se pūcho* (S, TY, 197) 'Об этом спроси у своего сердца'; (б) *par iś man tārñe kā yah phal! garhe rārisram ke rupaye lut jāyē!* (P, PP, 35) 'И таковы плоды этого воздержания! Укрась деньги, заработанные [мною] в поте лица!', *kitnī āśāē lekar tere pās āyā thā Dhābrū!* (KC, G, 116) 'С какими надеждами ехал [я] к тебе, Дхабру!', *iše bāhar nikāl do!* (KC, G, 146) 'Гоните его прочь!'.

Логическое ударение как один из просодических элементов интонирования предложений служит выражению актуального членения, взаимодействуя с порядком слов: *tumhē māi bacāīgī bhābhī!* (S, TY, 291) 'Тебя я выручу, невестка!' (здесь рема представлена местоимением *māi* 'я', занимающим позицию непосредственно перед глаголом и несущим логическое ударение).

С помощью интонации осуществляется обособление и эмоциональное выделение тех или иных компонентов предложения, выделение вводных слов, выявление функциональной однородности слов перечислительного ряда.

Обслуживая разные виды инверсии, интонация создает такой способ соединения слов, как интонационное примыкание. Этим способом обеспечивается непосредственная связь между словами, позиционно удаленными друг от друга, или между словами, из которых хотя бы одно занимает по отношению к другому нетипичную с точки зрения требований, предъявляемых к нейтральному порядку слов, позицию.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия источников

- A,BP — *Upendranāth 'Aśk'*. Bāīgan kā paudhā. Nīlābh-prakāśan gṛh. Ilāhābād [6.г.].
- Aj,A — *Ajñey*. Amarvallari aur anya kahāniyā. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
- Aj,N — *Ajñey*. Nadī ke dvīp. Sarasvatī pres. Ilāhābād, 1971.
- AkJ — *Sukārī afrikā* ke jangal me. Svayambhāti pustakālay. Varānasī [6.г.].
- Am — *Āmar Bahādur Sinh 'Amreś'*. Devtā: mere deś kā. Rāṣṭriya prakāśan mandir. Lakhnau, 1973.
- AN,S — *Amṛtālāl Nāgar*. Śatranj ke mohre. Bhāratīya jñānpīṭh, Kāshī, 1959.
- AP,D — *Amṛtā Prītam*. Dākṭar Dev. Hind pākeṭ buks prāīveṭ limiṭid. Dillī [6.г.].
- AY-1 — *Ādarśakunārī Yaśpāl*. Sacitra braj kī lok-kathāē (bhāg 1). Ātmārām end sans. Dillī, 1957.
- AY-2 — *Ādarśakunārī Yaśpāl*. Braj kī lok-kathāē (dūsrā bhāg). Ātmārām end sans. Dillī, 1964.
- B,D — *Rājendra Sinh Bedī*. Dīvālā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1960.
- BC,C — *Bhagvatsvarūp Caturvedī*. Cumbakō kā ghar. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
- BG,S — *Bhairavpraeśād Gupta*. Sattī maiyā kā caurā. Nīlābh prakāśan. Ilāhābād, 1959.
- BLK — Bhārat kī lok-kathāē. lekhikā — Sītā. Nešanal pablišing hāus. Dillī, 1959.
- C — *Sūnīti Kunār Cāturjyā*. Bhāratīya ārya bhāṣā aur Hindī. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1957.
- Cu — *'Ismat Cuqtā'ī*. Tīn anārī. Maktaba-e jāmi'a. Dehlī, 1960.
- DV-1 — *Dhīrendra Varmā*. Brajbhāṣā. Hindustānī ekedemi. Ilāhābād, 1954.
- DV-2 — *Dhīrendra Varmā*. Hindī bhāṣā kā itihās. Hindustānī ekedemi. Prayāg, 1958.
- F — Aesop's Fables with Hindi Translation. Allahabad, 1930.
- G,DR — *Gurudatta*. Dāstā ke naye rūp. Hind pākeṭ buks prāīveṭ limiṭid. Dillī, 1969.
- H,G — *Harṣanāth*, Gavarnes. Hindī pracārak pustakālay. Varāṇasī, 1960.
- HD,B — *Hazārīprasād Dvivedī*. Bāṇbhaṭṭa kī ātmakathā. Hindī-granth-ratnākar. Bambāī, 1958.

- HN — *E.PT. Miśra, Viśvambhar Sahāy*. Hindī nibandh evam apāthit. Āgrā, 1960.
 HSS — Hindī-śabdasaṅgar. Bhāg 1–4. Kāśī-nāgarī-pracāriṇī sabhā. Kāśī, 1916–1928.
 HV — *Dūnicand*. Hindī vyākaran. Hośyārpur, sāvat 2007.
 HVP — *Sant Gokulcandra Śāstri*. Hindi-vyākaran prabhā tathā rac-nā. Orienṭal buk dipo. Dillī, 1960.
 JK, K — *Jainendra Kumār*. Kalyāṇī. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
 JK, S — [Jainendra Kumār]. Jainendra kī śreṣṭha kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
 JY — Janyug. Naī Dillī.
 KC, A — *Kṛenacandra*. Annadātā. Rājpāl eṇd sanz. Dillī, 1954.
 KC, G — *Kṛṣṇa Candar*. Ek gadhe kī ātmakathā. Rājpāl eṇd sanz, dvitiya sanskaran. Dilli [6.r.].
 KC, H — *Kṛṣṇa Candar*. Ham vahī hāī. Hindustānī pablišing hāūs. Ilāhābād, 1952.
 KC, S — *Kṛṣṇacandra*. Garjan kī ek šām. Rājpāl eṇd sanz. Dillī [6.r.].
 KC, T — *Kṛenacandra*. Talāś. Hind kitābs limited. Bambāī, 1950.
 KDV — *Kisoriidās Vājpeyi*. Rāstrabhāṣā kā itihās. Janvāṇī prakāśan. Kalkattā, sāvat 2007
 M, MA — [Saīādat Ḥasan Manṭo]. Manṭo ke afsāne. Maśvara-e buk di-po, Dehlī, 1960.
 M, PP — *Saīādat Ḥasan Manṭo*. Parde ke pīche. Maktaba-e rangīn. Dehlī, 1953.
 MHK — Mānak hindī koś. Khanḍ 1–5. Hindī sāhitya sammelan. Prayāg, 1962–1966.
 MK — *Bālmukund 'Arś' Malsiyānī*. Muḥāvre aur kahāvaṭē. Vidyā prakāśan. Dillī, 1957.
 MR, A — *Mohan Rākeś*. Ādhere band kamre. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1961.
 N, BB — *Nāgārjun*. Bābā Baṭesarnāth. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1960.
 N, D, Ni, K — *Nāgārjun*. Dukhmocan. Rājkamal prakāśan. Dillī, 1958.
 — *Nirālā*. Kāle kārnāme. Hindī pracārak pustakālay. Vārāṇasī, 1960.
 NK — Naī kahāniyā. Rājkamal prakāśan. Dillī — Ilāhābād.
 Nn — *Navanīt* (Hindī dāijest). Bambāī.
 Ns — Nayā sāhitya. Dillī.
 NS — *Nāmvar Sinh*. Hindī ke vikās mē apabhranś kā yog. Sāhitya bhavan limited. Ilāhābād, 1954.
 P, G — *Premcand. Godān*. Sarasvatī pres. Banāras, 1954.
 P, Gd — *Premcand. Gaūḍān*. Maktaba-e jāmi'a. Dehlī, 1955.
 P, M-4 — *Premcand. Mānasarovar*. Bhāg 4. Hindustānī pablišing hāūs. Ilāhābād, 1951.
 P, M-7 — *Premcand. Mānasarovar*. Bhāg 7. Sarasvatī pres. Banāras, 1950.
 P, N — *Premcand. Nirmalā*. Sarasvatī pres. Banāras, 1957.
 P, PP — *Premcand. Prem-pacīsī*. Hindī pustak ejensī. Kāśī, sāvat 1994.
 PL — Pāc lambī kahāniyā jinhē Mohan Rākeś ne cunā. Lekhak: Rājendra Yādav (pr. 9–36), Phaṇīśvarnāth Renu

- (pr. 36–71), Šekhar Jošī (pr. 72–87), Nirmal Varmā (pr. 87–127), Mohan Rākeš. (pr. 127–159). Rājkamal prakāšan. Dillī, 1960.
- PNT – *Premnārāyaṇ Tandan*. Sūr kī bhāṣā. Hindī sāhitya bhaṇḍār. Lakhnaū, 1957.
- PP – *Satiś*. Paśu-pakṣī sambandhī lok-kathāē. Ātmārām enđ sans. Dillī, 1960.
- QH,A – *Qurratul ‘ain Haidar*. Āg kā daryā. Maktaba-e jadīd. Lāhaur, 1959.
- R,PP – *Phāṇīśvarnāth Reṇu*. Partī parikathā. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1961.
- RA – *Rāmnārāyaṇ Agravāl*. Brajbhūmi kī kahāniyā. Vinod pustak mandir. Agrā, 1957.
- RSC – *Rāmsvaruṇ Caturvedī*. Agrā zile kī bolī. Hindustānī ekeḍemī. Ilāhābād, 1961.
- RVS – *Rāmviṭālā Śarmā*: Bhāṣā aur samāj. Dillī, 1961.
- RY,S – *Rājendra Yādav*. Sārā ākāś. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1960.
- S,N – *Sudarśan*. Nagīne. Vorā enđ kampanī pablišarz. Bombai, 1947.
- S,P – *Sudarśan*. Parivartan. Indiyan pres limiṭed. Prayāg, 1937.
- S,TY – *Sudarśan*. Tīrth-yātrā. Indiyan pres limiṭed. Prayāg, 1927.
- Sa,K – *Samīr*. Kināre-kināre. Sṭār pāket śīrīz. Naī Dillī, 1972.
- Si – *Śivānand*. Jīvan aur sukh. Motīlāl Banārsī Dās. Dillī-Paṭ-nā-Vārānasī, 1973.
- SV-2 – *Sāvitrīdevī Varmā*. Uttar Bhārat kī lok-kathāē. Bhāg 2. Ātmārām enđ sans. Dillī, 1960.
- SV-3 – *Sāvitrīdevī Varmā*. Uttar Bhārat kī lok-kaṭhāē. Bhāg 3. Ātmārām enđ sans. Dillī, 1958.
- U,SA – *Pāṇdey Bečan Śarmā 'Ugra'*. Sarkār tumhārī ākhō mē. Rājka-mai prakāšan. Dillī, 1960.
- U,SK – *Pāṇdey Bečan Śarmā 'Ugra'*. Ugra kī śreṣṭha kahāniyā. Rāj-kamal prakāšan. Dillī, 1961.
- UB,L – *Udayaśankar Bhaṭṭa*. Lok-parlok. Rājkamal prakāšan. Dillī, 1958.
- UB,S – *Udayaśankar Bhaṭṭa*. Sāgar, laharē aur manusya. Masijīvī prakāšan. Naī Dillī [b.r.]
- VL – *Vijñān-lok*. Śrīrām Mehrā enđ kampanī. Agrā.
- VV,M – *Vṛndāvanlāl Varmā*, Mrgnayani. Mayūr-prakāšan. Jhāsi, 1955.
- Y,Dd – *Yaśpāl*. Deśdrohi. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1953.
- Y,DB – *Yaśpāl*. Jhūthā sac. Deś kā bhaviṣya. Viplav kāryālay. Lakhnaū, 1960.
- Y,VD – *Yaśpāl*. Jhūthā sac. Vatan aur deś. Viplav kāryālay. Lakh-naū, 1958.

Названия периодических изданий

- ВЯ – Вопросы языкоznания. М.
- КСИНА – Краткие сообщения Института народов Азии. М.
- НТМГИМО. ВЯЛ. – Научные труды. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы.

- НТТГУ — Научные труды. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им В.И.Ленина.
- УЗМГИМО. ВЯЛ. — Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Вопросы языка и литературы.
- УЗМГИМО. СФ. — Ученые записки. Московский государственный институт международных отношений. Серия филологическая.
- ФН. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.
- AOr — Archív Orientální. Praha.
- BF — Biuletyn fonograficzny. Poznań.
- BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies. London Institution (University of London).
- ČR — Československá rusistika. Praha.
- FL — Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Dordrecht.
- IF — Indogermanische Forschungen. Berlin.
- IIJ — Indo-Iranian Journal. The Hague.
- IJAL — International Journal of American Linguistics. Bloomington.
- IJDL — International Journal of Dravidian Linguistics. Trivandrum.
- IL — Indian Linguistics. Poona.
- JL — Journal of Linguistics. London — New York.
- KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen.
- Ls — Linguistics. An International Review. The Hague — Paris.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике. — СР. 1966, т. 11, №2.
2. Адамец П., Грабе В. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. — Slavia. 1968, №-2.
3. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973.
4. Арютонова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
5. Арютонова Н.Д. [раздел] Синтаксис. — Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
6. Атаян Э.Р. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968.
7. Баранников А.П. Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.
8. Баранников А.П., Баранников П.А. Хиндустани (хинди и урду). М., 1956.
9. Бархударов А.С. Санскритские элементы в современном литературном хинди. — Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования. М., 1960.
10. Бархударов Л.С. К вопросу об отношении формальных и семантических моделей предложения. — Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
11. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
12. Бархударов Л.С., Штейлинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1973.
13. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
15. Вардуль И.Ф. К вопросу о явлении эллипсиса. — Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
16. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
17. Вардуль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964.
18. Воронина Д.Д. Типы агента и значения определенности, неопределенности и обобщенности. — ФН. 1975, № 4.
19. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
20. Давидова А.А. Основные синтаксические функции сложных причастий в урду. — УЗМГИМО. СФ. Вып.5. Вопросы языка и литературы стран Востока. 1961.
21. Дащенко Г.М. О семантике атрибутивных синтагм с зависимым причастием в языках урду и хинди. — Вестник Московского университета. 1972, № 2.

22. Дащенко Г.М. Семантический анализ атрибутивных синтагм, состоящих из конкретных существительных на материале языка урду. Автореф. канд. дисс. М., 1974.
23. Дащенко Г.М. Социативная синтагма и ее компоненты в языке урду. — Индийское языкознание. М., 1978.
24. Дамишц З.М. Синтаксические функции усложненных причастий в языке хинди. — Восточная филология. Характерологические исследования. М., 1971.
25. Дамишц З.М. Язык урду. М., 1962.
26. Дамишц З.М., Ульциферов О.Г., Горюнов В.И. Учебник языка хинди. Ч. 1. М., 1969.
27. Елизаренкова Т.Я. Об одной словообразовательной модели хинди (к постановке проблемы). — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып. 7. 1971.
28. Елизаренкова Т.Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
29. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. М., 1956.
30. Жмотова О.Д. Глагольные черты инфинитива в хинди и урду. — Языки Индии. М., 1961.
31. Жмотова О.Д. Именные признаки инфинитива в хинди и урду. — Вопросы грамматики языка хинди. М., 1962.
32. Жмотова О.Д. Синтаксические функции инфинитива хинди и урду. — Вопросы индийской филологии. М., 1974.
33. Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М., 1976.
34. Зограф Г.А. О грамматической категории одушевленности в новых индоарийских языках. — Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
35. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
36. Катенина Т.Е. Язык хинди. М., 1960.
37. Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания. — Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
38. Кибрик А.Е. Эргативность и дагестанские языки. — Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Ч. 1. М., 1977.
39. Конкорина С.И. О реализации структурной схемы предложения. — ВЯ. 1975, №3.
40. Краяжкова Е. Предикативная функция прилагательных и существительных и структура предложения. — СР. 1968, т. 13, №4.
41. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
42. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
43. Липеровский В.П. Именные части речи языка хинди. М., 1978.
44. Липеровский В.П. Категория наклонения в современном литературном хинди. М., 1964.
45. Липеровский В.П. Сложные предложения в хинди. М., 1972.
46. Михневич А.Е. Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов. — ВЯ. 1968, №5.

47. *Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М., 1974.
48. *Москальская О.И.* К модели описания предложения. — Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
49. *Мухамеджанова В.А., Мухамеджанов Р.* О категории залога. — НТГГУ. Вып.404. 1971.
50. *Пашковская Н.А.* Порядок слов в некоторых типах простого предложения хинди. Автореф. канд. дисс. М., 1976.
51. *Почепцов Г.Г.* Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
52. *Распопов И.П.* Несколько замечаний о синтаксической парадигматике. — ВЯ. 1969, №4.
53. *Распопов И.П.* О так называемых детерминирующих членах предложения. — ВЯ. 1972, №6.
54. *Распопов И.П.* Сказуемое как конструктивный центр предложения.— Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
55. *Распопов И.П.* Что же такое структурная схема предложения? — ВЯ. 1976, №2.
56. *Ревзин И.И.* Логико-грамматический тип предложений тождества.— Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
57. *Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
58. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
59. *Смирнов Ю.А.* Грамматика языка панджаби. М., 1976.
60. *Смирнов Ю.А.* Категория полуpassива и иррегулярного passiva в языке панджаби. — Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
61. *Солнцев В.М.* Относительно концепции "глубинной структуры". — ВЯ. 1976. №5.
62. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
63. *Ульциферов О.Г.* Некоторые замечания о категории глагола в современном литературном языке хинди. — УЗМГИМО. ВЯЛ. Вып.7. 1971.
64. *Ульциферов О.Г.* О выделимости и принципах классификации словосочетаний (на материале хинди). — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
65. *Ульциферов О.Г.* Предикативная функция причастий в современном литературном языке хинди. — НТМГИМО. ВЯЛ. Вып.11. 1973.
66. *Ульциферов О.Г.* Словосочетания в хинди. М., 1971.
67. *Ульциферов О.Г.* Сложные вербальные словосочетания в современном литературном языке хинди. — НТМГИМО. ВЯЛ. Вып.12 1974.
68. *Усманов А.Р.* Классификация глаголов урду на основе их сочетаемости. Автореф. канд. дисс. М., 1973.
69. *Хельзиг М.* Перефраза страдательного значения на действительное у сложных совершенных причастий переходных глаголов в современном литературном хинди. — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
70. *Храковский В.С.* Деривационные отношения в синтаксисе. — Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

71. Храковский В.С. Пассивные конструкции. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
72. Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
73. Черникова С.А. Простые и сложные причастия урду в функции предикативного члена именного сказуемого. — НТТГУ. Вып. 404. 1971.
74. Чернишев В.А. Безглагольные конструкции хинди. — КСИНА. Вып. 62. Языки Индии. 1964.
75. Чернишев В.А. Очерки по синтаксису простого предложения в современном хинди (вариантность и проблема нормы). Автореф. докт. дисс. М., 1975.
76. Чернишев В.А. Просторечные элементы в синтаксисе литературного хинди. — Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971.
77. Чернишев В.А. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
78. Чернишев В.А. Функциональная роль форманта *vālā* в хинди (образования "имя + *vālā*"). — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
79. Чесноков П.В. О предикативности как свойстве предложения. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
80. Чеснокова Л.Д. К вопросу об элементарной синтаксической единице. — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
81. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — ВЯ. 1964, №6.
82. Шведова Н.Ю. К спорам о детерминантах (обстоятельственная и необстоятельственная детерминация простого предложения). — ФН. 1973, №5.
- 82а. Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм. — ВЯ. 1973, №4.
83. Эдельман Д.И. О конструкциях предложения в иранских языках. — ВЯ. 1974, №1.
84. *Bahal Kālīcaran*. Hindī samāpikā kriyā-rūpō kā arthatāttvik vivecan. — Bhāṣā. Hindī bhāṣājñān ank. Nāī Dillī, 1973.
85. *Bahl K.Ch.* A Reference Grammar of Hindi (A Study of Some Selected Topics in Hindi Grammar). The University of Chicago, 1967 (mimeographed).
86. *Bahl K.Ch.* The Causal Verbs in Hindi. — Languages and Areas. Studies Presented to George V. Bobrinskoy on the Occasion of His Academic Retirement. Chicago, 1967.
87. *Bahri H.* Hindi Semantics. Allahabad, 1959.
88. *Balachandran Lakshmi Bai*. A Case Grammar of Hindi (with a Special Reference to the Causative Sentences). Agra, 1973.
89. *Bendix E.H.* Componential Analysis of General Vocabulary: the Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese. — IJAL. 1966, vol.32, № 2, pt 2.
90. *Daneš F.* A Three-Level Approach to Syntax. — Travaux linguistiques de Prague. I. 1966.
91. *Dil Anwar S.* A Study of Urdu Noun Phrase Types. — Pakistani Linguistics (1962). Ed. by Anwar S.Dil. Lahore, 1963.
92. *Dūmšits S.M.* Hindī bhāṣā mē vidheyō kā vargīkaraṇ. — Nāgarīpracarīṇī patrikā. Kāśī, sāvat 2017, varṣa 65, ank 1.

93. *Dūms̄its J.M.* Hindī vyākaraṇ kī rūparekhā. Dillī, 1966.
94. *Dūms̄its S.M.* Vidhey kā kartā aur pradhān karma se mel. — Nāgarīpracārinī patrikā. Kāśī, sāvat 2017, varsa 65, ank 2.
95. *Dunīcand.* Hindī vyākaraṇ. Hoṣyārpur, sāvat 2007.
96. *Gaeffke P.* Untersuchungen zur Syntax des Hindi. The Hague — Paris, 1967.
97. *Greaves E.* A Grammar of Modern Hindi. Benares, 1896.
98. *Gu ru Kāntāprasād.* Hindī vyākaraṇ. Kāśī, sāvat 2017.
99. *Hacker P.* Die Seinbegriffe des Hindi: 'hotā hai' und 'hai'. — KZ. 1963, Bd 78, H. 3—4.
100. *Hälsig M.* Grammatischer Leitfaden des Hindi. Leipzig, 1967.
101. *Hag 'Abdul.* Qavā'id-e urdū. Aurangābād, 1936.
102. *Harley A.H.* Colloquial Hindustani. London, 1955.
103. *Hasan R.* The Verb 'be' in Urdu. — The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies — 5 (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol.14). Dordrecht, 1972.
104. *Helbig G.* Zur Theorie der Satzmodelle. — BF. 1971, № 11.
105. *Hockett Ch.F.* A Course in Modern Linguistics. New York, 1958.
106. *Kachru Y.* A Note on Possessive Constructions in Hindi-Urdu. — JL. 1969, vol.6, № 1.
- 107. *Kachru Y.* An Introduction to Hindi Syntax. Urbana, 1966.
108. *Kachru Y.* Causative Sentences in Hindi Revisited. — Issues in Linguistics. Papers in Honor of Henry and Renée Kahane. Urbana-Chicago-London, 1973.
109. *Kachru Y.* The Copula in Hindi. — The Verb 'be' and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies — 2 (Foundations of Language. Supplementary Series. Vol.6). Dordrecht, 1968.
110. *Kālra Sudhā.* Hindī-vākyā-vinyās. Ilāhābād, 1971.
111. *Kellogg S.H.* A Grammar of the Hindi Language. London (repr.) 1955.
112. *Křižková H.* К вопросу о так называемой аппозиции (на материи русского языка). — Travaux linguistiques de Prague.3. Études structurales dédiées au VIe Congrès des slavistes. Prague, 1968.
113. *Lakṣmībāī Bī.* Kārak siddhānt. — Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijñāna. Nai Dillī, 1973.
114. *Lienhard S.* Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi. Stockholm-Göteborg-Uppsala, 1961.
115. *Matilal B.K.* Indian Theorists on the Nature of the Sentence (vākyā). — FL. 1966, vol.2, № 4.
116. *McGregor R.S.* Outline of Hindi Grammar. Oxford, 1972.
117. *Miltner V.* Ergative Constructions in Hindi and Other NIA Languages. — AOr. 1977, vol.45, № 3.
118. *Miltner V.* From OIA Passive to NJA Active. — Asian and African Studies.I. Bratislava, 1965.
119. *Miltner V.* Theory of Hindi Syntax. The Hague-Paris, 1970.
120. *Olphen H. van.* The Hindi Verb in Indirect Construction. — IJDL. 1976, vol.5, № 2.
121. *Pahwa Munshi Thakardass.* The Pucca Minshi. Peshawar, 1936.
122. *Pandharipande R., Kachru Y.* Relational Grammar, Ergativity, and Hindi-Urdu. — Lingua. Amsterdam. 1977, vol.41, № 3/4.
123. *Phillott D.C.* Note on the Statical and Some Other Participles in Hindustani. — BSOS. 1926, vol.IV, pt 1.

124. Pořízka V. Hindština. Hindi Language Course. Praha, 1963.
125. Pořízka V. The Adjectival and Adverbial Participles in Hindi Syntax. — AOr. 1952, vol.20, № 3/4.
126. Pořízka V. The Genitive in Hindi. — Acta Universitatis Carolinae. Philologica I. Orientalia Pragensia I. Praha, 1960.
127. Sahai R., Narain V. The Structure of Nounphrase in Hindi. — IL. 1964, vol.25.
128. Šarmā Šašikumār. Hindī vākyō mē anviti vyavasthā. — Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijñān ank. Naī Dillī, 1973.
129. Schokker G.H. The *jānā*-Passive in the NIA Languages. — IIJ. 1969, vol. XIII, № 1.
130. [Sharma A.] A Basic Grammar of Modern Hindi. Government of India. Ministry of Education and Scientific Research. 1958.
131. Singh J.D. Negation in Hindi. — Ls. 1975, № 149.
132. Sin h Amar Bahādur. Videšī bhāṣā ke rūp mē hindī: šikṣān ke sandarbhā mē. — Bhāṣā. Hindī bhāṣāvijñān ank. Naī Dillī, 1973.
133. Subbarao K.V. Phrase Structure Rule for Noun Phrase in Hindi. — IL. 1974, vol.35, № 3.
134. Ti v ār ī Udaynārāyaṇ. Hindī bhāṣā kā udgam aur vikās. Prayāg, sāvat 2012.
135. Up rai t i h Murāri Lāl. Hindī mē pratyay vicār. Āgrā, 1964.
136. Vāj pe y ī Kisorīdās. Acchī hindī. Himālay-ejensī, Kankhal, 1952.
137. Vāj pe y ī Kisorīdās. Hindī Šabdānuśāsan. Kāshī, sāvat 2014.
138. Var mm ā Rāmcandra. Acchī hindī. Sāhitya ratna-mālā kāryālay, Banāras, sāvat 2011.
139. Var mm ā Rāmcandra. Hindi prayog. Banāras, sāvat 2011.
140. Verma M.K. The Structure of the Noun Phrase in English and Hindi. Delhi-Patna-Varanasi, 1971.
141. Verma Sh.K. The Semantics of caahiye. — FL. 1974, vol.12, № 1.
142. Vermeer H.J. Hindi — 'enfant terrible' der Sprachwissenschaft. — IF. 1965. Bd 70, H.3 (ausgegeben im Juni 1966).
143. Vermeer H.J. Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischer Sprachen (Ein Beitrag zur Sprachbundfrage). Heidelberg, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Основы структурной организации глагольных предложений	4
Предложение и его предикативный центр	4
Структурно-грамматический каркас собственно глагольных предложений, его компоненты и конструкции	5
Имя прямого объекта и его оформление	10
Случай отсутствия имени субъекта действия в конструкциях с финитным глаголом активного залога	14
Редуцированный вариант активно-субъектной и активно-объектной конструкций	17
Имя субъекта и имя объекта действия в предложениях, реализующих конструкции с финитным глаголом инактивного залога	18
Семантические признаки "личность" ("персональность") и "волитивность"	20
Структурно-семантические разновидности предложений, реализующих конструкции с финитным глаголом инактивного залога	22
Предложения с медиопассивными глаголами	24
Единицы структурно-грамматического каркаса и члены предложений. Понятие предикативной основы	26
Аффективные конструкции	29
Формирование структурной основы предложений	30
Детерминант как единица структурно-семантического каркаса предложений. Предложения с детерминантами	32
Предложения — аналоги предложений с детерминантами	39
Характеристика глагольно-связочных предложений	42
Предложения с глаголом-связкой <i>honā</i> 'быть'	43
Глаголы в функции связи	49
Дополнительные сведения о глагольно-связочных предложениях	51
Предложения субъектной и объектной квалификации с осложненным предикативным центром	53
Глава II. Предложения с аспектуально и модально детерминированными предикативными центрами	62
Глава III. Синтаксическая связь и элементарные структуры ее реализации	91

Сочинение и подчинение как основные виды синтаксической связи	91
Подчинительные синтагмы и виды выражаемых семантико-синтаксических отношений	94
Синтагмы с зависимым компонентом — нефинитной формой глагола	103
Синтагмы с главенствующим компонентом — нефинитной формой глагола	108
Последовательное и радиальное подчинение	112
Комбинации подчинительного и сочинительного видов связи	114
Некоторые факторы формирования многословных структур	116
К вопросу о предикативной синтагме	118
 Глава IV. Средства выражения синтаксических связей и способы синтаксической организации слов	120
 Словопорядок и его роль в синтаксической организации слов	120
Синтаксическая роль служебных слов	129
Словоизменение существительных и субстантивных слов	136
Корреспонденция и управление	138
Согласование и несогласование	144
О роли интонации	152
Условные сокращения	154
Литература	158

Владимир Петрович Липеровский

**СИНТАКСИС
СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Е.К.Борисова
Младший редактор Д.Ш.Хесина
Художник А.И.Гольдман
Художественный редактор Б.Л.Резников
Технический редактор М.П.Горшенкова
Корректор Т.А.Кузнецова

ИБ № 15684

Сдано в набор 15.07.86
Подписано к печати 29.10.87
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 10,5
Усл. кр.-отт. 10,88. Уч.-изд. л. 13,24
Тираж 1000 экз. Изд. № 4938. Зак. № 373. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Готовится к изданию:

M.M.Маковский. Лингвистическая комбинато-
рика (Опыт топологической стратификации язы-
ковых структур). 20 л., 2 р. 50 к.

Книга видного специалиста по германским языкам и германской этимологии на новом материале продолжает развитие идей, высказанных автором в его прежних работах "Теория лексической аттракции" (М., 1971), "Системность и асистемность в языке" (М., 1980). В центре внимания настоящего исследования "качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких возможностей или невозможности) и результатов различных видов их взаимодействия".

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами кни-
готорга и "Академкниги", а также по адресу: 117192,
Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3
("Книга - почтой") "Академкниги".

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Готовится к изданию:

A.C.Бархударов. Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция.
16 л., 2 р.

Монография видного советского индолога, посвященная проблеме "язык и культура", — первый в отечественной индологии опыт лингвокультурологического описания. На таком благодатном материале, какой представляют индоарийские языки и санскрит прежде всего, прослеживается влияние культурной среды, культурно-исторических традиций на языковые структуры всех уровней, наиболее непосредственно — в лексике, семантике, фразеологии, стилистике.

При помощи герменевтического метода выявляются детерминирующие связи между историко-культурными и языковыми системами, между языковым развитием и культурной традицией.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книгорга и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкниги".

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

Книга известного советского лингвиста-индолога завершает серию монографий автора, дающих в сумме достаточно полное описание языка хинди («Именные части речи языка хинди», 1978, «Глагол в языке хинди», 1984). В данном исследовании автор на основе достижений общего языкознания последних лет решает ряд узловых вопросов синтаксиса хинди, которые ранее специально не рассматривались.